

Мария Мансурова

сверка 09.10.09

Мария Мансурова

Феникс

роман

Москва
2009

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
М 23

Моим дедушке и бабушке,
их любви посвящается.

Художественное оформление
Людмилы Ивановой

В оформлении переплета
использована картина
Зинаиды Чернышовой «Феникс»

Мансурова М.

М 23 Феникс: роман / Мария Мансурова. — М.:
Бослен, 2009. — 304 с.

ISBN 978-5-91187-079-9

«Смерть — конечная остановка или трамплин для новых эмоций?» — для героев романа «Феникс» этот вопрос остается открытым. Терзаемые призраками, предчувствиями и воспоминаниями, они летят на гребне надежды, собирая воедино осколки любви. Их затягивает замкнутый круг, где удушливые тропические ливни сплетаются с вихрями снега, а прошлое — с настоящим.

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-91187-079-9

© Мансурова М., 2009
© Оформление. ООО «Бослен», 2009

Цы о летающих светляках

В дождь, неожиданно, от светлячков
словно вспыхнул зеленый мох.

Кажется, легкий ветер задул,
и раскрылись двери домов.

Видно, они в рожденьях иных
ароматною были травой —

Вот и летят, тоскуя, сюда,
на замшелую стену двора.

Чжоу Тун-Гу

сверка 09.10.09

Феникс

роман

1

Мокрые листья вздрагивали от налетающих порывов ветра. Влага касалась кожи, запуталась в волосах. Черный шелк юбки, застигнутый крупными каплями, прилипал к смуглым коленям. Миранда быстро протянула шоферу смятую бумажку и, выскочив из такси, бросилась в отель. Высокий индеец распахнул перед ней дверь. Душный, вязкий воздух остался позади. Холод уколол кожу. Резким движением она развернула шаль, усыпанную бархатными бледно-лиловыми цветами, и набросила на плечи. Не раздумывая, Миранда повернула направо — в «Бар писателей». Она села за круглый

стол, покрытый бежевой кружевной скатертью. Огромные хрустальные люстры и звон тяжелых серебряных приборов создавали странный контраст с протяжным стоном ветра за окном, где магнолии плакали желтыми лепестками.

Она с неподдельным интересом начала читать меню, словно должна была сделать какой-то важный выбор. Изысканные французские названия блюд заставляли перечитывать их вновь и вновь, пока Миранда не остановила свой выбор на салате из спаржи и лососе под сливочным соусом. Кофе она попросила принести сразу, не дожидаясь десерта. Озябшие ладони с наслаждением коснулись белоснежной фарфоровой чашки, из которой поднимался горьковатый пар. Официант замер перед ней, предлагая на серебряном подносе несколько видов сахара: тростниковый крупный коричневый, мелкий, белыми кусочками-льдинками или обычный. «Вот этот, коричневый. Еще, еще!» Ее губы, язык и небо ощутили забытый терпкий вкус. Она втягивала в себя запах кофе, пытаясь не упустить ни одной ноты. За окном продолжали падать желтые лепестки...

Миранда сделала еще один глоток и невольно обернулась. За столиком у огромного стекла, по которому беспощадно хлестал дождь, сидел мужчина и внимательно наблюдал за ней. На его лице отразилось смущение, а затем как будто облегчение. Он встал и спокойным, размеренным шагом приблизился к ней.

— Простите, мне неловко беспокоить вас, но дело в том, что мы уже встречались... Я могу составить вам компанию?

Она внимательно рассматривала его лицо, не торопясь с ответом. Раскосые глаза, но кожа более смуглая, чем у китайцев, и такой высокий...

— Я не представился, меня зовут Джин Вонг.

«С какой стати! Проваливай! У меня нет ни сил, ни желания вслушиваться в твой непривычный английский тембр!» — чуть было не крикнула Миранда человеку, который в первый момент показался ей совсем молодым, а теперь вдруг старым. Губы уже приоткрылись, чтобы прогнать, но колени вдруг свело судорогой одиночества. Ей предстояло допить свой кофе, отправиться в номер и, лежа на широкой кровати под старинным потолком, слушать переливы дождя по крыше и думать, думать о них... Жестом она предложила ему сесть напротив.

— Я — Миранда. Вы давно приехали?

— Позавчера. Рано утром.

— Я тоже, какое совпадение. В первый раз в Сингапуре?

— В качестве гостя, да. Я здесь родился. Красивый отель, не правда ли? В юности он меня завораживал.

— Здесь все как во сне. От этой влажности кружится голова.

— Это с непривычки.

— Не думаю, что я когда-нибудь смогла бы привыкнуть. Официант, пожалуйста, еще кофе. Так, где мы уже виделись?

— В «Gleneagles», сегодня.

— А... Не самая интересная тема для беседы.

— Уверен, что так. Рассказать вам историю отеля?

— Лучше вашу историю. Мне нравятся эти огромные вентиляторы на потолке. Жаль, что они навеки замерли. Их убил ледяной воздух кондиционеров. Так сколько вам лет? Вы женаты? Или разведены? Дети есть? Конечно, есть, иначе и быть не может...

— Однажды я хотел жениться. Именно здесь, в Сингапуре. А просил руки моей возлюбленной в этом самом ресторане...

Внезапно Миранда вздрогнула, локоть задел вытянутую серебряную вазу на углу столика. Болезненный звон разлился по залу. Белая кала безжизненно упала на пол, истекая последними каплями опрокинутой воды.

— Простите...

Ее рука прижалась к правому боку, пытаясь унять боль.

— Вам нужно отдохнуть, я провожу вас в номер.

— Да, спасибо.

Она поднялась, не в силах распрямиться. Слабость отразилась на ее побледневшем лице. Предупреждая обморок, Джин обхватил Миранду за талию. Не спеша, они вышли в холл, добрались до лифта и поднялись на второй этаж.

— Как это возможно, что вы здесь одна?

— Виза... В последний момент мужу отказали. Какое-то нелепое недоразумение с документами!

— А как давно вы не пили кофе?

— Очень давно. Все, мы пришли. Спасибо.

— Если вдруг что-то понадобится, я остановился в 101-м номере. Возможно, вам будет грустно ужинать одной, мы могли бы...

— Да, тем более я не дослушала вашу историю. Встретимся в 8, в холле. А сейчас я должна поспать.

Миранда слегка улыбнулась, закрывая перед Джинном тяжелую коричневую дверь. Она сбросила туфли и упала на кровать. Боль вонзалась под ребро, мучительно ныла поясница. В семь утра она уже была в больнице, а в Москве — это глубокая ночь... Не вставая, она сняла юбку, кофту, расстегнула лифчик, сдавливающий грудь. Натянула на себя одеяло и закрыла глаза. Дождь все не унимался, ветер рвал ветки и ломал спицы зонтов. Капли и слезы стучались в окно...

Взгляд пытался зацепиться за какой-то предмет, но тусклый электрический свет не давал этого сделать. Узкая кровать, маленькая тумбочка, выключенный телевизор... На что тут смотреть? Только навязчивый нестерпимый звук ненастроенной волны не позволял впасть в полное оцепенение. Она резко щелкнула по кнопке старого радиоприемника. Тишина упала в комнату. «Нужно привыкать — она больше никуда не уйдет...»

Раздался еле слышный стук.

— Можно?

— Странно, что спрашиваете. Ведь в каком-то смысле вы здесь хозяин.

— Это не мое отделение.

— Да, я забыла.

— Как дела, Миранда?

«Ее имя — словно вспышка. Так неуместно здесь», — в который раз мелькнуло у него в голове.

— Нормально. Как еще?

— Я понимаю. Надо держаться. Все будет хо-рошо.

— Конечно.

— Я буду заходить. Часто. Если вы не против?

— Буду ждать.

Она заглянула в его растерянное лицо и от-вернулась к окну, где по-прежнему падал частый, беспокойный снег. «Зачем? Зачем я это сделала? Зачем я написала этот роман?» Вопрос терзал ее с самого утра, когда в зеркале она увидела свое ис-таявшее отражение. Она больше не думала о боль-нице, об уколах и капельницах, больше не плакала из-за предстоящей разлуки с дочерью. Строки были перед глазами. Один абзац, другой...

Встали они очень рано. После вялого завтрака Миранда начала одеваться. Алекс не прекращал су-етиться: искал теплые тапочки и шерстяные носки.

— Ну, где они? Вспомни.

— Какая разница?! Обойдусь.

— Там может быть холодно.

— Только не мне.

Она провела ладонью по влажному лбу. Гра-дусник за стеклом, окутанным белой вуалью, по-казывал минус пятнадцать, а ее не покидал жар. Раскаленная кровь бурлила, раздувая вены в ху-дом, измученном теле. Прохладные руки Алекса сомкнулись на ее шее, застегивая тонкую сереб-ряную цепочку с маленьким крестиком. Соня еще спала, обнимая плюшевого медвежонка. Миранда тихо поцеловала ее, поправила одеяло и вышла из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

— Поехали.

На улице было темно и холодно. Яростный ветер разбрасывал белые осколки. Машина дви-галась медленно, словно буруеваемая сомнени-ями, как и зеленые глаза Алекса. Он осторожно поглядывал на жену, на осунувшееся бледное лицо, на тонкие пальцы, с которых соскальзы-вали кольца. Она и сейчас была прекрасна, но, боже мой, почти растаяла в этом морозном утре. Только печальные синие глаза были по-прежне-му частицами апрельского неба. Неизведанная, недосыгаемая высота... Даже в минуты счастья. И теперь...

Миранда старалась не смотреть в окно, ста-ралась не замечать день, похожий на уже пережи-тые минуты. Все точно как тогда: дорога, словно ленивая гусеница, и бесконечный скрип дворни-ков, разрезающих черными полосами ее реаль-ность. Ну вот, уже совсем близко. Самого здания пока не было видно. Только голые высокие дере-вья — черная стая, кружащаяся над гнездом. Они остановились перед ржавыми воротами, впереди замерло еще несколько машин и ритуальный ав-тобус.

— Вот видишь, всюду очередь.

— Это ненадолго. Вот увидишь.

Алекс дотронулся до ее руки — маленькой хрупкой ладони, безвольно лежавшей на коленях. Что-то плотное и тяжелое сдавило его грудь. Он го-тов был повернуть назад и утопить педаль газа, но перед ними уже поднимался шлагбаум, пропуская к огромному серому зданию.

Длинный коридор, узкая палата, бело-серые простыни... Оставлять Миранду здесь — невыно-

симая попытка. Он поцеловал ее: «До завтра». Губы попытались отдать часть его надежды, трепыхавшейся в клетке из запутанных неясных диагнозов.

Она все стояла и стояла у окна... За деревьями не было видно дороги, по которой не спеша двигалась машина ее мужа. За дверью испарились шаги Виталия Серафимовича. Она улыбнулась. Хотя несколько месяцев назад, когда впервые попала к нему на прием, он показался ей неприятным, даже отталкивающим...

На ней были черные узкие брюки, бархатная водолазка и лакированные сапоги, заканчивающиеся выше колена. Не снимая перчатки, она брезгливо дотронулась до ручки двери. Он встретил ее широкой улыбкой.

— Добрый день.

— Здравствуйте. Я Миранда...

— Да, да. Я понял. Пожалуйста, садитесь. Что вас беспокоит?

— Меня мучают боли.

Он смотрел внимательно. Каждая мышца его лица выражала готовность помочь. Но Миранду всю передернуло. Подступили тошнота и слабость. Несмотря на то, что она стянула водолазку, и почувствовала себя абсолютно голой под его пальцами, прощупывающими позвонки.

— На живот. Так больно?

— Да.

— А здесь?

— Да.

— Посмотрим поясницу. Скажите, когда будет самое болезненное место.

— А-а... — Послышался сдавленный стон. Слезы обожгли глаза.

«Ему что, нравится причинять мне боль?..» Она вышла из кабинета, уверенная, что никогда не вернется. «Самодовольный дурак! Садист!» Через день он казался ей уже не таким страшным, и вскоре Миранда поняла — он именно тот, кто может помочь.

В то время все было намного проще. Или, по крайней мере, она так думала...

— Добрый день, Миранда. Устроились?

— Да.

— Сейчас придет медсестра. Покапает вам часов до двух. Не пугайтесь, если появится головокружение — это нормально. После обеда я к вам загляну.

Вскоре пришла маленькая худенькая девушка в белом халате. Ее светлые волосы были забраны в тугий хвост. Миниатюрные пальцы начали суетиться, подготавливая все для процедуры. Миранда недоверчиво рассматривала дюймовочку, пока не ощутила крепкий жгут и проскальзывающую в вену иглу. Сосредоточенность и сила, необходимые в музыке...

Она любила играть Прокофьева и тихо напевать песенки на французском. Светлые вьющиеся волосы всегда казались растрепанными, чтобы она с ними ни делала — забирала в тугий хвост или позволяла лениво лежать на плечах, — непослушные кудри падали на лицо. Ее прозрачные голубые глаза любили подолгу задерживать свой взгляд на

каком-нибудь незначительном предмете, а хрупкие пальцы вечно теребили все, что попадалось им на пути — молнии, застёжки, золотые сердечки на браслете и собственные мягкие завитки. Казалось, эта миниатюрная девушка создана для музыки. Поэтому в первые дни однокурсники недоумевали, как из Гнесинки Тамара попала на журфак.

Аккуратным почерком она записывала лекции в толстую черную тетрадь. И постоянно задавала вопросы преподавателям, над которыми они ломали голову. Сначала всем казалось, что к ним попал маленький музыкальный гений. Но вскоре длинные изломанные предложения начали действовать на нервы. Нередко, чтобы выразить самую простую мысль, Тамаре приходилось прикладывать невероятные усилия. Мышцы лица напрягались, губы складывались в тонкую напряжённую линию, а пальцы наигрывали на столе одно из произведений, которое она знала наизусть.

Миранда с трудом разомкнула веки. Размазанная тушь колола глаза. Медная стрелка часов, стоящих справа, показывала пятнадцать минут восьмого. «Нужно подняться, привести себя в порядок», — мелькнуло в голове. И вновь необъятное чувство неизбежности сдавило грудь. Она взяла маленький фотоальбом с тумбочки и начала медленно переворачивать страницы: вот они все втроем на море — у Сони мокрые взъерошенные волосики, Алекс жмурится от солнца, это — дома с ее любимой плюшевой пандой, мама, папа — когда праздновали день рождения, бабушка — глаза грустные, как всегда... Миранда вглядывалась в каждое люби-

мое лицо и чувствовала, как нарастает шум дождя. Она медленно встала, преодолевая сопротивление тела. Ноги наощупь искали белые махровые тапочки, потерянные в огромном номере, будто в пустыне, где каждый предмет, не имеющий никакой связи с ее прошлым, вызывает воспоминание. Запахи цветов, собранных в причудливую композицию, жасминного мыла и даже ее собственных духов усилились во сто крат от влаги, притаившейся за окном. Она поужинает с Джином, будет слушать его и как можно меньше думать. «Соня, наверное, только что пообедала и сейчас засыпает. Алекс...»

На ней было узкое черное платье, подчеркивающее ее хрупкий стан, из под густого русого каре сверкали бриллиантовые серьги, узкие стопы обхватывали атласные босоножки. «Будто на свидание», — усмехнулась она своему отражению. Только синие глаза, космос печали и усталости, разрушали образ предвкушения. Он стоял внизу. Она направилась к нему по лестнице, устланной густым ковром. «Как в «Унесенных ветром». Привет, Ред!»

— Добрый вечер, мистер Вонг.

— Вы прекрасно выглядите.

— Не так, как утром? Там, в этих местных кимоно, все выглядят одинаково. Не правда ли?

— Я не согласен. Одинаковыми всех делает ужас перед тем, что их ждет. Где вы хотите поужинать?

— Здесь, снова. — Она кивнула в сторону «Бара писателей» и быстро скользнула по нему взглядом. Черный смокинг безупречно сидел на подтянутой фигуре, но морщинки под глазами и пробивающаяся сквозь смуглую кожу блед-

ность не могли скрыть, что и его день был не самым легким. Они сели напротив друг друга, словно делали это миллион раз. Миранда заказала кофе.

— Может, не стоит?

— Задавать мне этот вопрос?

Долгий, спокойный, понимающий взгляд коснулся ее плеч. «Он необыкновенно красив... — обдало Миранду горячей волной. — Хотя это так неважно...»

— Что ж... Рассказывайте, Джин.

Смуглые аккуратные пальцы сжали холодное стекло стакана, он сделал глоток воды.

— В то время Сингапур был совсем другим. Сейчас вы прилетаете в Чанги и видите роскошь во всем, идете по набережной реки, а там кругом небоскребы и целующиеся парочки. Во времена моей юности прикосновение к руке девушки уже считалось верхом блаженства. Мой отец был китайцем, мать наполовину индианка, наполовину малайзийка. В семье смешались религии и обычаи, это неизбежно приводило к столкновениям. Конечно, мама никогда в открытую не перечила отцу, но ее молчание часто нависало тяжелым грузом над нашим ветхим домом. В семье было трое детей, у меня был старший брат и младшая сестренка. С братом мы никогда не ладили. Он был слишком рассудительным и думал исключительно о хлебе насущном. Оценить его старания я смог намного позже, когда уехал в Китай. Джасмин же всегда и во всем понимала меня. «Мой дорогой брат», — так она любила обращаться ко мне, моя маленькая черноволосая девочка. Нам приходилось нелегко, поэтому к семнадцати го-

дам я успел поработать в самых разных местах: в крошечном индийском ресторанчике возился на кухне, руки были вечно обсыпаны специями, в магазине упаковывал покупки и тому подобное. Последним местом стал цветочный магазин, где я был рассыльным. Эта работа мне нравилась намного больше других. Я словно приобщился к прекрасному. Теперь я постоянно ощущал запахи свежей зелени, дурманящие ароматы срезанных цветов и дорогих духов женщин, которым я приносил букеты. Обычно двери мне открывали служанки, но молодые особы, увидев цветы, бросались ко мне, чтобы забрать их. Довольные, они одаривали меня улыбками. Я знал, что я для них никто и ничто, и все же сердце наполнялось глупой гордостью. Смешно вспоминать...

— Почему? По-моему, это очень трогательно.

— Жаль. Мне совсем не хотелось быть трогательным.

— Но это не вы, а тот юноша, которым вы были когда-то.

Джин усмехнулся.

— Вижу, вы умеете подбодрить человека.

— Наверное, умею. Только не сейчас и не здесь.

— А другого времени просто не бывает.

Миранда повернула голову к окну. Разговор начал тяготить ее. Она хотела отвлечься, но ее проблемы вдруг стали еще более отчетливыми и близкими. «Нужно было остаться в номере и спать дальше». Вдруг что-то теплое коснулось ее руки. Его властная сильная ладонь обхватила ее вздрагивающие пальцы.

— Это еще что?! — попыталась она выдернуть руку и тут заметила, что плачет...

Уже два дня она находилась в больнице, но казалось, бездна времени отделяет ее от обычной жизни. Метель не прекращалась с того дня, как она попала в эту серую палату. «Так будет всегда — солнце уже никогда не выглянет. Ад бесконечных повторов: капельницы, уколы, частые звонки и ожидание, когда придет Алекс или родители». Визиты Виталия Серафимовича не входили в это расписание. Они были словно чем-то отдельным, не связанным с ее жизнью, хотя его задачей было снять боль, разрывавшую поясницу. Он приходил после обеда, садился на стул, обтянутый полопавшейся искусственной кожей.

— Ну, как сегодня?

— Да так же.

— А спина?

— Болит.

Похоже, другого ответа он не ждал. А спрашивал просто так, потому что не решался произнести вслух остальные вопросы, постоянно мучающие его. Он начинал растирать ладони, чтобы не дотрагиваться до нее холодными пальцами. Яростно тер руки, так, что Миранде казалось, еще чуть-чуть — и раскаленная кожа не выдержит. Потом он касался ее обнаженной спины. В этот момент все отступало — боль и тревоги. Она чувствовала только тепло, проникающее сквозь нее, сладко пронизывающее все тело. Дыхание перехватывало, щеки заливались румянцем. Ей хотелось, чтобы это длилось как можно дольше. От поясницы он переходил к ее шее, го-

лове. Нажимал какие-то точки, поглаживал и мягко отпускал, будто сон, таявший в преддверии утра. На прощание он задерживал на ней взгляд дольше, чем следовало. В его высокой спортивной фигуре появлялась какая-то робость. Миранде нравилось наблюдать за этой забавной трансформацией силы в неуверенность, она чувствовала почти физическое наслаждение и не хотела его отпускать. Потому что, как только он закрывал за собой дверь, она оставалась наедине с вихрями снега, бросающими ледяные стрелы в грязное оконное стекло.

Сегодня она не выдержала. Он ушел. А перед ней тут же возникло маленькое заплаканное личико и крик: «Мама!» Еще чуть-чуть — и голова разорвется, она убежит с этого дьявольского Осеннего бульвара. Он тоже хотел убежать... Миранда резко встала с кровати, так, что закружилась голова. Она решила догнать Виталия Серафимовича, чтобы еще немного продлить тепло и отодвинуть надвигающийся ветер. В пространстве между палатами слышался свист сквозняков. Она вышла и замерла. Неожиданно показался проблеск солнца. В конце коридора распахнулись белые двери, и она увидела черный силуэт на фоне света — худая сутулая фигура старика. Колени задрожали. Миранда присела на скамейку у стены не в силах оторвать взгляд. Вскоре двери захлопнулись, но свет все еще продолжал слепить ей глаза...

Она любила приезжать на дачу, наверное, как и все дети. Днем каталась на велосипеде, мчалась с горок навстречу веселому солнцу и легкому ветерку. Лязганье педалей, щебетание птиц, еле уло-

вимый шум далекого шоссе превращались в мелодию, слышную ей одной. Брат в это время обычно играл в карты с ребятами или занимался еще какой-нибудь ерундой. Конечно, его дела не были такими важными, как ее. Но в два часа каждый бросал свое занятие и возвращался домой. Их ждал обед.

— Мойте руки! — кричала бабушка из распахнутого окна.

Сильная струя холодной воды вылетала из водопровода на ладони, белые от песка. Они шли на веранду и садились за стол. Густой пар поднимался над борщом, который бабушка по очереди налиwała в глубокие тарелки с золотой каймой, — сначала дедушке, уже успевшему натереть чесноком горбушку круглого черного хлеба, потом детям. Говорили ни о чем. Миранда хотела поскорее подняться к себе наверх, посидеть у окна — помечтать о том мальчике с грустными глазами. Брат рассказывал очередные анекдоты, бабушка стояла у плиты, переворачивала деревянной лопаткой котлеты на раскаленной сковороде, а дедушка вел свою обычную монотонную «песню» про то, что нужно это и ненужно то. Он громко прихлебывал суп, методично снимал шкурки с копченой колбасы, разбрасывая их по столу. А стоило бабушке присесть на секунду, поднимал ее фразой: «Варюш, мне б еще картошечки!» В душе у Миранды рождалось недовольство, странная неприязнь, протест. В этом прекрасном летнем дне была какая-то ошибка, черное пятно на голубой лазури...

2

Машина не спеша ехала по крутой извилистой дороге. Позади остался аэропорт Женевы, где пару часов назад приземлился их самолет. Слегка уставшие после полета, они сели в такси, которое несло их теперь мимо гор, пронизанных мягкими лучами солнца.

— И это начало января! — восторженно произнес Виталий Серафимович, оглядывая влажную густую зеленую траву у подножия холмов.

— Здорово, пап! — отозвался сонный Насенькин голосок. Наташа молча улыбнулась. Наконец-то они дождались отпуска и проведут вместе

целых две недели. Больница, пациенты совсем поглотили ее мужа, а он такой — должен всем помогать. Как же ей надоело — до смерти! Хотя в начале знакомства именно эта черта делала ее избранника невообразимо прекрасным.

— Ты довольна? — ласково обратился он к жене.

— Сам знаешь — очень! — улыбка скользнула по ее лицу.

А Виталий Серафимович вновь отвернулся к спокойным неподвижным белым горам. Ему несложно было шутить с ними — играть с дочкой, быть нежным с Наташей. Только когда отворачивался, а перед ним безупречный, чистый воздух смешивался с надвигающимся вечером, — в этот момент нестерпимая грусть разливалась по его сильному телу. Раньше жизнь была очень проста — ясные стремления, четкие цели. И еще всегда был план, как осуществить задуманное, будь то выздоровление пациента или строительство загородного дома. Но вдруг туман обрушился на его жизнь, такой густой, что не различить ни одного любимого лица. Даже собственное отражение в зеркале было лишь отзвуком прежней жизни, стремительно летящей вперед. Он всегда хотел быть врачом. Его не привлекала хирургия, она казалась каким-то слишком простым и неправильным решением, несмотря на высокую значимость. Для себя он избрал профессию вертебролога, хотя в основном его называли мануальным терапевтом. Было в этом что-то захватывающее, словно поиск сокровищ. К нему обращались пациенты, терзаемые мучительными болями, их тела, сгорбленные, изможденные, жаждали помощи. И он

давал ее. На проблему смотрел как на шар, который нужно обойти со всех сторон, чтобы понять. Вправлял позвонки, делал уколы, разрабатывал индивидуальную программу гимнастики. При этом внушал все больше доверия и вселял оптимизм. Работал шаг за шагом, пока, наконец, не видел результат. В сердце рождалось необыкновенное чувство, будто оно наполнялось светом и спокойствием. Домой он летел довольный, уверенный в своей безграничной силе.

Но однажды пришла она. Явилась прямо из шекспировской трагедии к нему в кабинет. Его профессор, наставник, которому он обязан своими знаниями, был знаком с ее мужем. Он рекомендовал его как «выдающегося специалиста», тем самым усугубив его ответственность. Она вошла, хрупкая, изможденная, и все же — как с обложки глянцевого журнала: глаза синие, две звезды в таинственном море, длинные ноги в лакированной коже, лицо с тенью усталости, как у всех красавиц. Он не привык в этих стенах видеть подобных девушек, обычно входили сгорбленные старушки и старики, пропахшие дешевым табаком. Были, конечно, и расфуфыренные бизнесмены, к которым он ездил в загородные дома. Но такие, как она... Он растерялся, поэтому пытался быть более официальным, чем обычно, и нажал на позвонки чуть сильнее, чем следовало. Они договорились о времени следующего визита и распрощались. Странно и неприятно было брать из ее рук деньги. Почему?..

Темнота набросила черную шаль на землю. Виталий Серафимович вдруг остро ощутил, хотя и зеленеет кругом трава — сейчас зима, как бы она ни выглядела, от нее не уйти. Водитель сбавил

скорость, перед ними проплыла табличка «Эвьян-ле-Бен».

— Приехали, — шепнул он Наташе, потому что Настенька давно крепко спала.

Они вошли в «Royal Ermitage» и прогрузились в рождественскую атмосферу, все еще царившую здесь. Повсюду были развешены еловые венки, разноцветные гирлянды и стеклянные блестящие шары. Справа в холле пылал камин, поленья приятно потрескивали, огонь вздрагивал и дарил тепло. Лица его «девочек» засияли от восторга.

— Просто сказка! — воскликнула Наташа.

Они поднялись в номер. Вся обстановка была выдержана во французском стиле: белая мебель с патиной, три огромных окна до пола — прямо перед кроватью и по бокам, над изголовьем — размытый пейзаж, написанный акварелью. Наташа достала одежду из чемодана, чтобы переодеться и пойти ужинать. Виталий Серафимович тем временем распахнул тяжелые шторы. Бесконечные густые деревья тянулись стройными рядами, их верхушки упирались в сине-черное небо. Прекрасный пейзаж его нестерпимого одиночества...

В половине седьмого утра Миранда спустилась в холл отеля. Джин уже стоял возле огромного лилового букета. Она поздоровалась с ним кивком головы. Молча они вышли из отеля и сели в такси. По дороге в больницу внутри снова рождался протест, словно ее тащили туда силой. Но локоть, нечаянно задевавший руку Джина, слегка успокаивал. Вдвоем проще, они делят общий страх и общую надежду. Впрочем, он был спо-

койным, а его взгляд заботливо касался ее лица, будто это только ее испытание, а он здесь, чтобы защитить. За окнами скользили широкие густые ветви тропических деревьев, шелестели мокрые острые листья пальм. Дождь прекратился, но беспокойные порывы ветра и бледное бескровное небо нашептывали о скором возвращении мокрых стрел. Миранде было холодно от бессонницы и беспощадного кондиционера. Она не завтракала, вынуждена была принять теплый душ слишком быстро, и теперь тело ныло больше обычного. Невольно она прижалась к Джину, согревающему ее без всяких вопросов. На какое-то мгновение все отступило — ее жизнь, ее боль... Тонкая хлопковая ткань ее черной рубашки терлась о светлый пиджак, тихое шуршание, как звук прибоя, слегка убавляло. Джин повернул голову к окну, поэтому Миранда не видела, что его глаза закрыты, а рот слегка вздрагивает, от улыбки или, может быть, от тоски.

Машина затормозила у главного входа в «Gleneagles». Они поспешно вышли. Поток горячего душного воздуха и вновь пронизывающий холод мраморного холла. Справа, в «Дели Франс» сутились люди. Ели круассаны, пили кофе. «Странный оазис нормальной жизни», — подумала Миранда. Они повернули налево, прошли по коридору и остановились.

— Я не знаю, сколько времени займет моя процедура, — произнес Джин тихим низким голосом.

— Я тоже.

— Если освобожусь раньше, буду ждать вас. А если вы, возвращайтесь в отель.

— Меня тоже не ждите, — быстро бросила Миранда и пошла навстречу высокой женщине-переводчице, помогающей ей ориентироваться в медицинских терминах. Ольга переводила спокойно, без эмоций. Она привыкла следовать за больными по кабинетам и отделениям, заглядывать в их широко распахнутые глаза и несколько раз повторять диагноз.

— Что у нас сегодня? — спросила Миранда, оглядываясь на удаляющуюся фигуру Джина.

— Сейчас сдадим кровь, потом пойдем на КТ.

— Это долго?

— Неизвестно. Зависит от очереди.

— Ясно.

Кровь, как гранатовый сок, быстро бежала из вены и падала в пробирки, ловко подставляемые медсестрой-индианкой. Руку туго перевязали, и Миранда пошла дальше. Переделась в больничный просторный халат в тонкую голубую полоску и села на коричневый кожаный диван вместе с остальными пациентами. Миранда старалась не смотреть в их лица. Она устала видеть болезнь, жажду бегства. Ей безумно хотелось попасть в Просвирин переулок, в свою уютную квартиру, прижаться к Алексу и сварить Сонечке какао...

Ей пришлось сидеть больше двух часов, прежде чем ее вызвали в кабинет. Круг с мигающими огоньками завертелся над ней, потом зашипел, остановился. Невысокий врач-китаец в очках с тонкой оправой приблизился к ней.

— Вас давно мучают боли?

— Два года.

— Сейчас мы введем вам контрастное вещество. Появятся кратковременные неприятные ощущения: чувство жара и металлический вкус во рту. Это быстро пройдет.

В уже вставленную в вену иглу приснула бледно-розовая жидкость. Мгновенно огонь пронесся по ее телу и застрял внизу живота. Аппарат вновь загудел. Руки, поднятые вверх за спину, онемели. Миранде почему-то вдруг вспомнились непослушные светлые завитки и тихий смех. И еще ее слова: «Самоубийцы отвратительны. Внезапная смерть обезображивает человека. Ты так не считаешь?»

Она любила разговоры о жизни и смерти. И в общем, порядком мне поднадоела. Мало того, что мать постоянно занимала ее мысли, а следовательно, и наши разговоры, теперь стали всплывать факты об остальных родственниках. Они все были из Ухты, по крайней мере, она так говорила. Ее бабушка умерла несколько лет назад, но Тамара не желала смириться с этим. Поскольку ее мать работала в агентстве «Лунный свет», дочка тоже решила подключиться к воскрешению из мертвых. Наш курс это жутко забавляло. Не было ни одного дня, чтобы однокурсники не перебросились парой фраз о нашей «чокнутой». Тамару это не задевало. Она смотрела на всех сверху вниз и продолжала наигрывать пальцами по столу. Тихий стук музыки без фортепьяно сопровождал все лекции.

И вот однажды апрельским солнечным днем она заявила, что воскресила бабушку. На взрывы хохота никак не отреагировала. Просто подошла ко

мне, схватила за локоть и прошипела: «Нам нужно поговорить».

— Но мы только и делаем, что говорим. Ты мне уже все нервы измотала.

— Любое изменение в сознании, а тем более в подсознании всегда болезненно.

— Слушай, может, хватит? Такой чудесный день — тепло, солнышко наконец выглянуло. Ты в курсе?

— В Киноцентре в пять часов «Восемь женщин» Озона, пойдём?

— Да, конечно.

Она улыбнулась своей игривой, вечно двусмысленной (часто не к месту) улыбкой. Проворные пальцы начали наматывать завитки вокруг своей оси. «Черт! Иногда хочется тебя ударить!» — подумала я и улыбнулась ей в ответ.

Как только Миранда подошла к шкафчику, где была заперта ее одежда, она услышала знакомое дребезжание мобильного. Уставшая рука попыталась как можно быстрее открыть дверцу и выхватить из сумки телефон.

— Алло!

— Привет...

— Алекс! У вас же еще совсем рано! Сонечка еще спит?

— Да, ты расскажи, как ты?

— Сегодня опять сдавала кровь, потом делали томографию.

— И что?! Говори быстрее!

— Да пока ничего. У них здесь такой порядок — обо всем сообщает только лечащий врач.

Так что, пока все не сделают, я вообще ничего не узнаю.

— Ясно. Наверное, это правильно. Ну, а как ты? Ужасно устала? Крови много взяли?

— Достаточно. Очень тяжело: этот перепад времени, да еще духота невыносимая. Такая слабость...

— Держись. Я тебя очень люблю.

— И я тебя, — влага подступила к ее глазам, ногти впились в ладонь. — Сонечка нормально спит? А ест?

— Да, не переживай.

— Ладно, я позвоню потом из отеля.

— Ты уже едешь?

— Да, только переоденусь. Пока.

— Пока. Я тебя люблю.

Тело разбито вдребезги, ноги отказываются идти. И ничего не ждет ее в сегодняшнем дне, кроме отеля, охваченного дождем. Миранда направилась к выходу, надевая темные очки, хотя все вокруг для нее было и так достаточно черным. Ее окликнул мужской голос. Джин, сидевший в холле в кресле, поспешно сворачивал газету. Он встал и быстро пошел ей навстречу. Миранда совсем забыла о нем, и теперь обрадовалась, что кто-то не даст ей расплакаться.

— Как вы? — спросила она, видя его изможденное лицо и воспаленный блеск в глазах.

— Да ничего. Лучше, чем тот юноша, которым я был когда-то.

— Я надеюсь, вы мне еще расскажете о нем.

Снова мимо проплывали мокрые лианы. Разноцветные зонты мелькали вдоль дороги. Не-

смотря на обеденное время, казалось, что вот-вот подкрадутся сумерки. Джин глубоко вздыхал, его тело стало тоньше и каким-то хрупким. Такое ощущение было у Миранды. Она взяла его за руку, потому что теперь ему нужно было ее тепло. Его смуглые пальцы ответили ей крепко, насколько могли. Лицо, с глубокой синевой под глазами, приблизилось к ней. Ее пульс начал догонять такт дождя, губы приоткрылись, готовые сорвать поцелуй, как он когда-то срывал цветы для своей возлюбленной, но Джин только устало улыбнулся ей в ответ. Она опрокинула голову на его плечо: «Наверное, это все какой-то нелепый, затянувшийся сон. Только бы проснуться...» Но холодные губы уже касались ее рта, а кожи — тихий шепот: «Простите, я не смог удержаться...»

3

Сквозь приоткрытое окно долетали запахи лета, где-то вдали слышался приглушенный звук электропилы. Соседка бурно обсуждала с какой-то женщиной свой сорт огурцов, дети смеялись, иногда слышался звонок проезжающего велосипеда. Миранде не хотелось открывать глаза, хотя уже давно пора было завтракать. Ее сладкие медовые сны перемешивались с предвкушением нового дня, окутывая тело мягким облаком счастья. Она слышала, как бабушка внизу накрывает на стол, в саду раздавались голоса родителей, приехавших вчера вечером.

— Сейчас начнется! — на первом этаже слышался громкий бабушкин голос, обращенный к Миранде. А вслед за ним из старого громоздкого телевизора вылетела знакомая песня на испанском. Она быстро вскочила с кровати и натянула на загорелую фигурку голубое платье в мелкий цветочек — начинался ее любимый сериал. Она была начитанной девочкой, и всякий бред старалась не смотреть. Но этот сериал, где глаза у женщин были подведены черным, массивные браслеты звенели от бурной жестикуляции, а главные герои любили друг друга вопреки всему, рождал в сердце Миранды какую-то необъятную надежду на чудо. А песня, звучавшая вначале, подбрасывала ее до небес.

Все, кроме дедушки, уже давно позавтракавшего, сидели за столом, увлеченные свежим белым хлебом и черничным джемом. Миранда пила кофе со сливками, не отрываясь от экрана.

— Кто это сделал! — раздался яростный крик. После чего показался дедушка с перекошенным от ярости лицом. Пальцы, скрючившиеся от злости, трясли календарь. Все с недоумением посмотрели друг на друга.

— Дед, упокойся, сейчас разберемся. В чем дело-то? — папа вопросительно развел руками.

— В чем?! Видишь календарь? А красный квадрат, показывающий число, видишь?! Нет?! Я тоже не вижу!

— Пап, он сломался, лежал на полу. Я его выбросила, — расстроено произнесла мама.

— Видишь, Варя, я тебе говорил — эта тварь хочет меня изжить со свету! Не дожدهшься!

Мама вскочила и бросилась на улицу. Миранда последовала за ней, прошептав сникшему брату: «Он опять за старое, я тебе говорила — не успокойтись! Ненавижу». Мама сидела на крыльце и тихо плакала. Миранда обняла ее. Все краски вокруг потухли, сериал кончился — слышалась финальная песня.

— Я не понимаю, должны же в конце концов поставить диагноз. Так же не бывает! — Алекс возмущенно ходил по палате, перекладывая мобильный из одной руки в другую. Миранда сидела на кровати, подобрал ноги.

— Не знаю. Черт знает что! Сегодня утром я был у Марьи Петровны, она говорит, все возможные анализы уже сделали: биохимия плохая, но никаких вирусов по-прежнему не выявлено. Многие специалисты мне рекомендовали ее как ведущего гепатолога. — Виталий Серафимович смотрел то на Алекса, то на Миранду.

— И что теперь?

— Надо подождать. Биопсия — это крайняя мера. Печень слишком уязвимый орган, поэтому с этим торопиться не стоит. Пока нужно поддерживать иммунитет.

Алекс присел рядом с Мирандой. Все это он уже слышал и от самой Марьи Петровны — громадной женщины, сотканной, сваленной из сигаретного дыма. На завтрак она, видимо, вместо кофе пила коньяк.

Это тянулось так долго, что казалось, было всегда. Сначала Миранда родила Сонечку. Их счастье заполнило мир вокруг. Но тут началось... Ей все

время было плохо. Боль сделала ее замкнутой, порой раздражительной. Она срывалась и кричала на него, потом плакала. Иногда Алекс чувствовал, что он на пределе. Хотелось бежать как можно дальше, умчаться на своем спортивном «Мерседесе». Эти мгновения обрушивались на него, как лавина, посреди бесконечных домашних забот. Но чаще он мечтал о том, что все будет как раньше. Миранда выздоровеет и вновь будет заливаться смехом. Вместе с Сонечкой... Теперь же, когда ее вырвали из дома, заперли в тусклой палате, он хотел только одного — забрать ее домой, где быть без нее — значит ежесекундно погружаться в ад.

— Эй, мы выберемся. Все будет хорошо. Ты мне веришь? — он взял ее за руку. Виталий Серафимович быстро отвел взгляд. «С какой стати он отчитывается перед ним? Разве ему легко? Уйти. Как можно скорее». Но, прощаясь, он невольно посмотрел в ее синие глаза — бесконечное бездонное озеро...

— Пап, когда пойдем к озеру? — Настенька насыпала в глубокую тарелку горсть кукурузных хлопьев, перемешала их с молоком.

— Да прямо сейчас. Позавтракаем и пойдем.

— По-моему, мы зря тащили наши свитера. — Наташа пила вторую чашку кофе и ела кекс с абрикосовым джемом. Просторный зал заливало солнце. Сквозь огромные окна ресторана видна была синяя полоска озера. Пахло кофе и свежей выпечкой. Людей было совсем немного: семья с двумя детьми за соседним столиком, пожилая пара в конце зала, и одинокий мужчина, кажется

китаец, у окна. Виталий Серафимович намазывал мягким маслом хрустящий багет и не мог совладать с собственным лицом, то и дело поворачивающимся к смуглому человеку с раскосыми глазами. — Эй, ты чего? Чем он так заинтересовал тебя?

— Да ничем. Просто вся наша жизнь — череда опасных совпадений. — Жена недоверчиво посмотрела на него. — Идем?

Птицы щебетали. Пахло травой, влажными листьями. Погода больше напоминала апрель, чем январь. Настя восторженно сбегала с горок, пряталась за массивными стволами деревьев и то и дело вскрикивала: «Белка!» Постепенно они спускались вниз. Перешли дорогу по узкому деревянному мосту, сбежали по ступенькам. Показался «Royal Palace» — отель, находившийся прямо у самого озера. Этот вариант им тоже предлагали в турагентстве, но они предпочли атмосфере вычурной роскоши уютный небольшой отель. Хотя близость к воде была, на их взгляд, неоспоримым преимуществом.

Солнце начало бледнеть. Гордый «Роял» выплыл из набежавшей дымки, сверкая сквозь стекла громадными хрустальными люстрами. Чем ближе они подходили, тем гуще становился туман.

— Это из-за озера. Просто мы в низине и рядом вода, — объяснил он испуганной Насте.

— Прямо мороз по коже. Сейчас собака Баскервилей появится.

— Наташ, ну ты-то не маленькая.

— Пап, пойдем облатно.

— Ладно, трусишки. Только быстро сбегая посмотрю, что там. Я мигом.

Он нырнул в туман, обогнул отель и оказался у воды. Тяжелая, густая, она выглядывала сквозь серую вуаль. Все внутри напряглось: «Этот китаец, откуда он? Озеро будто бесконечное... Как ее глаза. Ее тело — холодное, хрупкое, клубок боли, мучительно желанное... Нужно идти обратно, к ним. Его девочки, его семья стоит посреди тумана и ждет, когда он вернется. А она?.. Она и есть этот туман. Дурманящий, сладковато-горький. С глазами, в которые падаешь и падаешь... И зачем она написала свой роман? Зачем так не хватает ее?..»

Обедали они снова в том же ресторане. Вели себя так, будто ничего между ними не произошло. Джин постоянно пил воду, жажда выжигала его изнутри. Миранда разглядывала его темные глаза, следила за движением руки, бесконечно поднимавшей вытянутый стакан.

— Чем вы занимаетесь, Миранда?

— Я писатель.

— Это просто потрясающе. О чем вы пишете? Я бы очень хотел почитать.

— Недавно вышел мой роман «Мокрые деревья».

— И? Расскажите.

— Не сегодня. Я бы предпочла послушать вас.

— А знаете, в молодости я тоже мечтал стать писателем. Кстати, в этом отеле бывали Киплинг и Моэм. Правда, это известно каждому посетителю.

— Прошлый раз вы закончили на работе в цветочном магазине.

— Да... Я был восхищен. Слишком ждал чего-то невероятного, слишком много мечтал. Однажды меня отправили доставить бледно-фиолетовый букет из орхидей Ванда Мисс Иоахим. Я сразу понял, что такие роскошные цветы могут ждать только в очень богатом доме. Так и получилось. Я попал в красный дом перанаканов. Открылась дверь — и будто золотая пыль посыпалась мне в глаза. На стенах висели вышитые шелком картины, комната была обставлена массивной мебелью из красного дерева, повсюду стояли вазы из тончайшего молочного фарфора, безупречно расписанного рукой мастера. Из всего этого великолепия выплыла девушка в платье из темно-зеленого шелка. Ее оливковая кожа, встревоженные карие глаза, струящиеся волосы, тонкая талия — все это мгновенно вонзилось мне в сердце. Я склонил перед ней голову, не в силах вымолвить хотя бы «Здравствуйте». Помню, как пылало мое лицо, как внутри раздался звон тысячи колокольчиков... Она была прекрасна. И ее реакция на букет тоже поразила меня. Она одарила цветы таким взглядом, будто перед ней был клубок змей, и вышвырнула их в окно. Потом, заметив, что я все еще в комнате, произнесла спокойным голосом: «Простите, но у меня дикая аллергия. Еще секунда, и я бы упала в обморок».

В ответ я собрал последний воздух, оставшийся в легких.

— А есть цветы, не вызывающие у вас подобную реакцию?

— Наверное. Что-то дикое и колючее.

Она исчезла, оставляя волну гордении вперемешку с амброй. А передо мной захлопнулась

тяжелая дверь с золотой резьбой. С этого дня для меня началась новая эра. Я бредил этой девушкой, не зная даже ее имени. Район, где находился ее дом, стал излюбленным местом моих прогулок, несмотря на то, что я чувствовал себя там грязным бедняком, чьи руки не отмыть от кари. У меня не было четкого плана, как завоевать ее. Единственное, что я знал — нужно подарить ей букет, который она не вышвырнет в окно. Но где взять такие цветы для девушки, столь искушенной в вопросах подарков?

Я решил сам составить букет и для этого отправился на остров Сентоза. В то время город еще не был соединен мостом с островом, пришлось найти лодочника, отдать ему свои скудные сбережения, чтобы он довез меня до густых, влажных зарослей. Несколько часов я как одержимый разглядывал веточки, листья, лепестки, выбирая самые необузданные, но прекрасные. Вскоре я держал в руках маленькую частицу леса, тропический оазис. С этим подношением я отправился к ней домой. Уже перед красной дверью я подумал, что, возможно, ее нет дома. Раньше мне эта мысль как-то не приходила в голову. Она пронзила мое тело с головы до пят, но не заставила отступить.

— Что вам угодно? — спросила служанка с туго убранными волосами.

— Я принес цветы для мисс.

Она недоверчиво оглядела букет.

— Хорошо, я передам.

— Нет, дело в том, что я должен вручить ей лично, — произнес я, набравшись храбрости, ясно сознавая наглость подобного заявления.

— Что ж, я здесь, — она выплыла, как птица по водной глади. На ней было бледно-розовое кино, волосы заправлены за уши.

Я смотрел ей в глаза — долго, пытаюсь передать переживания последних дней, и протянул букет.

— Позвольте подарить вам эти цветы. Уверю вас, они абсолютно дикие. Я сам собирал их целый день на Сентозе.

Она, смущаясь, улыбнулась и взяла букет, слегка задев своей маленькой ладонью мою руку, изрезанную и исколотую непокорными растениями.

— Похоже, это правда.

— Могу я узнать ваше имя?

— Чин Тан, — сказала она и исчезла за ширмой, на которой плясали павлины.

Миранда видела, что руки Джина как-то странно начали вздрагивать.

— Вам нужно пойти в номер и прилечь.

— Да, это будет самое разумное. Только провожу вас.

— Не надо.

Но он все равно пошел за ней нетвердой, шаткой походкой. У Миранды кружилась голова, она безумно устала. К ее эмоциям, свитым из страхов, примешивалось теперь нечто новое: незнакомый ей человек будет лежать в комнате совсем один, разрываемый демонами. Она сказала: «До вечера». И вошла в свой номер. Шум дождя, который потерялся для нее на пару часов, вновь начал тисками сдавливать голову. Она легла в кровать. Слишком мягкую, слишком большую. Плот, несущийся в потоке дождя. «Джин один... Джин один... Может, уми-

рает... Где мое обезболивающее? Виталий, когда прощались... Алекс, я люблю тебя. Господи, как я люблю тебя! Который в Москве час?..» Тело сопротивлялось, веки вздрагивали, но тяжелый сон все же завладел ею...

Забавно, но я никогда не была у нее в гостях. Мы ходили в кафе, театры, на выставки, но к ней — никогда. Она всегда придумывала отговорки: «Мама приболела. Эта Дарья, дура, опять не пришла вовремя и не убралась». Или просто меняла тему разговора, хотя свое жилище описывала очень часто. Говорила, как тяжело смотреть за такой огромной квартирой, постоянно нужно полировать хрусталь, чистить ковры, а ее домработница вечно не справляется. Постепенно я стала представлять ее квартиру как прекрасный дворец. Даже неловко было приглашать Тамару к себе.

Еще был Женя. Тамара подробно рассказывала, как они познакомились. Она подвернула ногу, когда опаздывала на экзамен. Была жуткая метель, мокрый снег облепил пушистый воротник из лисы, и ни одна машина не желала остановиться. Из вихря снега появился ее принц, подобрал, обогрел, да еще и экзамен сдала. Вскоре он поселился у нее. Мама не возражала, потому что в то время сама чаще жила у своего любовника. Я уговаривала Тамару познакомить нас, но она не соглашалась и воспринимала мои попытки как-то болезненно. «Как хочешь», — решила я и смирилась. А Женя, на мой взгляд, прочно обосновался у нее.

В мае мы сдавали курсовую. Я писала целыми днями, закрывая мягкое солнце темными што-

рами. Тамара ныла в телефонную трубку, что Женя совершенно не дает ей заниматься, и она снова испытывает непреодолимое желание играть. В день защиты я пришла пораньше и у входа в институт столкнулась с Марком. Он, как всегда, был в обтягивающих джинсах, кедах и нервно курил.

— Ой, не знаю, не знаю, как мы все это сдадим! Кошмар! А вчера (он громко рассмеялся, прикрывая рот ладонями)... Вчера, представляешь, звонит мне Тамара в одиннадцать часов вечера и орет в трубку: «Ты должен мне помочь! Я вообще не готова! Меня отчислят!.. В общем, пришлось ехать.

— А как тебя Женя встретил?

— Да какой Женя?! Нет там никакого Жени. А в квартире такой бардак, меня чуть не стошнило. Нет, ты представь, стопроцентный «совок»: допотопная стенка, грязный ободранный диван, пахнет собаками. Единственный оазис — белое шелковое одеяло на раскладушке, где она спит.

— А хрусталь ты видел? Она же его вроде чистит целыми днями?

Раздался новый взрыв хохота.

— Какой хрусталь, Миранда?!

4

Грязные окна, мокрый снег сочится сквозь острые корявые ветки обнаженных деревьев. Пустота внутри, в голове ни одной мысли, только летают цветные лоскутки, образуя радугу ее жизни. Перед глазами снова старый радиоприемник, выключенный, лишенный голоса. Вчера Марья Петровна прорычала своим басом, что придется делать биопсию, только так удастся выяснить, что происходит с ее печенью. Миранда убеждала себя, что это ерунда, не какая-нибудь там операция. Но призраки страха и безысходности бродили по палате. Дверь протяжно заскрипела и показался белый

халат, готовый лопнуть в области груди. Миранду неприятно передернуло от запаха перегара.

— Здравствуйте. Ну, смотрю, вы здесь совсем обжились.

— К сожалению.

— Миранда... Из лаборатории пришли анализы, те, что вы сдавали еще в самом начале, они очень долго готовятся. Так вот, у вас снижен альфа 1-антитрипсин. Может, это просто ошибка, недоразумение, надо проверить. Завтра переговорю с моим знакомым профессором, он как раз специалист в этой области. Биопсию пока делать не будем.

Новая угроза. Неясный диагноз. Нескончаемая цепь, закручивающаяся вокруг ног, желающих уйти.

— Что это такое? Объясните.

— Пока рано делать какие-то выводы. Тем более вы девушка эмоциональная. Скажу только, что есть такая болезнь — дефицит альфа 1-антитрипсина. Встречается она крайне редко, почти всегда у детей.

— Она излечима?

— Самостоятельной терапии не имеет. Задача состоит в поддержании иммунитета.

Она вышла, и Миранда сразу позвонила Алексу. Его голос сник, стал тише, словно из другой страны. Он снова подбадривал ее... А она представляла зелень его глаз. Почему-то вспомнилось время, когда в их новой квартире был ремонт. С каким воодушевлением они выбирали каждый кран, искали определенные цвета для покраски, ездили, проверяли, как идет работа. Потом бежали по хрустящему снегу в кофейню, ели шоколадный кекс

и пили капучино, густо посыпанный корицей. Щеки покраснели от неожиданного счастья и мороза, ожидавшего их на улице. То время пахло шоколадом, как и их спонтанные поцелуи между теплыми глотками кофе...

После она набрала номер Виталия Серафимовича, потому что обещала сообщить новости. Она сказала ему, и он как-то странно замолчал, потом растерянно произнес: «Я даже подумать не мог...» Ведь это он заставил ее сдать биохимию, потом привел к гепатологу. У нее просто болела спина. Он был ее обезболивающим, которое стремительно, как летающая тарелка, возвращалось сейчас обратно в больницу. Миранда не возражала против его присутствия. Она зависела от его вкрадчивых пальцев. А такие простые, житейские вещи, как флирт, умели разрушать стены серой башни, в которой она была заперта.

Лицо Сонечки было перед ней: покрасневшие щеки и озорные голубые глазки. Миранда взяла ее мягкую ладошку, провела рукой по светло-русые кудряшкам. Сердце разрывалось от переполняющего водопада тепла, готового вырваться мощными потоками. Но вдруг раздался неясный тревожный звук, будто сыпался песок. Все громче и громче... Миранда открыла глаза. Она лежала в том положении, в котором уснула. Онемевшее тело вздрогнуло от неприятного покалывания. Дождь рыдал за окном и бился о стекло, будто раненая птица. Вслед за тоской ее охватил холодный страх: она слишком долго спала, а Джин?.. Миранда поспешно встала и натянула

на себя черное платье из тонкого хлопка. Наспех расправила спутавшиеся волосы и вышла в коридор. Тошнота подступала к горлу, в голове крутились свинцовые шарики. Вскоре она приблизилась к 101-му номеру и робко постучала. Ответа не последовало. Она сделала еще одну попытку, более звонкую и настойчивую. Тишина. Ковер под ногами стал слишком мягким, вязким. Она поплыла вниз, села, облокотившись на дверь, руками сжала голову. Ей казалось, она совсем одна на острове, потерянном в океане.

Рука мягко легла на ее плечо.

— Что с вами? Вам плохо? — перед ней стоял Джин с огромным лиловым букетом орхидей. Миранда подняла к нему испуганные глаза, обрамленные влажными черными разводами туши. Ее припухшие губы вздрогнули в робкой улыбке. В этот момент Джину показалось, что перед ним маленькая девочка, еще совсем ребенок.

— Нет. Просто решила отдохнуть.

— Это Ванда Мисс Иоахим. Я подумал, вам интересны эти цветы.

Миранда поднялась, облокотившись на его руку, и вдохнула пряный запах. Сонный туман рассеялся, цветы были прекрасны, и она держала их, чувствуя влагу стеблей. На мгновение она вновь ощутила свое тело так, как раньше — молодым, гибким, зовущим. В глазах мелькнуло лукавое выражение. Джин с восхищением наблюдал за этой переменной. Вдвоем они оказались в оазисе нормальной жизни.

— Спасибо, — прошептала Миранда и, сжимая цветы, поцеловала его. Его губы, холодные, как

и в первый раз, откликнулись, жадно продолжая прикосновение. Сладкие мурашки поползли по ее коже. Его колючая щека касалась ее лица, заставляя вздрагивать кончики пальцев. Ей мучительно захотелось попасть в его номер, но это было уже слишком — сидеть под дверью, а потом... — Я переоденусь и спущусь вниз, — произнесла она сквозь последний поцелуй, сотканный из лиловых лепестков, и ускользнула из его мягких объятий.

Она прилетела в свой номер, поставила цветы в белую фарфоровую вазу на комод. Из шкафа достала два платья на выбор: из черного шифона и из черного шелка. Зазвонил мобильный. Судорога пронеслась по только что восторженной фигуре.

— Привет, как ты?

— Нормально, только очень скучаю.

— Мы тоже. Который у вас час?

— Почти восемь. Сонечка про меня спрашивает?

— Конечно, особенно перед сном.

— Не плачет?

— Я все время говорю, что мама скоро вернется, ее это успокаивает. Ты ешь нормально?

— Да, а ты?

— Я? Я-то что?!

— Ну, мало ли, решил опять на диету сесть.

— Мне сейчас не до диеты.

— Я потом еще позвоню, очень хочу услышать Сонечкин голос.

— Хорошо, будем ждать.

— Пока.

Миранда обратно повесила платья и устало присела на кровать. Поясница мучительно ныла,

правый бок, как всегда, покалывало. Она взяла телефон с тумбочки, нажала на кнопку «goot service»: «Добрый вечер, я хотела бы заказать ужин в номер...»

Китаец был повсюду. Казалось, он наблюдает за ним. Виталий Серафимович не мог отделаться от мерзкого ощущения, будто сквозняк заполз под свитер, не давая ему расслабиться. Наташа с беспокойством вглядывалась в напряженное лицо мужа, который с каждым днем вел себя все более странно. Он по-прежнему был нежен и заботлив, его выдавали глаза. В них отражалась лихорадка воспаленного сознания.

— Что с тобой? — спрашивала она по дороге к озеру или за ужином.

— Все отлично, — неизменно отвечал он, отворачивая лицо.

А вчера, когда Настенька уснула, они долго лежали в теплой ванной. Виталий гладил ее скользкую спину, касался прохладным языком мокрой шеи. Наташа тихо постанывала. Но он никак не мог сбросить с плеч нечто искусственное, ненастоящее, что присутствовало среди мягкого пламени свечей, стоявших у запотевшего зеркала. Его жена была красива, он наслаждался ее густыми белыми волосами и светлой кожей. Видел, но не чувствовал. Постоянно пытался сбросить с себя безразличие, но все вокруг оставалось чужим. Ее кожа блестела от влаги, тонкий рельеф мышц на спине перекачивался от удовольствия. За выбеленным окном притаилась ночь, а перед глазами то и дело вспыхивали видения: хрупкая фигура, такая, что

виден каждый позвонок. Страшно дотрагиваться, причинять боль. И вместе с тем как-то упоительно. Она чуть вздрагивает, будто птица, не долетевшая в жаркие страны, упавшая на жесткий снег с переломанным крылом. Нет, не думал он, что от боли пациента когда-нибудь получит такое удовольствие. Или скорее не от боли — от власти собственных рук, приносящих ей облегчение. Видит Бог, никому он не хотел помочь так, как ей. Миранда пришла с кипой снимков, на которых были изображены черные пятна, самые крупные — в поясничном отделе, но были и выше. В первый момент его поразило, как столь молодая девушка могла заполучить все эти грыжи. Он знал, были роды. Но разве миллионы женщин не рожают? Здесь было нечто другое. Будто ее мысли, поступки, а может, что-то еще, о чем он даже не догадывался, оказались для ее тела непосильной ношей.

— Виталь, что с тобой? — Наташа обиженно тербила застывшего мужа.

— Извини, извини.

— Ты меня больше не любишь?

— Что еще за глупости? Конечно, люблю.

— Тогда что это значит?

— Просто... задумался...

— Интересно, о чем?

Он сильнее прижал ее к себе, обхватив ладонями грудь в мыльной пене. Наташа закрыла глаза. Этого он и добивался. Но через мгновение последовал ее примеру, выплескивая в знакомое тепло свое болезненное напряжение. И падая, падая в таинственное озеро, над которым вечно туман...

Принесли обед. Миранде не хотелось есть, но запахи с особой остротой долетали до нее. Это продолжалось уже несколько месяцев. Стоило ей начать готовить, как ее ноздри начинали щекотать ароматы мокрого укропа, хрустящей капусты. Даже листья домашних растений стали нестерпимо пахнуть, будя в ней воспоминания о лужайке, по которой в детстве она бегала босиком. И вот сейчас она чувствовала, что на тарелке лежит свежий белый хлеб, мягкий, недавно испеченный.

Перед глазами тут же возникли пирожки с начинкой из моркови с яйцом. Пар поднимался над ними. Все с нетерпением садились на стол. Каждый ждал своего пирожка и чашку чая. Бабушка, дедушка, брат с сестрой — все с удовольствием набросились на сочное тесто, тающее во рту.

— Эй, Мирик, знаешь, сколько я сегодня проехал сам за рулем? — задиристо посмотрел Митя на сестру.

— Ну, и сколько же?

— Почти двадцать пять км, — заявил он с гордостью.

— Пронесся, как стрела, так что и гаишники не засекли, — с энтузиазмом добавил дедушка.

— А когда я сама поеду? Я тоже уже могу!

— Может, еще не стоит? — бабушка раскладывала всем по очередному пирожку.

— Вечно Митьке все можно!

— Он же мальчик, — ласково добавила бабушка.

— А хочешь, прям сейчас поедем? — задорно выпалил дедушка.

— Да, да! — запрыгала Миранда. — Ха-ха!

Она уже умела водить машину, но сейчас все было иначе. Они выехали на большую дорогу, и она села за руль. «Шестерка» послушно тронулась, и Миранда ощутила, как набирает скорость ее «спортивный автомобиль». Она крепко держала руль, волосы у корней стали влажными. Дедушка приговаривал: «Переходи на третью. Поворот. Справа грузовик, притормози». А Миранда ехала дальше, чувствуя, что покоряет мир. Мимо пролетали высокие сосны, солнце путалось в густых хвойных ветках. Небо, бескрайнее, кружилось над дорогой...

За дверью палаты раздалось громкое позвякивание, развозили чай. Перед глазами вновь возник тяжелый, громоздкий радиоприемник. Она подошла к нему, провела пальцем по пыльной поверхности и нажала на кнопку. Скрежет пронзил маленькое пространство. Почти наощупь она нашла нужную волну. Глубокий, низкий голос влетел в комнату. Миранда вздрогнула, она уже давно забыла время эфиров, и попала наугад.

С Тамарой мы почти не общались с тех пор, как у нас появился новый мастер. Виктор Дроздов был звездой телевидения и радио. И все однокурсники испытывали дикий восторг по поводу его появления. Его крошечная одутловатая фигура, снабженная целым арсеналом модных аксессуаров от «Armani», была наполнена глубоким, низким голосом, ласкающим неискушенных студентов. На его лекции все девушки шли, как на показ мод — надевали свои лучшие юбки, часами делали макияж. Даже ребята не отставали — и выглядели еще большими придурками, чем обычно.

Крошечная пианистка преобразилась — начала делать высокие зализанные хвосты и красить губы яркой малиновой помадой. Ее визгливый голос постоянно напоминал о себе. Виктор смотрел на нее с некоторой иронией, отвечая на ее кокетство так же, как он отвечал остальным, — с большой охотой.

Все были уверены, что он снизошел к нам, чтобы одарить светом знаний. Лишь меня не покидало ощущение, что мы нужны ему совсем не за этим. Он постоянно рассказывал нам истории из своей личной жизни, о своих победах и иногда о своих поражениях. Неуклюжие маленькие руки бурно жестикулировали, девушки глотали не разжевывая каждое слово, а Тамара сидела с лицом победителя. Она покусывала от нетерпения свои яркие блестящие губы, ерзала на стуле и глупо смеялась. Я видела, как в ее глазах рождается очередная история, оторванная от реальности. Во мне закипала ярость вперемешку с отвращением. Хотелось вытрясти из нее все ее фантазии. А между тем я улавливала постоянные взгляды нашего мастера. Его маленькие темные глазки лукаво на меня смотрели. «Необыкновенное имя, просто необыкновенное. Под стать тебе», — сказал он мне на первой же лекции.

5

Она прошла по ледяному коридору больницы, вместе с Ольгой заполнила очередные анкеты. Потом переделась в зеленую больничную рубашку и проследовала за медсестрой. Ей ввели иглу в вену на внешней стороне ладони, плотно приклеили ее пластырем, вставили в рот нечто круглое и попрыскали горло ледокаином. Больше она ничего не помнила. Гастроскопия длилась около сорока минут, потом еще два часа она приходила в себя после наркоза. Медсестра вместе с переводчицей трясла ее за плечи, уговаривая проснуться, Миранда открывала глаза, но липкие веки вновь смыкались.

Тело не желало просыпаться. Она встала против собственной воли, подчиняясь настойчивым рукам. Миранда не помнила, как оделась, как из сумочки достала серьги и браслеты. Она очнулась за маленьким столиком, сидя на кожаном бледно-оранжевом кресле, перед плоским монитором телевизора, где мелькали сингапурские новости. Маленькими глотками она начала пить теплый сладкий какао.

— Пейте, пейте. Он очень хорошо восстанавливает силы, его всегда дают после этой процедуры, — наклонилась к ней Ольга.

Вокруг раздались взволнованные голоса.

— Что такое? — тихо произнесла Миранда.

— Они комментируют репортаж. Сегодня из сингапурской тюрьмы сбежал известный террорист, он участвовал в организации одиннадцатого сентября. А здесь такие тюрьмы, что сбежать невозможно. — Ольга повторила фразу еще раз на английском.

— Видите, все возможно. Даже в Сингапуре, — раздался рядом низкий голос. Миранда повернула голову, в соседнем кресле сидел Джин.

— Вы проводите ее? Я могу идти?

— Конечно, Ольга. Всего доброго. — Она растворилась среди бесконечных дверей, из которых лишь одна ведет к выходу. — Ну, как вы? — Он заботливо заглянул в ее бледное лицо.

— Не знаю. Хочется спать.

— Пока нельзя.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее вздрагивающей ладони, но не решился, вспомнив прошлый вечер. Он долго ждал ее в холле, но

она так и не пришла. Беспокойство завладело им так же, как до этого Мирандой. Быстрым шагом он направился к ней, но, подойдя к номеру, увидел, что официант стучит в ее дверь, поднимая большой поднос с круглого столика на колесах. Обида заструилась по лбу вместе с капельками пота. Тошнота вновь подступила к горлу. Его ждала еще одна ночь с переливами дождя, душная и холодная одновременно. Но здесь, в больнице, в лабиринте, изученном, ошупанном, преследующем, здесь он не мог ее оставить.

— Попросить еще какао?

— Нет, не хочу. Пойдем.

— Уверены? Может, еще посидеть?

— Нет, лучше в другом месте.

Она шла, слегка покачиваясь, как рожь на ветру. Джин, будто невидимая опора, уберегал ее от углов. Он открыл дверь такси и помог ей сесть. Огромное белое здание осталось позади. Жизнь вновь бурлила за стеклами, с многочисленными забрызганными машинами, женщинами в сари, китаянками под зонтиками, с огромными плакатами бигмаков, кипами сегодняшних газет и туристами с фотоаппаратами. Миранду убаюкивали картинки, словно затянутое кино, но Джин настойчиво брал ее за локоть, заставляя проснуться. Провал, темнота, и они снова в «Raffles».

— Нужно пообедать.

— Нет аппетита.

— Дождь кончился. Посидим на улице, вам полезно побыть на воздухе.

Мокрая листва вздрагивала вокруг. Они были во внутреннем дворике отеля, окруженном гордыми

стенами с высокими арками, в которых притаилось множество бутиков: Armani Casa, Gucci и прочие. Пожилые парочки не спеша обходили магазины, сверкая бриллиантами в сморщенных ушах. Молодые американцы сидели за столиком, пили колу и громко смеялись. Миранда медленно ела запеченную форель с овощами на пару. Тяжелый нож скользил по брокколи, а рассеянный взгляд блуждал среди густых магнолий. Джин резал мясо, не сводя глаз со своей спутницы, пытаясь уловить ее настроение.

— Ну, как, лучше?

— Да, намного. Просто устала. — Она поймала крошечную морковь на тарелке и добавила: — Продолжите свой рассказ?

Листья чуть сильнее зашелестели, Джин глубоко вдохнул аромат желтых цветов.

— Чин Тан, Чин Тан... Кружилось в моей голове. А я кружил вокруг ее дома, будто в ритуальном танце. Конечно, она не могла этого не заметить. И однажды украдкой вышла ко мне в сад. Ее лицо было взволнованно, она не знала, как вести себя.

— Не приходи сюда, — неуверенно произнесла она и залилась нежно-розовым румянцем.

— Я не могу.

— Почему?

— Я люблю вас.

Она вздрогнула.

— Если тебя услышит отец...

— Я готов сказать ему лично.

— Нет, только не это! Ты не знаешь его!

— Но я не собираюсь скрываться, как вор. Мое единственное преступление — это бедность. Но клянусь, я буду много работать, очень много.

— Это ничего не изменит. Тебе никогда не стать одним из нас!

— Но мы не можем расстаться.

— Мне нужно идти, мама будет меня искать.

— Когда мы увидимся?

Она сжала руки, глаза искали спасения.

— Завтра. На набережной. Я буду там в два часа, после занятий, около Мерлайона.

Так начались наши встречи. Я ждал ее постоянно: после занятий, возле дома, около кафе, где она обедала с подругами. Вся моя жизнь стала похожа на перрон. В магазине были недовольны, отец все время вопросительно смотрел на меня. Только Джасмин, украдкой спрашивала меня: «Как она? Когда ты нас познакомишь?» Сестренка подбадривала меня, вместе мы строили планы о прекрасном доме, в котором я поселюсь с молодой женой.

В магазин поступил заказ. Я вновь должен был доставить цветы по уже слишком хорошо знакомому мне адресу. Сердце тряслось от ярости при виде огромного букета. Я хотел разорвать его в клочья, но гордость не позволила мне совершить столь низменный поступок. Настойчиво я постучался в ее дверь. Она выбежала вслед за служанкой, махнула рукой, чтобы нас оставили.

— Это не от меня. — Я резко протянул ей причудливый розовый шар, увитый шелковыми лентами. — Я доставил заказ, до свидания.

— Подожди. — Она схватила меня за руку. — Отец хочет выдать меня за него замуж.

Эта новость ударила меня по лицу хлесткой пощечиной. Ревность пронзила тело острой спи-

цей. Я схватил Чин Тан за плечи и начал целовать. Она пыталась отстраниться, но только в первое мгновение. Ее руки сомкнулись вокруг моей шеи, я чувствовал, как трепещет она под тонким платьем, ее пульс проник в мою кровь и смешался в бешеном водовороте.

— Не здесь, не здесь... Жди меня вечером.

Цветы, скомканные, лежали на полу, я вышел, пораженный молнией счастья или беды, о которых я пока не догадывался.

Джин проводил Миранду до номера. Они остановились, не зная, что сказать. Ей вновь мучительно не хотелось с ним расставаться. А он боялся, что снова придется искать ее среди терпкого запаха больницы.

— Что ж... Отдыхайте.

— До вечера. Я приду, обещаю.

Ее пальцы вкрадчиво коснулись смуглой ладони, словно строка из стихотворения замерла в воздухе.

Она представляла свой дом во всех подробностях: бледно-желтое здание, к которому плотно прижимаются соседние стены. Окна спальни выходят в переулок. Краска на фасаде слегка потрескалась, придавая очарование старины. Эти крошечные трещинки, будто карта ее жизни, будто морщинки в уголках глаз. Она любила облокотиться на подоконник, приоткрыть штору и долго вглядываться в стекла напротив, рассматривать трубы на крышах, следить за еле уловимым движением листьев деревьев.

Миранда встала с кровати. Сегодня она проснулась с каким-то новым настроением, легкость коснулась ее лица. Причина этому была перед глазами — полоса голубого ясного неба, разорвавшая серую пелену зимы. Лазурь напоминала о весне, о смехе и беззаботности. Миранде захотелось сделать укладку, по сильнее накраситься. Казалось, вот-вот щебечут птицы, а капли забарабанят по оттаявшему льду.

Виталий Серафимович, как всегда, был пунктуален. Грустное сомневающееся лицо так не сочеталось с гордой мускулистой фигурой. Он вошел и замер. Ее глаза блестели, но лихорадка здесь была ни при чем. Она сказала: «Привет!», что тоже было ново и приятно. Потом добавила: «Виталий», поразив его еще сильнее. Он вдруг подумал, что старше ее меньше чем на десять лет. И вечная его церемонность просто смешна. Она совсем близко, игриво смахивает прядь с лица, вытягивает, словно кошка, гладкую спину.

Горячие ладони легли на кожу, заставляя тело трепетать и вздрагивать. Дыхание перехватывало. Все поплыло от тумана возможного наслаждения. Он был настолько близко, что мог уловить все оттенки запахов ее волос и тонкой струйки духов, обвивавшей шею. Что-то терпкое, похожее на тропический вечер, что-то обещающее ему сладость, восторг погружения в синее озеро. Она оторвалась от себя, своей боли и надежд и просто не могла дышать, мучительно ожидая его прикосновений, других — неизведанных. Он чувствовал ее настроение, но боялся сделать следующий шаг. Его не останавливала врачебная этика или жена, постоянно ждав-

шая его дома. Он боялся — Миранда растает под напором его страсти, и все обратится в пыль, будто не было его постоянных визитов в крошечную палату и бесконечного лабиринта фраз, оброненных, как слезы, кружащихся, как снег. Боялся ее глаз, игры, которая внезапно закончится, жизни, куда не будет возврата. Боялся любить ее по-настоящему. Миранду же страшило только одно — остаться вновь наедине с собой и растаявшей лазурью.

— Ну вот. На сегодня все.

— Да.

— Я пойду?..

— Да.

Она вновь отстранялась, исчезала. Виталий Серафимович вышел, разбитый вдребезги. Он летел, но вниз, на острые камни. Миранда наблюдала, как новая волна снега проглатывает голубую полосу, постепенно не оставляя от нее и следа. Когда родилась Сонечка, весь мир наполнился необъятным восторгом. Только одно черное пятно разрушало картину — семья была рядом, но не вся. Бабушка и дедушка отсутствовали, и даже ей не позвонили. Нелепый конфликт, а так больно.

Миранда спешила вниз. Ее бросало то в жар, то в холод, хотелось скорее увидеть его. Шпильки вонзались в бархатистый ковер, накатывало неприятное ощущение легкости, словно она — тростинка на ветру, лишенная опоры и поддержки. Черное платье плотно обхватывало фигуру, заставляя осязать собственное тело. На светлых стенах мелькали гравюры с видами старой Малайзии, а впереди была лестница с широкими ступенями. Она при-

близилась к ней и на мгновение замерла, борясь с сухостью во рту, поправляя волосы. Джин стоял внизу, в черном смокинге, на фоне высокого букета из розовых лилий, зеленоватых гортензий и ирисов в необъятной медной вазе. Он смотрел прямо, в его глазах светилось ожидание, словно на первом свидании, и при этом спокойствие и уверенность. «Только в чем он может быть уверен?» — пронеслось у нее в голове. Он уже шел ей навстречу.

— Я рад, что вы пришли.

— А я — что вы.

В ресторане Миранда никак не могла сделать выбор, перелистывая туда-сюда страницы меню. Она нервно оглядывалась, словно разыскивая кого-то.

— В чем дело?

— Не знаю. Не хочу, чтобы сегодня было, как в последние дни. Я задыхаюсь здесь.

— Мы можем уйти.

— Да. Поужинаем и пойдем. Хочу увидеть ночной Сингапур.

Джин не возражал. Он не был уверен, что это хорошая идея и у них достаточно сил для подобной прогулки. Но понимал, что бесполезно спорить с девушкой, допивавшей пятую чашку кофе вперемешку с обезболивающими. Они взяли такси, проехали мимо ратуши, подсвеченной сотнями огней, голубоватого собора святого Андрея, театра и оказались на набережной. В лицо подул протяжный тонкий ветер, поднимающийся над черной рекой. Дождь недавно закончился, темная вода дремала, ожидая нового нападения. Напротив набережной застыли стройные ряды небоскребов. Миранда

смотрела на огромные здания, испытывая подавленность. Ей было неуютно, она чувствовала, вот-вот вновь пойдет дождь. Джин шел слегка позади, будто тень.

— Здесь вы встречались с Чин Тан? — она повернула голову, замечая печаль на его лице.

— Почти. Тогда все выглядело иначе. Сейчас не будем говорить об этом.

Миранда кивнула, протягивая ему левую руку — мостик между прошлым и будущим.

— Здесь слишком тихо. Поедем в клуб?

Джин усмехнулся.

— В какой?

— Ну, это вы мне скажите. Вы здесь лучше ориентируетесь.

— А это не слишком для вас?

— То есть для нас? По-моему, это то, что доктор прописал.

Они засмеялись так громко, что смех покатился по каменной дорожке, перепрыгнул через ограду прямо в реку, вызывая у неба новый приступ дождя. Они бросились вновь искать такси. Запыхавшиеся, с мокрыми лицами, они ворвались в первую попавшуюся машину с сонным китайцем за рулем.

— На Орчард роуд, — разбудил Джин таксиста. — Это недалеко от Gleneagles, довольно оживленная улица, — пояснил он Миранде.

Несмотря на дождь, здесь царило оживление. Люди перебегали из магазина в магазин, суетились на автобусных остановках, выстраивались в очереди у банкоматов, желая потратить в эту ночь как можно больше. Миранда и Джин зашли в «Орчард клуб», один из самых модных клубов города. Оглу-

шающие звуки музыки посыпались на них со всех сторон вместе с широкими кольцами дыма сигар. Разноцветные огни бешено мчались по выбеленному залу в стиле хай-тек, отражаясь в зеркальной плитке под ногами. Они сели за маленький «космический столик», заказали минеральную воду.

— Здесь не слишком тихо? — приблизился Джин к ее лицу.

— Пока не знаю, нужно опробовать танцпол. Пошли танцевать!

— Миранда, я...

— Возражения не принимаются!

Она схватила его за руки и потянула в беснующуюся толпу. Он что-то говорил ей, но Миранда не различала слов, ритм отдавался в солнечном сплетении. Тело подчинилось волнам звука, начало извиваться. Она касалась Джина, заставляя его двигаться, не обращая внимания на испарину на его лбу. Он притягивал ее к себе, убеждая остановиться. Но силы, вдруг вернувшиеся к ней, кружили ее в танце — молодую, с растрепанными влажными волосами. Ноги, бедра чувствовали такт, шея и руки задавали пластику, глаза, ослепленные неоновым светом, закрывались, иногда касаясь ресницами его лица, вздрагивающего от неожиданной ласки. Он положил руки ей на талию, пытаясь остановить пламя, разбушевавшееся у нее внутри. Так естественно было видеть ее проявления молодости и горячности, но слишком опасно.

— Тише, тише... — повторял он ей, будто закливание. А она билась у него в руках, словно пойманная птица, словно рыба, лишенная воды. Слов было недостаточно, они не помогали. Поэтому он

коснулся ртом ее шеи, ее губ, останавливая водопад музыки и лавину дергающихся людей. Две слезы блеснули в неоновом свете, ногти вонзились в белую рубашку, нащупывая под тканью потную кожу. Хотелось пронзить его насквозь, пройти сквозь него, сквозь себя, сквозь мокрые лианы, упасть в московскую обыденность, в привычные разговоры ничем не примечательных дней, прекрасных дней. Томление проникло в низ живота, она отстранилась.

— Я знаю, чего мне не хватает — мартини. — Миранда ринулась к барной стойке.

— Нет, — он решительно схватил ее за запястье, но она вырвалась и растворилась в толпе. Джин судорожно искал ее глазами, но головокружение не давало ему сфокусироваться. А Миранда уже сделала заказ, присев на круглый высокий стул. Она выпила пару глотков желтоватой жидкости, приятное тепло пронеслось по венам. Затем встала, ища Джина в толпе. Мимо быстро проскользнула девушка, коснувшись волосами ее лица. Миранда посмотрела ей вслед. «Не может быть...» — прошептала она над бокалом. пышная светлая вьющаяся копна плыла по залу, готовая вот-вот потеряться. Миранда бросилась за ней, но замерла, не в силах совладать со спазмом тошноты. Ее вырвало прямо на пол. «Извините...» — бормотала она, оглядываясь, куда бы поставить бокал. Джин, наконец отыскавший ее, ловко обнял тонкую талию, одновременно протягивая носовой платок. Он вывел ее на улицу, дождь яростно вцепился в волосы. Огни сливались перед ее лицом. В машине было холодно, ее трясло, по коже бегали мурашки. Миранда не смотрела

Джину в лицо, его руки растирали озябшие плечи. Минут через десять они были в отеле.

— Спасибо, Джин.

— Это ничего, правда. Нужно только отдохнуть.

Миранда нерешительно приоткрыла дверь номера. Его пустота и аккуратность вонзились ей в сердце.

— Джин, мне страшно. Вы можете немного побыть со мной? Не в смысле...

— Я понимаю.

Он сел в кресло, взял в руки газету. Миранда скрылась в ванной, пытаясь прийти в себя под теплой водой. Она вышла в банном халате с символикой отеля, в махровых тапочках, с мокрыми волосами, пахнущими шампунем, лицо без косметики было изможденным и совсем юным. Джин невольно улыбнулся. Она забралась под одеяло.

— Еще пару минут.

— Я не тороплюсь.

Миранда закрыла глаза, а он с грустью посмотрел на складную фоторамку на тумбочке. Там было два лица — красивого молодого мужчины и девочки, еще совсем крошки.

Он был везде. Я встречала его в кафе, на улице. И даже чуть не сбила, подъезжая к итальянскому ресторану «Сан Марко», где он решил провести наш «урок». Я опаздывала и нервничала. Да еще Тамара, сидевшая рядом, каждую секунду причитала: «Давай быстрее!» Пальцы, натренированные нотами, барабанили по стеклу, подгоняя движение.

— Ты что, не видишь — пробки?

— *Давай повернем направо, проедем через тот переулок?*

— *Там тупик.*

— *Откуда ты знаешь?*

— *Потому что я в отличие от тебя езжу на машине!*

— *Так неудобно опаздывать!*

— *Да его самого там еще и в помине нет.*

— *Он себе может это позволить, а мы — нет. —*

Она достала из сумочки помаду. — Ла-ла-ла... — Зазвучал тоненький голосок.

И тут моя нога, подчиняясь своему собственному импульсу, резко утопила педаль тормоза. Раздался пронзительный писк. Все внутри замерло, я открыла глаза, невольно сжавшиеся, спрятавшиеся под ресницами. Виктор стоял перед капотом, широко улыбаясь. Похоже, ему показалось забавным наше нападение. Вместо того чтобы принести извинения, я помахала ему рукой в знак приветствия.

— *Здесь есть место, давай помогу припарковаться. — Жестом он указал на свободный клочок земли возле его «Ауди А8». Я оглядела пространство, в которое втиснуться с моими навыками вождения было не так-то просто, и отрицательно покачала головой. Машина тронулась, медленно продвигаясь по узкой дороге в поисках места.*

— *Нет, ну почему ты там не встала?*

— *Потому что не хочу долбануться об его чистенький автомобиль.*

— *Он бы помог нам! Как это любезно с его стороны!*

— *Все. — В следующий раз пойдешь пешком!*

Горы разноцветного металла заполонили все вокруг, не оставляя нам ни единого шанса. Мы добрались до конца переулка, пришлось поворачивать налево, чтобы, проделав круг, вернуться назад. Здесь нас ждал сюрприз — дурацкая крошечная авария, беспелляционно преградившая нам путь.

— Ну вот... — жалобно застонала Тамара.

Зазвонил мой мобильный, на экране высветилось: «Леля» — моя однокурсница.

— Ты где застряла?

— Мест не было, развернулись, а тут ДТП. Не знаю, как теперь выбираться.

— Уж как-нибудь выберись, наш мастер за тебя волнуется, говорит, не будем без тебя начинать.

— Ладно, давай.

— Что там?! Он переживает, где мы? Так?

Я устало запрокинула голову. Протяжное гудение поднималось над разъяренными машинами. «Да, где мы...»

6

«Восхождение на Монблан» — прочел он на рекламном буклете, лежащем на комодке под огромным зеркалом в тяжелой кованой раме. Надпись сопровождалась фотографией заснеженной вершины — белый треугольник, упирающийся в небо. Виталий Серафимович долго не мог оторвать глаз от заманчивой картинки, он уже чувствовал необыкновенную свежесть горного воздуха и гладкий, скользкий снег под ногами.

— Пожалуй, это для меня, — весело сказал он жене.

— Не знаю... А мы?

— Полдня как-нибудь продержитесь? Натусь?

— Пап, а можно с тобой? — подбежала Настя с большой куклой в розовом платье с оборками, они купили ее сегодня днем в крошечном магазинчике, когда были в городе.

— Чуть-чуть надо подрасти, — потрепал он дочку по волосам.

— Чуть-чуть — это сколько? Так? — она подняла ручку над головой. — Или так? — Проделала то же самое, встав на носочки.

— Вот так! — он высоко поднял ее и закружил. Раздался звонкий детский смех.

— Ладно, — сдалась Наташа. — Только осторожно.

— Не понимаю твоего беспокойства, я ведь спец в этом вопросе, ты же знаешь.

— Да... Не могу объяснить. Здесь все как-то иначе.

— Не глупи. — Коснулся он ее щеки губами, быстро и легко.

Ясное небо дремало над густыми зелеными газонами. Трудно было представить, что через сорок минут езды они окажутся посреди снегов. Он и еще несколько постояльцев разместились в микроавтобусе, чернокожий шофер приветливо улыбулся: «Çа va?» Они тронулись в путь. Рядом с Виталием Серафимовичем сидели два итальянца, бросающие друг другу громкие реплики, а сзади — немец и китаец. Присутствие последнего почему-то сразу расстроило, будто птица залетела в окно. Он никак не мог сбросить с плеч взгляд, который, как ему казалось, тербил спину. Виталий Серафимович смотрел вперед на податливую плавную доро-

гу, — там, за поворотом, были вершины, готовые быть покоренными.

Он резко поднял молнию вверх, застегивая куртку. Здесь было холодно. Чистый, хрустальный воздух дурманил своей свежестью. Солнце, словно в зеркале, отражалось на белоснежной поверхности и ослепляло. Он с наслаждением втягивал в свои легкие приятную прохладу, она щекотала, распирала грудь, привыкшую к загазованному московскому пространству. Ноги уверенно встали на лыжи и умело понеслись вперед. Скорость опьяняла, ветер бил в лицо, косые лучи падали с неба. На мгновение в душе разлилось спокойствие. Тело, молодое и сильное, подчиняло себе природу. Но тут снова возник он. Китаец двигался спокойно, как-то созерцательно. Его гордая осанка говорила о безмятежности или безразличии. Виталий Серафимович не мог разобрать. День вдруг обрушился, дыхание стало прерывистым, пульс слишком частым. Он начал набирать скорость, пытаясь потерять из виду неприятную фигуру. Снег, деревья вдали, нестерпимый свет — все смешалось в бешеном сердцебиении. Быстрее, быстрее... Один позвонок, другой... Вдох-выдох... Голова закружилась, а тело не могло остановиться. «Так больно?..» Белое пространство поглотило его, вдали раздался чей-то голос. Может, просто эхо в горах...

— Теперь я познавал ее тело. Оно было для меня чудом, планетой бесконечных цветущих садов. Чин Тан, робкая и стеснительная, оказалась полной страсти, опасной, дурманящей. В ее глазах появи-

лось нечто новое, какое-то величие. Она вела меня за собой, будто единственная звезда в крошечной тьме. Мы встречались каждый день, бродили по маленькой Индии или прятались среди густых ветвей ботанического сада. Словом, искали те места, где не могли наткнуться на ее знакомых. Прятались за столиками в крошечных дешевых кафе, где пахло кокосовым маслом и шафраном, или на последнем ряду в кинотеатре, где сантиметр за сантиметром я познавал ее тело, ее оливковую кожу. Постепенно я начал утрачивать контроль над собой, я уважал Чин Тан и видел в ней свою будущую жену, но был готов овладеть ею прямо на улице. Конечно, до этого не доходило, но мне случалось брать ее за локоть и поспешно заходить с ней в туалет в каком-нибудь баре. Я резко поднимал юбку и притягивал к себе ее хрупкие бедра. Чин Тан не смущалась, она прижимала мою ладонь к приоткрытым губам, чтобы за дверью не услышали стоны. Дни стремительно пролетали, а я по-прежнему был собой — то есть никем. И все же во мне крепла уверенность, что я должен идти к ее отцу, чтобы просить руки моей возлюбленной.

— Нет, умоляю, после этого мы не сможем встречаться, отец запрет меня до конца жизни, — уговаривала она меня.

— Так надо, понимаешь? — отвечал я ей, но на душе становилось темно и беспокойно.

Я решил начать со своих родителей, и все рассказал им. Мама обхватила голову руками и заплакала, папа смотрел сурово и жестко.

— Они не пустят тебя на порог, Джин. И будут правы. Вместо того чтобы зарабатывать деньги на

учебу, ты выешься вокруг дома юной девушки, богатой девушки. Думаешь, это недостойно порицания?

Я глубоко вздохнул, представляя, что сказал бы отец, если б знал, сколько раз мы были близки наплевав на все правила и приличия. Брат никак не прокомментировал мое признание, а Джасмин подбадривала меня, как могла. И все же я был один, наедине с любовью, рвущей меня на части. Я пытался думать об учебе, а перед глазами был темно-зеленый шелк, соскальзывающий с ее тела.

Джин замолчал, он поднял руку и снова провел платком по влажному лбу. Он лежал на смятой простыне цвета слоновой кости, Миранда сидела рядом в белом махровом халате. Она просила его остаться ненадолго, и не заметила, как уснула. Ее разбудил глухой звук, словно подушка упала на пол. Слипшиеся веки с трудом приоткрылись, рядом никого не было. «Он ушел», — с тоской подумала Миранда и тут заметила тонкую полоску света от приоткрытой в ванную двери. Она вздрогнула от пронесшегося подозрения и быстро встала, наклоня голову из-за сильных спазмов. Джин лежал на холодном полу с маленьким полотенцем, зажатым в руке. Миранда упала на колени и стала трясти его за плечи, потом набрала в стакан холодной воды и выплеснула ее на смуглое лицо. Отчаяние клещами вцепилось ей в живот, но вдруг он открыл глаза. «Джин, Джин...» — провела она дрожащей ладонью по его волосам. Его лицо на фоне белого мрамора улыбнулось, словно под теплыми лучами. «Уже все нормально», — в ответ ослабевшими пальцами он коснулся ее руки и медленно

приподнялся. Теперь спать никто не хотел. Джин рассказывал и пил ледяную воду, стакан за стаканом. Миранда сидела подле него, сжавшаяся и потерянная. За окном подкрадывалось влажное утро, шумели магнолии, нужно было собираться в больницу.

— Я пойду в свой номер, приму душ. Через двадцать минут встретимся внизу.

— Хорошо.

Миранда обняла его, прижимаясь лицом к его колючей щеке, и скрылась в ванной. Из продолговатого зеркала на нее смотрели испуганные заплаканные глаза, вечернее небо с красными прожилками заката.

Поленья потрескивали в камине, на столике горела маленькая свеча, бросая на лица блики пламени. Настя доедала чизкейк, политый клубничным соусом. Наташа медленно размешивала сахар в чае, искоса поглядывая на мужа.

— Виталь, ты нас так напугал.

— Знаю, прости. Я в порядке, просто легкое сотрясение, да чуть-чуть мышцу потянул. Не в первой. — Он виновато улыбнулся.

— Все могло быть гораздо хуже — от такого падения!

— Зачем теперь об этом?

— Ма, па! Какая у тети собачка! Можно я пойду посмотрю?

— Иди, конечно, только не трогай без разрешения. — Девочка весело побежала к тойтерьеру с влажными глазами и черным бархатным носом. — Виталь... Ты что, это специально?

— Ты о чем?

— О падении. Я хочу знать...

— Ты с ума сошла! — он выронил приборы, которые со звоном упали на тарелку, и резко встал. — По-моему, сотрясение не только у меня! Я иду в номер — лягу спать! — слегка прихрамывая на правую ногу, он направился к лифту.

Наташа заказала еще чаю, чувствуя, что вот-вот расплечется. Настенька прыгала вокруг собачки, позабыв обо всем на свете. На стенах переливались рождественские гирлянды.

Виталий Серафимович лег на чересчур мягкую кровать, укрылся одеялом. В голове был противный шум, ушибы болели, и спать совершенно не хотелось. «А что, если она права? Если это мое подсознание хотело, чтобы я упал, чтобы чувствовал боль?» — противно засверлили нелепые мысли. Никогда раньше он не понимал людей, сознательно причиняющих себе боль, вся эта шелуха психики была чужда его здоровому духу, и вот теперь он не уверен, как произошло его падение. Жизнь — череда опасных случайностей... Разве раньше ему могло прийти это в голову?..

Когда всплыл этот новый диагноз, не подтвержденный, но возможный, горькая растерянность охватила все его существо. Он слышал об этом дефиците, но ни разу не сталкивался. Болезнь казалась слишком далекой, чтобы быть правдой. Это пугало, потому что так всегда бывало — он сам видел сотню раз — самые неприятные предположения, догадки, будто из другой жизни, сбываются. Пациент, накануне занимавшийся своими обычными делами, вдруг узнает страшный диагноз. После этого

болезнь больше не дремлет, она начинает пожирать человека, и первой погибает вера. У него был иммунитет, он умел подбирать правильные слова и всегда знал, в каком направлении действовать. Всегда, но не сейчас... Больше не было слов. Страдания касались не просто карты № 347, речь шла о Миранде. Ее печень поражена. Но если это то самое заболевание, значит, процесс необратим, клетки будут распадаться, вслед за печенью процесс начнется в легких, потом в костном мозге, если конечно... Но нет, этого не может быть! Ведь не может?..

— Ты спишь? — Наташа уложила сонную Натеньку и теперь, забравшись под одеяло, прижималась к его теплому телу.

— Нет.

— Я не хотела, просто я ужасно испугалась за тебя.

— Знаю, — он обнял ее. — Видишь, старею, форму теряю. Надо больше тренироваться.

— Дурачок! Только попробуй!

— Ладно, так и быть, не сегодня. Давай спать, а то голова раскалывается.

Наташа поцеловала его в лоб и облегченно вздохнула. Вся семья была рядом. Все хорошо. Виталий Серафимович закрыл глаза и мгновенно провалился в сон. Перед ним были белые вершины, а среди них смуглое, почти черное лицо китайца, то растворяющееся, то вновь возникающее из ниоткуда.

Миранда пыталась отогнать мысли, жалившие ее, словно пчелы, со всех сторон. Алекс ушел, оставляя призраки дома, которые она си-

лилась поймать в маленькой палате. Конечно, в тот день нужно было вызвать врача. Только все решили, что это обычная выходка бабушки, его действия перешли всякие границы. Но разве он всю жизнь не занимался перебежками через красную линию человеческого терпения? Он был интеллигентным, воспитанным, умел очаровывать. Лишь его семья видела, как он швыряется посудой, готовый ударить и жену, и собственную дочь, вечно ожидающих, когда закончится буря. Ярость часто поднималась из глубины души Миранды и застревала в горле, раздирая его. Но это... Бедное животное, маленький Черныш, в своей крохотной жизни не поймавший ни одной мыши. Бабушка вернулась домой, а у двери не услышала привычного ласкового «мяу». Она спросила у бабушки, тот странно улыбнулся и развел руками. «Черныш, Черныш...» — причитала Варвара Никитична, в ответ — тишина. Преодолевая привычную боль в коленях, она обошла все лестничные проемы и вернулась домой. Квартира казалась пустой, осиротевшей. Расстроенная, она вошла в ванную. Под ногами что-то неприятно зашелестело. Повсюду была черная шерсть, скомканная, свалявшаяся. Валялась на полу и еще плавала в зеленом тазу. Страшная догадка пронеслась по влажным глазам.

— Эдик, ты это сделал? Ты убил Черныша? — Ее руки тряслись, голос дрожал. Муж продолжал спокойно мазать сливочное масло на свежий черный хлеб. На секунду он посмотрел ей в глаза — спокойно и отрешенно, и вернулся к своему занятию. Бабушка плакала, вздымая руки к небу,

но в ответ слышала только размеренные смачные глотки чая из блюдца.

— Это предел! — прокричала она в телефонную трубку. Дочь замерла на другом конце провода. — Это предел, понимаешь? Я всю жизнь терпела, но бедное животное... Разведусь с ним! Черныш такой добрый... был... Куда же он его? На помойку что ли выбросил?..

Никто не был против, но над семьей нависло ощущение беды. Миранда горячо поддерживала бабушку, чувствуя, что земля распадается на осколки, а в сердце прокрадывается нестерпимая тоска. Старый дом, маленькая квартира в девятиэтажке... Ей теперь туда не вернуться. Детство закончилось навсегда, семья больше никогда не соберется, как раньше, на Новый год не будут смотреть вместе нелепые передачи... Она ненавидела его. Господи, как ненавидела! Представляла черную шерстку, и слезы сдавливали дыхание: «Бедная киса! Бедная бабушка! Как же так?..»

Она ощутила в глазах противное соленое покалывание, попыталась смахнуть его руками. Раздался стук в дверь.

— Входите! — прошептала она спасительное слово.

— Это я, — сквозь виноватую улыбку произнес Виталий Серафимович.

Он уже был у нее сегодня утром, а в это время обычно покидал больницу.

— Просто решил еще раз заглянуть, узнать, как вы.

— Здесь все достаточно однообразно, и мое состояние тоже.

— Да, я понимаю... — он неловко теребил в руках какие-то бумаги, больничный халат был небрежно наброшен на черную футболку. Собираясь попрощаться, он заметил ее покрасневшие глаза. — Миранда, здесь тоскливо, но это ведь не навсегда.

— Правда? — она встала, нечаянно смахнув стакан с тумбочки. С глухим звоном он разлетелся о больничный линолеум.

Виталий Серафимович ловко присел на корточки и быстро начал собирать осколки. Ладони наполнились корявым стеклом.

— Дайте, я это выброшу.

— Я сам, вы порежетесь.

— Да ничего не будет.

Она аккуратно взяла острые частицы, задевая ногтями его теплую ладонь. Их глаза встретились... Стекло хрустело под ногами.

7

— Маленькая моя, Сонечка, мама очень скучает.

— Ма-ма... — раздался тоненький голосок. Голова закружилась, Миранда присела на бледно-оранжевое кресло.

— Ну все, убежала. Не грусти, ладно? Мы тебя очень ждем!

— Вы тоже держитесь. Уже собираешься на работу?

— Да. А ты отдыхай.

— Сейчас поеду в отель. Я вас очень люблю. Пока.

— И мы тебя — очень, очень, очень. Целуем.

Голос Алекса звучал так, будто он был рядом. Закончив разговор, Миранда обернулась: нет, она все еще здесь — на другом конце света. В больнице царило привычное оживление. Люди входили и выходили, держа в руках карты и снимки в коричневых бумажных конвертах. Голова гудела от бессонной ночи, Джин вот-вот должен был выйти из своего отделения. Миранда ждала, больше не помышляя о побеге. Провести день в одиночестве казалось невыносимым. Ей было стыдно за свою вечернюю выходку, но вместе с тем, Джин стал ближе, словно коснулся ее тайны, ее печали.

Наконец, он появился. На лице была тень недавней боли, походка же оставалась гордой и спокойной. Он небрежно расстегнул верхние пуговицы белой рубашки из тонкого хлопка, раскрывая смуглую кожу. Миранду вновь кольнуло, она подумала, что он необыкновенно красив, человек без возраста, его годы определялись только ракурсом и, может быть, еще воспоминаниями. Он приблизился к ней и протянул руку. Миранда покорно вложила ладонь в раскаленные пальцы, испытывая жалость и трепет.

— Прогуляемся? — предложила она.

— Рядом с больницей огромный ботанический сад. Там растут тысячи цветов и каучковые деревья.

— То, что надо.

Они, как послушные граждане, нажали кнопку светофора, и, дождавшись зеленого света, перешли небольшую дорогу. Вход в сад лежал через высокие медные ворота. Дождя не было, но над ас-

фальтом поднимался удушливый пар. Они ступали по разлитой лаве, пытаясь быстрее проникнуть вглубь сада, где надеялись на глоток свежести. Над ними вздрагивали ветви, плача крупными каплями недавнего ливня. Влага струилась по лицу и забиралась под одежду. Людей почти не было, стояла тишина, прерываемая только ветром. Джин обнял Миранду за талию, она теснее прижалась к нему, прячась от новой волны капель, чувствуя, как горит его тело.

— Здесь есть необыкновенный сад орхидей. Садовые, дикие — там представлены всевозможные виды.

— Я хочу это увидеть.

Позади остались извилистые аллеи с массивными густыми деревьями, искусственные водопады. Они купили в кассе билеты и вошли в Сад орхидей. Цветы заструились со всех сторон. Белые, розовые, фиолетовые — они были повсюду, дурманя терпким ароматом. Миранда приблизилась к белым орхидеям, которые сплелись с лианами, образуя причудливый ковер.

— Тебе так идет. Хочу сфотографировать, ты не против?

— Я плохо выгляжу.

— Глупости, ты — прекрасна.

— Хорошо. Но только с тобой.

Они дали фотоаппарат служителю парка и замерли на фоне цветов. Джин обнимал ее, Миранда слегка улыбнулась. Темное чернильно-молочное небо замерло над садом.

Внезапно океан обрушился с неба. Мгновенно он пронзил насквозь их одежду, спутал волосы,

стопы Миранды покрылись черными брызгами. Они забежали в беседку на холме и, уставшие, присели на скамейку, до которой изредка долетали косые стрелы. Платье неприятно прилипало к коже, по телу побежали мурашки и легкая дрожь.

— Иди ко мне. — Джин притянул ее к себе на колени и начал растирать озябшие плечи. Миранда наклонилась к нему, чувствуя от его шеи тонкий аромат апельсиновой цедры и пачули. Вокруг шумел дождь, лязгающий по асфальтовым дорожкам. Цветы трепетали, белые лепестки смывал бешеный поток и безжалостно бросал на сырую землю. Они прижимались друг к другу, словно потерпевшие кораблекрушение, брошенные в открытое море. Постепенно тепло Джина передалось Миранде, опьяняя ее сладостью, проникающей через мокрую ткань.

— Я хочу прочесть твой роман.

— Он пока не переведен на английский.

— О чем он? Что за персонажи? Характеры?

— Об этом трудно рассказывать...

— Ты привезла с собой книгу?

— Даже две. Глупо, конечно. Кому здесь я могу их подарить?

— Надеюсь, мне. По крайней мере, одну.

Волна ветра подхватила тонкие струи, опутывающая обнимающиеся фигуры. Миранда вздрогнула.

— Спрячь меня, — прошептала она.

Ее голос казался продолжением дождя. Он прилетел издалека, с неба, и понесся дальше. Джина пронзил тонкий укол утраты. Он хотел спрятать русалку, которую держал в руках, пока она не исчезла среди водорослей другой жизни,

не имеющей к нему никакого отношения. Нежно он коснулся ее рта, оставляя позади свои годы, полные бешеной погони за успехом в чуждом ему Шанхае. Где теперь плоды этого успеха? Где люди, делившие его с ним? Туман рассеялся. А солнце так и не показалось. Он вернулся в могучий Город льва, который вновь дарит ему поцелуй, долгий, трепетный, мучительно-упоительный. Среди дождя. Одинокий.

Она окончательно поверила в свое еврейское происхождение. Я не напоминала, что фамилия Рудбен, стоявшая в ее паспорте, принадлежала дальнему родственнику, а вовсе не ее родителям. Она забыла об этом совершенно, вкушая прелести вновь обретенной веры. Расставшись наконец со своей матерью, Тамара сняла крошечную квартиру на Маросейке рядом с синагогой. Дозвониться до нее теперь не было никаких шансов, поскольку в ее жизни появилась масса правил. Во-первых, Шаббат. В выходные она не могла не только заниматься никакими делами, но и пользоваться транспортом или разговаривать по телефону. Это сумасшествие совсем не тяготило ее, а доставляло массу радостей. Жизнь обрела новый вкус и смысл, понятный ей одной. Даже общение с воскресшей бабушкой отошло на второй план, что в принципе меня не слишком расстраивало. Единственное, чего не хватало Тамаре, — это родственной души, с которой она могла бы делить свои обряды. Безусловно, один человек был у нее на примете. Виктор Дроздов с самого первого дня рассказывал нам о своих предках иудеях, и без того низкий голос напол-

нялся тяжелыми нотами гордости. Правда, корни не мешали ему ловко разделяться со свиным стейком, держа короткими пальцами острые приборы. Речь его была сладкой и тянулась, как нуга, вокруг студентов с распахнутыми глазами. Тамара ловила каждое слово, обращаясь к нашему мастеру исключительно «Витя», вызывая во мне рвотный рефлекс.

Часто я приезжала в институт одновременно с Дроздовым. Мы шли к грязно-желтому зданию по узкой полосе тротуара. Он — впереди, я — за ним. Иногда он замедлял шаг и оглядывался, не произнося ни слова. Я замирала, не опуская глаз, мы продолжали идти, поднимались по лестнице. Здесь была еще одна остановка, еще один перекрестный взгляд. Потом он входил в кабинет, я за ним. Он облокачивался на стол и, широко улыбаясь, говорил: «Здравствуйте». Я молчала в ответ.

— На этот раз показатели в норме, — прорычала Марья Петровна тугим, прокуренным басом.

— Это точно?

— Сами посмотрите, — она протянула желтоватый листок с большой синей печатью лаборатории. Виталий Серафимович бережно взял его и внимательно просмотрел цифры.

— Значит, это не то. Что же тогда происходит?

— Да понятия не имею! Замучились мы с вашей протее! — Тяжелый смех вырвался из полной груди. — Собиралась к ней зайти, но можете сами порадовать пациентку.

— Есть! — он весело кивнул головой и помчался в палату.

Быстро постучался в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее. Его оглушил грохот. Неуклюжий громоздкий радиоприемник ударился о стену, Миранда задыхалась, будто только что поднялась на вершину, в синих глазах замер тревожный блеск. Она обернулась, и по ее лицу пролетело негодование, а затем смущение.

— Я не слышала, как вы вошли.

— Да... Я стучал... — невольно он повернулся к черным пластиковым обломкам.

— Не люблю радио, — заключила она и устало села на кровать, облокотившись о холодную стену.

— Я понял... — улыбка тронула уголки его губ. Она была перед ним: прядь непослушно падала на лоб, колени не знали куда спрятаться, хрупкая, но сколько ярости. По отношению к кому? — У меня новости. — Он протянул ей листок. — Повторный анализ готов, все в норме, у вас нет никакого дефицита.

Миранда внимательно рассматривала бумагу, не веря в услышанное.

— Серьезно?

— По этому поводу можно расслабиться.

Он пытался понять ее реакцию, выудить ее среди бури эмоций, пронесшихся по взволнованному лицу. Она резко встала, приблизилась к нему и обняла. Мгновенно он ощутил ее теплое тело, изгиб шеи, вдох груди, поворот талии. Русое облако коснулось его щеки, поднимая все его желание, скомканное, спрятанное в темном уголке лабиринта души. Сильные мускулистые руки обхватили ее в ответ. Спасения больше не было, сердце сотрясилось, распадаясь на обломки. Прямо здесь. Прямо сейчас. Она нужна была ему со всеми пре-

пятствиями, с болью, с разбитым радио и холодными пальцами. Его губы ощутили укол предстоящего поцелуя, он почти наклонился к ней...

— Нужно срочно позвонить Алексу! Он будет просто счастлив! — Она уже суетилась, искала телефон. Быстро набрала привычные цифры. До Виталия Серафимовича донеслось нежное: «Алекс, приезжай, хочу скорей увидеть тебя...»

Но дверь уже протяжно скрипела, а он бежал по коридору, прикусив губы, чувствуя соленые капли. Он ворвался в свой кабинет, швырнул больничный халат, сорвал с вешалки куртку и бросился вниз по лестнице. Мороз царапал лицо, поток снега не давал вздохнуть. Он запрыгнул в машину, резко повернул ключ зажигания, едва не сломав его, шины зашипели, борясь с грязной массой. Наконец он выбрался на шоссе, утопил педаль газа и понесся по скользкой дороге. Затрещал мобильный.

— Виталий Серафимович, это Миранда. Вы так быстро ушли, мы даже не успели договориться. Когда вас ждать?

— Завтра. Как обычно, с утра.

— Тогда до встречи. Еще раз спасибо за хорошие новости. И вообще за все.

— Я всегда рад...

— Да. До свидания.

Короткие гудки, словно пощечины. Он швырнул телефон, ударил по рулю правой ладонью. «Черт бы... Скорее бы завтра...» Машина неустойчиво виляла по льду.

— Господин Ван Дин, я пришел поговорить с вами, — он одарил меня презрительным взглядом, будто я просил милостыню.

Лучшие брюки и рубашка из моего скромного гардероба, которые были на мне в тот день, показались жалкими лохмотьями. Я прятал ладони, боясь, что под ногтями осталась зелень от привычных букетов. Зато голову я держал прямо и пристально смотрел в его циничные глаза. Он ни на секунду не прервал своей трапезы, продолжая ловко разрезать запеченную баранину, запивая ее темным красным вином. Мать Чин Тан, напротив, внимательно рассматривала меня, в ее глазах сквозило любопытство. Лишь лицо моей возлюбленной пылало от нетерпения и страха. Вся семья собралась в «Raffles», как обычно, на воскресный обед. В то время «Бар писателей» считался лучшим рестораном города. И встретить здесь можно было только самых состоятельных и респектабельных гостей.

— Молодой человек, я надеюсь, вы хотите сообщить мне что-то очень важное, раз осмеливаетесь прервать наш ланч.

— Несомненно. Это касается вашей дочери. — По его лицу пробежала судорога подозрения, приборы безжизненно опустились на белый фарфор. — Я пришел просить руки Чин Тан. Я люблю ее и сделаю все, чтобы она была счастлива. — Гнев искривил его полноватые черты, застрял в маленьких черных глазах.

— Боюсь, молодой человек, это невозможно. Об этом не может быть и речи. Всего доброго.

Его взгляд скользнул по взволнованно приподнятой брови Чин Тан и вернулся к мясу, в середине которого показалась непрожаренная кровавая

полоса. Вдруг я вспомнил, что забыл представиться (как будто это могло что-то изменить!), и еще больше выпрямил спину.

— Мое имя Джин Вонг. Мои родители порядочные люди, хотя и вращаются в ином круге, чем вы. Я собираюсь учиться. Ваша дочь — бриллиант, я вполне осознаю это. Любой был бы счастлив взять ее в жены, но невозможно любить сильнее моего сердца, готового ради нее преодолеть все препятствия, подстерегающие нас. — Я с трудом стоял на ногах, пот, как роса на листе, выступил на моем лбу. Над головой шумели вентиляторы, за окном дождь падал сквозь густую листву. Чин Тан опустила глаза. Глаза, в которых я пытался найти спасение. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно, твердо и резал, как меч.

— Вы не поняли, это невозможно, Чин Тан уже обручена.

Дыхание перехватило, я физически ощущал удар в солнечное сплетение. Голоса вокруг стали нестерпимо громкими. Бокалы звенели, разбивая мою жизнь. Я вдохнул и выпалил последнее, что мне оставалось.

— Нет, это вы не понимаете! Чин Тан тоже любит меня! Вот уже полгода, как мы встречаемся!

Отец резко повернулся к ней, но не произнес ни единого слова. Достал деньги из бумажника, положил несколько купюр на стол и встал. Семья последовала за ним. У входа их ждал черный автомобиль, который через минуту уже увозил мою любовь, девушку в зеленом шелке с опущенными глазами...

— Не понимаю, зачем ты остановился в этом отеле? Здесь столько мучительных воспоминаний.

— К сожалению, человеку свойственно возвращаться к тому, что причинило ему самую сильную боль. Мне кажется, ты тоже знаешь об этом, не так ли?

Джин бережно поднял ладонь Миранды и поднес к губам. Прикосновение отдалось в ее пальцах и поплыло вверх чуть выше локтя. Пламя свечи дрожало между ними, оберегая от дождливой ночи за окном. Постепенно озноб от прогулки начал отступать, сдаваясь перед глотками горячего эспрессо. Ее колено нечаянно коснулось его ноги, замерев в этом положении. Пора было расставаться. И это пугало, как никогда.

8

Вещи были сложены в коробки, связаны грубой веревкой. За несколько дней квартира превратилась в нечто заброшенное, в выцветшие воспоминания. Не осталось ни телевизора, ни старого потертого холодильника, только пыль из-под серванта, которого тоже не было. Старинные тарелки с гербом на дне были завернуты в старые газеты и стояли в углу. Солнце пробивалось сквозь балконную дверь, освещая комнату горькой реальностью. Казалось, владельцев этого дома давно не было в живых, а несобранные родственники делят скудное наследство. Но хозяева были здесь, каж-

дый сидел в своей комнате. Дедушка в ватнике, подпоясанном офицерским ремнем, слушал радио. Бабушка медленно перебирала пожелтевшие письма и тихонько плакала. На днях состоялся развод, квартира была продана. Нужно было покинуть ее в течение недели. Ковры свернуты, а вместе с ними вся жизнь, проведенная бок о бок с девятнадцати лет. Варвара Никитична убрала все альбомы с черно-белыми фотографиями, снимки же не переставали всплывать перед ее глазами. Сознание раздирали спазмы, утрата забралась за воротник, обдавая легким холодком. Ее муж, бывший муж, находился всего в нескольких метрах от нее, но это было самое большое расстояние из тех, что она могла представить. Она не узнавала его лица, ставшего вдруг чужим и далеким. Их мир рушился, но это нисколько не мешало ему заниматься привычными делами. Он вставал в то же время, ходил за хлебом, читал те же газеты, как обычно, спал после обеда, укрывшись клетчатым пледом, покрытым маленькими шерстяными катышками. Она превратилась для него в человека-невидимку, растаяла в воздухе. Лишь иногда его охватывали вспышки ярости из-за убранной не вовремя посуды или крошек на столе. Она бурно реагировала в ответ, кричала и проклинала его, невольно испытывая радость, потому что он ругал ее, свою жену. Жена... Сладкое слово. А теперь просто одинокая старуха, которая будет жить у дочери, одна прогуливаться возле дома и делить сама с собой мысли о прошлом. В душе — пропасть, в сердце — рана, не имеющая конца или возможности затянуться. Их дом стонет, он брошен, им предстоит покинуть его навсегда.

Внуки, дочь и зять — все торопили ее. Но она говорила, что не все вещи собраны, еще чуть-чуть... Оттягивая момент, разглядывая узор на выцветших обоях. словно по молчаливому уговору больше никто не заходил к ним, даже соседка. Они были кем-то вроде прокаженных — разведенные старики...

— Это вам подарок. Здесь, должно быть, очень тоскливо, вот я и решил... — Виталий Серафимович протянул Миранде маленький новенький радиоприемник, ожидая, что он вот-вот полетит ему в голову. Эта мысль согревала его с самого утра. Он просто дрожал от предвкушения, покупая его в магазине электроники.

— Спасибо, — она искренне улыбнулась и взяла радио, бережно поставив его на тумбочку. Растерянность наполнила его мускулы, он не знал, что сказать, чувствуя всю никчемность собственной мести. Миранда же продолжала смотреть на него, затягивая в синюю гавань. В ее настроении вновь произошла перемена, только он больше не попадет в эту ловушку. Он твердил это про себя, пока не коснулся обнаженной спины. Его ладони чувствовали каждую напряженную мышцу и внутреннюю дрожь. Злость начала таять, как масло от огня. Он снова ни в чем не был уверен. Поэтому молчал, ожидая ее слов, ее дыхания, которые повели бы его за собой.

— У вас руки волшебные, — произнесла она вкрадчиво, будто коснулась пером. И добавила: — С минуты на минуту придет Алекс.

Пальцы впились в нервы, невольно причиняя боль. Миранда вскрикнула, беря в нем желание. В дверях уже стоял ее муж.

Я опаздывала, как всегда. Запыхавшись, бежала вверх по лестнице, пока не очутилась перед тяжелой, массивной черной дверью. Надавила на ручку, раздался протяжный скрип. Весь курс уже был здесь. Они сидели за длинными широкими столами, расставленными буквой П. Во главе расположился Виктор. Его взгляд был озабоченным и уставшим, руки скрещены на груди. Тамара заплетала светлые косы, она тихо напевала незнакомую мелодию, ее тонкий голос эхом разносился по залу. Стол был заставлен закусками: маринованные грибы, квашеная капуста, заливной язык, красная икра и высокие стопки блинов. Студенты с жадностью опустошали тарелки, звон приборов вплетался в протяжное пение. Виктор молчал, не притрагиваясь к еде. Я подошла поближе, ища глазами свободное место. Но все стулья были заняты. Расстроенная, я была готова уйти, но заметила в противоположном конце зала еще один стол. Быстрым шагом направилась туда. Здесь стояли те же самые блюда, но сидел лишь один человек — Виктор. Он не притрагивался ни к еде, ни к вину. «Иди сюда», — произнес он и жестом указал мне на место подле него. Я присела, впившись глазами в его руки. Мясистые ладони, на коротком пальце — широкое обручальное кольцо, которое он крутит и вертит во все стороны. Некрасивые руки, приплюснутые ногти с аккуратным маникюром. Неприятно смотреть, но я точно знаю, как приятно их прикосновение. Маленький человечек с низким голосом... Раздался колкий звук шагов. Перед нами была

Тамара, замерла, окинув удивленным взглядом, и бросилась бежать по лестнице, возникшей из воздуха. Я пыталась догнать ее, но шаги раздавались все выше, стол расплывался, Виктор ждал меня, а я падала вниз, продолжая кричать: «Тамара!» Я не слышала собственного голоса, не слышали его и остальные. Его не было. Только эхо незнакомой мелодии кружилось вокруг..

Они вышли из больницы под потоки дождя и, взявшись за руки, побежали по улице, смеясь, словно школьники. Ноги попадали в лужи, брызги бросались в глаза. Но Миранда не желала останавливаться. Они промчались мимо стройки нового жилого комплекса, индийцы-рабочие проводили Миранду восхищенными взглядами, а Джина — завидующими. Позади остался торговый центр, отель «Trauders», они повернули налево и вскоре добрались до Орчард роуд. Здесь, как всегда, было оживленно. Несмотря на ливень, люди ходили по магазинам, стояли на остановках, машины гудели, пойманные в пробке. Цветные зонты кружились со всех сторон.

— Подожди, Миранда, — Джин остановился, переводя дыхание. — Пора отдохнуть, ты промокла насквозь. Не хочу, чтобы ко всем проблемам добавилось еще воспаление легких.

— Ерунда, ничего не будет, — ответила она, глубоко вдыхая воздух. — Джин... — Ее синие глаза, в которых отражался дождь, пристально смотрели на него: мокрая рубашка прилипла к коже, по смуглому лицу струятся капли. Он был совершенством,

спасением и огромной удачей. Был с ней. Весь. Без остатка.

Когда хрупкая девушка одаривает тебя взглядом, полным такого трепета, холодная вода превращается в бальзам, а оживленная улица — в царство для двоих. Однажды он уже открыл секрет Города льва и не думал, что вновь сможет познать его. Джин дотронулся руками до ее лица, вбирая в себя волшебство ее кожи, ее вздрагивающих ресниц. Он хотел опуститься перед ней на колени, хотел плакать, омывая слезами ее стопы. Хотел вспомнить стихотворение, давно растворившееся в годах одиночества. Но сил не было. Его рот коснулся мокрых губ, и на этот раз отступила робость перед ее возрастом, больше не было неловкости и недосказанности. Он целовал ее со всей страстью, которая, как цветок, распускалась внутри. Его прикосновение обещало продолжение, предвкушение которого обдало Миранду жаром. Голова закружилась, непослушное тело качнулось. Джин обхватил ее за талию, уберегая от падения. «Такси!» — прокричал он мимо проезжающей машине.

— Ничего, скоро будем в отеле, — он обнял ее, заставляя облокотиться на него.

— Не хочу. Пойдем куда-нибудь?

— Ты должна отдохнуть, поспать. Тебе нужны силы.

— Я не хочу возвращаться.

— Миранда...

— Скажи таксисту, пусть проедет круг по городу, а потом в «Raffles».

Джин не стал с ней спорить. Ему тоже было больно остаться за закрытой дверью ее номера.

Быть одному, снедаемому воспоминаниями, стоять у окна и смотреть, как магнолия роняет желтые лепестки. Машина вырвалась из бурлящей улицы и поехала в сторону набережной. Миранда теснее прижалась к нему и мягко шепнула на ухо: «Расскажи... еще...» Влажные пряди коснулись его лица, их пальцы сомкнулись, сжались, наслаждаясь единым теплом.

— Я был разбит, уничтожен. В тот вечер Чин Тан не пришла ко мне. Я знал, отец запрет ее, спрячет от меня или вообще увезет из города. Я не переставал корить себя за необдуманную смелость. Нужно было тайно пожениться, тогда бы он ничего не смог сделать. Теперь оставался только один выход — Чин Тан должна была рассказать, что мы близки. Но с горечью сознавал я, что этому не бывать. Она не решилась даже поднять глаза, это причиняло мне нестерпимую боль. Ее тело, такое знакомое, податливое, нежное, вдруг оказалось чужим. Слова растаяли как туман. Но я продолжал верить в ее любовь. Нет, никогда не смогла бы равнодушная девушка раскрыться передо мной, будто шелковый веер. Я ломал голову, как вернуть наши встречи, как заполучить Чин Тан навсегда. Стоял разгар дождливого сезона — конец января. Приближался праздник Тайпусам. Во мне текла и индийская кровь, но подобные ритуалы я всегда считал религиозным безумием. И вот теперь вместе с разгоряченной толпой на второй день празднества я отправился в храм Шри Перумал. Здесь начиналось шествие. Песнопения слились с дурманящими ароматами благовоний. Фигуры божеств смотрели с угрозой

и насмешкой. Внутренняя дрожь разлилась во мне при виде длинных острых спиц. Есть такая легенда: бог Шива дал богу Маримману *vel*, стальную спицу, которая прокалывает плоть, чтобы обрести знание. Я был в отчаянии, поэтому во мне заговорила кровь предков. У меня не было денег, не было власти, но никто не мог помешать мне исколоть, изрезать собственное тело, чтобы получить мою любовь. Шум нарастал, запахи сандала и можжевельника щекотали ноздри. Постепенно все замедлилось, отдалилось, будто во сне. Под всеобщие восклицания я проколол щеки, затем вонзил в грудь крючки, надел на них цепочки, к которым привязал плоды лайма. Боли не было, мной овладел экстаз, близкий к тому, что я испытывал с Чин Тан. Я не прекращал молить богов, чтобы они отдали мне ее, сделали нас мужем и женой. Ее лицо возникло в толпе, будто по волшебству. Она смотрела на меня глазами, полными ужаса, по щекам текли слезы. Я хотел броситься к ней, обнять и успокоить. Но шествие начало двигаться в храм Четтиар на Танк-роуд. А я был его частью и не мог отступить. Чин Тан скрылась среди пестрых сари. Я улыбался, потому что был уверен — это ненадолго. Обряд закончился. Металл был вынут из моей кожи, раны посыпаны священным пеплом. Я вернулся домой и лег на кровать, широко разведя руки. Мной овладел мистический транс, еще более глубокий, чем в храме. Я представлял Чин Тан, каждую секунду нашей близости.

Машина затормозила. Миранда подняла голову. Ее щека, оторвавшаяся от плеча Джина, ощутила колючий холод кондиционера.

— Идем, — сказал он мягко и взял ее за руку.

Величественный белый «Raffles» распахнул перед ними двери.

Сквозь серые облака проглядывало голубое небо. Оно было высокое, гладкое, совсем весеннее, несмотря на корку льда на асфальте. Миранда долго стояла у окна, в душе поднималось что-то светлое, необъятное. По телу перекатывалось приятное покалывание, она снова ощущала его красоту. Руки, ноги — она вся была гибкая, молодая. Вслед за запахом весны, пробивавшимся через узкую щель белой рамы, к ней пришел голод. Она съела ванильный йогурт, он был сладкий, прохладный, таял на кончике языка. Миранду поразило, как такая обычная вещь может доставлять столько радости. Уже давно она не чувствовала вкуса того, что клала в рот. Только горечь лекарств, бесконечных таблеток: овальных, продолговатых, белых, желтых, наполовину красных. И вдруг ваниль щекочет небо. Улыбка скользнула по лицу. Она приблизилась к зеркалу, внимательно вглядываясь в собственные черты. Провела по густой линии черных бровей, дотронулась до бледных губ. Срочно нужно было привести себя в порядок, чтобы выглядеть как раньше, когда каждый провожал ее взглядом. Она и сейчас не утратила своего очарования, своей магии, это было ей известно. Но ей хотелось большего — внутреннего огня, дрожавшего в ней, когда все было совсем иначе. Болезненная, худенькая, ослабевшая — подобные эпитеты она должна вычеркнуть из лексикона окружающих. И точка.

Обуреваемый сомнениями, Виталий Серафимович открыл дверь, жмурясь от неожиданного света. Он привык к полумраку палаты, поэтому яркое небо, выглядывающее из окна, резало ему глаза. Миранда стояла на лазурном фоне, она казалась ему выше и какой-то расслабленной. Ее улыбка была лукавой, зовущей, казалось, к волосам прикоснулась весенняя оттепель, распушив их кончики. Она покорно легла, подставляя его рукам обнаженную спину.

— Знаете, в детстве моей любимой сказкой была «Русалочка» Андерсена. Так что я, полностью следуя теории Берна, всю жизнь хожу по ножам.

— Если я не ошибаюсь, в этой сказке еще был принц, и он не любил бедную русалочку, несмотря на ее красоту. Это не про вас, Миранда.

Она не повернула к нему голову, но точно знала, каков сейчас его взгляд — вопросительно-умоляющий. Приятное тепло щекотало живот. Влюбленность разливалась по телу, как у пятнадцатилетней девчонки. Ее охватывали трепет и предвкушение. Она оценивала неповторимость минут, когда тела еще не познали друг друга, и только воображение рисует вкус предстоящего поцелуя. Небо продолжало сверкать. Да, это только игра, попытка бегства. Но почему бы не поддаться обману, раз неизвестно, что ждет впереди?

По его лицу перекачивалась бледность. Он впитывал ее настроение, готов был подчиниться любым правилам, кроме одного — правила расставания. Чем дальше, тем больше он осознавал, как крепко в нем чувство. Оно опутало сердце, распустившая дальше свои метастазы. Его принципы руши-

лись, он готов был наплевать на врачебную этику. Палата, в которую проникла весна, обещала новые, неизведанные вершины, где все состоит из света. Несмотря на щемящее покалывание внутри.

— Вы прекрасно выглядите. А как самочувствие?

— Тоже лучше.

— Видите, потихоньку начинаете выкарабкиваться.

— Скорее бы, так хочу домой.

— А я хочу увидеть вас здоровой и довольной.

— Не увидите.

— Это еще почему?!

— Потому что тогда вы мне больше не понадобитесь.

Он вонзил иглу в крестцовую связку. Миранда вскрикнула. «Тише, тише», — нежно погладил он ее по пояснице, сдерживая в груди глубокий вздох.

9

Виталий Серафимович проходил через холл, когда заметил китайца. Он замер, мгновенно позабыв, что жена с дочкой ждут, когда он принесет из номера куклу. Смуглое лицо было, как всегда, спокойно. Он сидел в широком кресле у камина, огонь отражался в черных глазах. Виталий Серафимович остановился, раскрыв газету, попавшую под руку. Он боялся, что кто-нибудь догадается о его нелепой слежке, но уйти не мог, замороженный предметом в руках китайца. Эта была книга... Он не мог сказать наверняка, но издали обложка была очень похожа: тот же размытый пейзаж, об-

рамленный черной рамой, а внизу, в правом углу, название романа. Жаль, глаза подводили, и он не мог убедиться. Даже если и так, что это меняло? Все, абсолютно все, хотя он не отдавал себе отчета, почему. Его разъяренный взгляд бегал по французским буквам, перескакивал на китайца и, разочарованный, возвращался обратно. Он переступал с ноги на ногу, поглядывая на часы. Нужно было идти обратно, к семье.

— Пап, а где Элизабет? — Настя вопросительно развела ладошки.

— Я ее не нашел.

— Она же прямо на кровати лежит!

Наташа погладила Настеньку по волосам.

— Ну ничего, поужинаем и сходим за ней.

— Я без нее есть не хочу! Она тоже голодная!

— А давай мы ей с собой что-нибудь принесем? — попытался сгладить ситуацию Виталий Серафимович.

— Нет, Элизабет собилалась ужинать в лесторане.

— Ладно, я понял, пойду искать.

Он приподнялся, но Наташа одернула его:

— Я сама. Ты ешь.

Она вошла в темный номер, нажала кнопку выключателя. Белые густые локоны покоились на подушке, кукла сидела на середине кровати, не заметить ее было просто невозможно. Наташа вздохнула и захлопнула дверь, пытаясь совладать с нарастающей в душе тревогой.

На следующий день вся семья, как обычно, собралась на прогулку. Они шли по коридору,

шурша куртками, разглядывая картины с видами старого Эвьян-ле-Бен и рождественские игрушки, развешанные на светлых стенах. Перед ними распахнулась дверь одного из номеров, оттуда вышел он, набрасывая на плечи черное кашемировое пальто. Он перевернул табличку, висящую на ручке двери. Теперь надпись гласила: «Фэр ма шамбр».

Настя весело помчалась по бесконечному зеленому газону, крича отстающим родителям: «Нужно найти белку!» Наташа улыбалась, окидывая дочь любящим взглядом. Уголки его рта вздрагивали, механически поддаваясь общему настроению.

— Наташ, я забыл мобильный, быстро сбегаю за ним.

— Да зачем он тебе здесь?

— Ну, мало ли. Я мигом.

Он поцеловал ее в щеку, помахал Насте, и решительно повернул обратно в отель. Забежал в лифт, на ходу сдергивая куртку. Горничная мулатка, с тугим хвостом и полными бедрами, вышла из номера напротив, бормоча под нос французский рэп. Она наклонилась к тележке со множеством тюбиков одноразового мыла, выронив магнитную карточку, открывающую все двери. Он быстро наступил на нее, заливаясь густым румянцем.

— Вы не могли бы срочно убрать мой номер, 312-й?

Мулатка кивнула, улавливая из предложения «срочно» и «312». Она покатила свою тележку в конец коридора. Он быстро поднял карточку, прилипшую к подошве. Ловко вставил ее в замок и оказался в номере китайца. Ринулся к тумбочке в поисках книги, здесь ничего не было, открыл ящик — один,

другой, посмотрел на комоде — ничего. За дверью раздался шорох. На лбу выступили капельки пота: «Господи, что я делаю?» Он дождался, когда все стихло, сквозь маленькую щель выглянул наружу и, убедившись, что никого нет, бросился бежать, выпуская из ладони карточку, бесшумно падающую на ковер.

Они ехали на машине. Навязчивый дождь прилипал к стеклам. Бабушка, угрюмая, сидела рядом, мама на заднем сиденье. Миранда держала руль, силясь разглядеть потемневшую дорогу. Они собрались в кино, хотели поднять бабушке настроение, да и себе тоже. От малейшего торможения Варвара Никитична вскрикивала, заставляя внучку вздрагивать. Зазвонил мобильный. Правой рукой Миранда достала его из сумки.

— Алло.

— Миранда, это дедушка. А бабушка рядом?

— Какого черта? Тебя это больше не касается! Никогда не звони мне, понял?!

Она бросила трубку, ярость раздирала горло.

— Зачем ты так? Может, что-нибудь случилось? — бабушка вдруг очнулась от своего сонного состояния.

— Что может случиться?! К нам теперь это не имеет отношения!

Но Варвара Никитична уже достала мобильный и, надев очки, по памяти набирала номер. Мать и дочь переглянулись.

— Эдик, это я. Что такое? — Она замерла, ловя каждое слово, летящее с другого конца провода. — Да, да, поняла. Хорошо, завтра перезвоню.

Дождь нарастал. Дворники с трудом справлялись с водяной массой. Они подъехали к кинотеатру, мама помогла бабушке выйти из машины. Варвара Никитична опиралась на палку и тяжело вздыхала — последнее время колени совсем замучили ее. Миранда поспешно направилась в кассу, где купила билеты на фильм Альмодовара «Возвращение». До сеанса оставался еще целый час, поэтому они поднялись на второй этаж в уютное кафе, где сквозь широкие окна проглядывал пасмурный день.

— Какая огромная порция! — недовольно воскликнула Варвара Никитична, когда принесли мясо под грибным соусом с запеченным картофелем. — Я это никогда не съем!

— Да ладно, бабушка, раньше, на даче, ты и не столько съедала.

— Ну, ты вспомнишь! Когда это было? Сколько лет прошло? — Она еще раз обреченно посмотрела в тарелку, поглаживая рукой красную скатерть.

— Mam, ешь, сколько хочешь, остальное оставь.

— Тебе легко говорить, Вероника. А я вот не привыкла едой разбрасываться. Раз принесли, придется есть. А что это у тебя, Миранда, такое аппетитное?

— Куриные крылышки.

— Надо их было брать. Ну, ладно. — И она погрузилась в тарелку.

Миранда обводила взглядом зал и мокрое стекло. Душа, поцарапанная, стонала, как деревья на улице. Губы мамы были сжаты, сдерживая нервный тик.

Они сверили номера билетов и мест, погружаясь в мягкие велюровые синие кресла в самой середине восьмого ряда. Свет погас, на экране замелькала реклама предстоящих фильмов.

— Нет, не могу я здесь сидеть, слишком тесно, ноги не вытянуть. Пересяду на край.

Охая и вздыхая, бабушка встала и удалилась в конец ряда на свободное место. Сквозь вздрагивающий свет экрана Миранда различала одинокое пожилое лицо. Испанская речь текла протяжно и грустно. Она пыталась смотреть на Пенелопу Крус, но мысленно возвращалась к короткому разговору: «Это дедушка». Да, это был ее дедушка. Был и не был. Просто частица ее детства, самая острая и колючая. Бабушка следила за сменяющимися кадрами влажными уставшими глазами, мама держала Миранду за руку, ища спасения, которого не было.

Миранда открыла глаза. За тяжелыми шторами слышалось уже привычное шуршание капель, ползущих по стеклу. Она слегка приподнялась на локтях, не испытывая привычной растерянности. Жизнь в отеле вошла в свое определенное русло, появилось некое расписание, которому она следовала каждый день. Среди хаоса эмоций возник маленький плот, хотя его несло в открытом океане. Ей мучительно не хотелось идти в больницу, но вместе с тем это давало ощущение реальности. Жизнь продолжалась — это было главным. Она подолгу говорила с Алексом и Сонечкой. И после этих разговоров только присутствие Джина могло ее успокоить. Поэтому, когда она возвращалась

из мучительного сна, сквозь тени прошлого проступало смуглое лицо со спокойными ласковыми глазами. Так было и сегодня. Не отдавая себе отчета, Миранда обдумывала, что ей надеть. Ей хотелось быть красивой, желанной. Она жаждала стереть с себя бледность болезни и, как цветок, распускаться перед его глазами. Их боль — его и ее — слилась теперь, отдаляясь, причиняя меньше страданий. Вокруг был город, полный садов. Влажные растения источали тонкие сладкие запахи, обвивавшие дыхание. Трудно было представить, что в Москве зима, с ее вечной слякотью и пронизывающим ветром. После очередного ливня над асфальтом поднимался пар, окутывая мысли странной дымкой.

Она спустилась в холл. Пожилые пары шли в сторону ресторана, чтобы выпить кофе с круасанами. Миранда еще ни разу не была на завтраке в отеле, впрочем, как и Джин. Они встретились около медной вазы, обмениваясь взглядами, рассказывающими о тяжелой ночи. Джин взял ее за руку, они вышли из отеля и сели в такси.

— Gleneagles, — коротко бросил он сонному шоферу. Затем коснулся легкой шелковой ткани юбки. — Женщина в черном, — произнес он с улыбкой.

Уже давно в своем шкафу Миранда видела лишь темные вещи, только сейчас обратив на это внимание. Да, она носила только черное, пользовалась бледно-розовой помадой, а еще оказалась за тридевять земель с человеком неопределенного возраста.

— Ты смотрел фильм Питера Уира «Пикник у висячей скалы»?

— Да, довольно давно. Главную героиню звали, как тебя.

— Но не только это нас сближает.

— Что еще?

— Ощущение безотчетного ужаса, которым пронизана вся картина.

Одной рукой Джин сжал ее запястье, другой, стиснув носовой платок, провел по мокрому лбу. Жар вновь охватывал его тело, спрятанное в тонкий темно-синий костюм. У Миранды вдруг возникло желание расспросить, каково это, но губы сомкнулись, не проронив ни звука. Машина затормозила на последнем светофоре, до больницы оставалась пара минут.

— Что потом?

— Потом все будет хорошо.

— Я имею в виду сегодняшний день.

— Ты хочешь увидеть океан, погулять по пляжу?

— Можно даже искупаться.

— Значит, поедем на Сентозу.

Миранда освободилась раньше него. Ей пришлось долго сидеть в мягком кресле. Поясница затекла. Вокруг раздавался гул голосов. Из Delifrance доносился запах кофе. Она представляла пляж: волна плавно набегает на песок, стирая следы. Все втроем они строят замок, правда, Сонечка периодически бьет совочком по главной башне, поэтому приходится начинать заново. Их смех сливается с шумом прибоя. Пора возвращаться в номер, переодеться и бежать на обед...

— Каждый журналист должен уметь мгновенно вычленивать нужную информацию. Хотя, в конечном счете, не это определяет карьеру, играет роль только сама личность. Есть те, кто всегда будет на вторых ролях. Они могут биться головой о стенку, это ничего не меняет. Звезду видно сразу, это нечто особенное в глазах, в манере держаться. Такого человека ни с кем не спутаешь, он сразу подчиняет окружающих своей власти. Не важно, о чем идет речь, — о политике или семье. — Виктор многозначительно замолчал, наслаждаясь трепещущими взглядами студентов. Тамара нетерпеливо ерзала на стуле.

— А среди нас есть звезды? — вкрадчиво спросила она.

— Безусловно.

— И кто же это? — лукаво улыбнулась, раздался сдавленный смешок.

— Боюсь, непедагогично говорить об этом.

На этот раз засмеялась я.

— Что в этом смешного, Миранда?

— Просто странно от вас слышать такие слова. Вы и педагогичность, по-моему, понятия несовместимые.

Его крошечные, глубоко посаженные глаза прищурились, темнея от гнева.

— Зачем же ты тогда ходишь на мои занятия?

— Потому что вы — наш мастер. У меня нет выбора.

— Выбор всегда есть.

— Конечно, только я совсем не хочу быть отчисленной. — Тамара охнула, жестом уговаривая меня остановиться.

— Можешь уйти прямо сейчас. Обещаю, у тебя не будет проблем.

Мясистые ладони указывали на дверь, пар ярости поднимался над ними.

— Пожалуй, я останусь. Недовольный шепот прокатился по столам.

«Прекрати! Уймись!» — раздавалось со всех сторон.

— Хорошо. Только тогда хватит втапывать меня в грязь!!! — Его мощный голос разнесся по залу, эхом отдаваясь в солнечном сплетении.

— Не смейте на меня орать. Я с вами говорю спокойно, будьте добры отвечать мне тем же. Может, вы к этому привыкли и это ваш стиль, меня это не касается. Никогда не смейте повышать на меня голос!

Он ничего не ответил, перескочив на другую тему. В течение лекции он больше не называл меня по имени, не смотрел на меня, каждым взмахом руки подчеркивая безразличие. Тамара встревоженно разглядывала меня. В ее прозрачных голубых глазах отражалось смятение, которое я вкушала с наслаждением. «Пора вырасти из своих иллюзий. Ей — полезно», — посмеивалась я про себя, пытаюсь не замечать, как дрожат мои пальцы. Неестественное молчание утомляло меня, недовольство набирало обороты. Я не различала его слов, вязких, утомительных. Но неожиданно для себя тосковала по его вниманию. Я хотела помириться, хотя боялась признаться себе в этом.

— До свидания, — сказала я на прощание.

Он поднял глаза: злость перетекла в интерес, искры брызгами дотронулись до моей кожи.

— До свидания, звезда.

Я слегка улыбнулась и быстро пошла прочь, впиваясь шпильками в ветхий паркет. Тепло разливалось по мне, дурманя и кружа голову. В груди было неудобно и тесно. Посмеяться — да, но это подступающее чувство нужно было срочно раздавить. Стать такой, как все? Выглядеть идиоткой с распахнутыми глазами? Смотреть и слушать все его передачи? Звонить на радио? С маниакальным упорством разглядывать фотографии в журналах? Нет, этого никогда не будет, никогда. Тамара стояла на крыльце и курила.

— Очаровательный спектакль, как всегда, — выпустила она густой дым, левой рукой теребя на шее украшение в виде божьей коровки.

— Идем, — дотронулась я до ее хрупкого локтя. Вокруг шелестели деревья, будоража запахи апреля.

10

Каблуки проваливались во влажный песок. Миранда сняла черные сабо из кожи питона, ощутив под ногами приятную прохладу. Океан вздрагивал от недавнего ливня, словно тысячи бабочек летали под водой. Густой воздух был наполнен солью и тихими вздохами волн. Вдали, в легком тумане, виднелись очертания белых кораблей. Миранда приблизилась к набегающей воде, которая дотронулась до ее стоп, увлекая за собой. Джин последовал ее совету и снял обувь, затем закатал брюки.

— Тебе нравится здесь? — раздался его голос сквозь шуршание моря и одиноких пальм на берегу.

— Да, только это место никак не ассоциируется у меня со словом «пляж».

— Потому что сейчас сезон дождей — все вокруг затянуто серой вуалью.

— Наверное...Под стать настроению.

Вокруг не было ни души. Над головой сжимались тучи, заслоняя побледневшее небо. Их пальцы были плотно сплетены. Здесь, где не было шума города, прохожих, молчание сгущало тоску. Но никто из них не мог придумать тему для разговора. Нервы обнажились под потоками набегающего ветра. Джин смотрел на остров, силясь узнать его. И не мог. Ни за одной из густых ветвей не было его молодости, она осталась в далеком прошлом, ощущимом только во сне.

От неподвижности холод начал щекотать щиколотки Миранды, предательски проникая в вены. Внезапно новый приступ влаги обрушился на них. Они выбежали из воды и бросились к концу пляжа, надеясь укрыться в маленьком кафе возле остановки. Крупные капли за секунду пронзили их одежду насквозь, заставляя мурашки бежать по коже.

Они заказали два кофе и сели за столик у окна, где можно было видеть океан. Джин обнимал Миранду, пытаясь согреть. Шум кофеварки вернул ощущение жизни, в сочетании с запахом корицы это успокаивало. Он сделал несколько горячих сладких глотков и, теряясь в бездонных синих глазах, продолжил свой рассказ.

— Не знаю, каким образом, каким обманом ей удалось вырваться из дома. Увидев меня, она не одарила меня поцелуем или объятием. Вместо этого на мое лицо посыпалась тысяча пощечин. Как безумная, она кричала: «Ненавижу! Ты все разрушил! Ты сумасшедший, если думаешь, что помогут варварские обряды! Мы никогда не будем вместе!» Я пытался возражать ей, но она не слышала моих слов. Истерика превращалась в водопад, заглушающий все вокруг. Наконец, мне удалось поймать ее руки. До боли сжал я ее запястья, пытаясь унять гнев. Чин Тан сдалась, прижавшись мокрым от слез лицом к моей груди.

— Теперь все будет хорошо. — Мой голос звучал уверенно и твердо. — А если нет, я украду тебя, как самое ценное сокровище в мире.

— Нет, ты не понимаешь. Я не могу пойти против семьи. Если они отвергнут тебя, мы расстанемся.

— Но ты уже пошла против них. Сделала это миллион раз, и была счастлива.

— Это другое.

— Другое?! Что с тобой? Как ты можешь так говорить. Значит, ты готова любить меня только под покровом тайны?

— Джин...

— Ответь мне?!

— Я люблю тебя, но сделаю, как велит отец.

В тот день мы снова были близки, но в моем сердце появилась язва. Нежность вступала в противоборство с негодованием, раздирая мне грудь. Еще острее видел я красоту Чин Тан, она была про-

изведением искусства, которое, несмотря на тогдашнее невежество, я сумел оценить. Но между нами пролегла трещина, вот-вот грозившая превратиться в пропасть.

— Не знаю, что на вас так подействовало, лекарства или наконец появившийся аппетит, но тело просто меняется на глазах. — Его руки лежали на пояснице Миранды, где, неожиданно для себя, он чувствовал напряженные мышцы. На исхудавшем лице вновь заиграл румянец. Виталий Серафимович не верил своим глазам — она начала оживать: ее тело и ее настроение.

— Пора мне выметаться отсюда, надоело.

— Если так пойдет, это произойдет очень скоро. Только нужно продолжать беречь себя. И, конечно, не забывать про гимнастику. — Он был рад за нее, продолжая, словно в зыбучих песках, тонуть в ее синем взгляде. Весна врывалась сквозь окно, в приоткрытую дверь, подавляя запахи больницы, рождая в сердце приятное беспокойство. Для их игривых диалогов больше подошел бы последний ряд в кинотеатре, чем бесцветная палата. Но и этим он был доволен. Счастье разрывало грудь перед каждой встречей. Семья, остальные пациенты — все отодвинулось, превратилось в зеркальное отражение прошлой жизни. Впереди была весна, необъятная, свежая, распускающая созревшие бутоны, дотрагивающаяся до лица легким теплым ветерком.

— Поговорите с Марьей Петровной, вы с ней как-то лучше контактируете. Может, я уже могу

ехать домой? В конце концов, медсестру можно вызывать. Я так соскучилась по Сонечке!

— Ее сейчас нет, у них там какая-то конференция. Я зайду к ней утром, договорились?

Нетерпение вздрагивало на ее губах. И правда, ей здесь делать уже нечего, он сам так думал. Но казалось, она, покидая их мир, разрушит нечто важное, что он берег только для нее. Имя — неуместное здесь, так не сочетающееся с любыми проявлениями обыденности. Недавно ему попался том Шекспира, и теперь строчки застряли в голове.

В крови все сердце,

Как вздумаю, что в вас бужу печали,

Которых нет во мне.*

Миранда наслаждалась прохладой его рук и исходящим от них запахом хвои и амбры. Ей приятен был его голос, всегда подбадривающий, укрепляющий надежду. Она не чувствовала никакого барьера между ними, все сомнения, мучающие его вначале, остались позади. Нужно было только протянуть руку или чуть дольше задержать взгляд. Так просто. Но она медлила, испытывая приятное томление. Март напоминал ей о детстве, когда она подолгу стояла у окна. Вдали виднелся парк, а чуть правее — дорога с бесконечным потоком огней. Преодолевая слякоть, машины стремились вперед, увлекая ее фантазию. Она мечтала потихоньку ускользнуть из дома, затеряться в старых извилистых московских переулках. Никакой конкретной цели

* «Буря», У. Шекспир.

не было — просто вдыхать аромат тающего снега, наблюдать за тонкой сеткой ручейков, слушать постукивание капель из водосточных труб, ждать, что вот-вот стемнеет, предвкушая появление любви. Абстрактной, пока лишенной плоти и крови, и все же всеобъемлющей, заполняющей ее детское сердце.

— Что ж... Завтра увидимся.

— Надеюсь, вы мне сообщите хорошую новость.

— Я тоже. Иначе просто не буду заходить. — Миранда изобразила растерянность. — Шучу, конечно.

— А со мной шутки плохи.

— Это я уже понял. До свидания, Миранда.

Невысказанность колола губы. Он закрыл за собой дверь и поднес к лицу ладони. На них все еще сохранился ее запах: какие-то пряные цветы вперемешку с морской свежестью. Удивительно, даже в больнице она ни на грамм не растеряла своей женственности, своего колдовства. «Интересно, я тоже когда-нибудь стану для нее персонажем нового романа? Может, отведет мне роль в эпизоде?» Звук собственных шагов задавал ритм грустным мыслям. Но когда он вышел на улицу и его окружила талая свежесть, по венам разлилась легкость. Перед глазами вновь были смуглые лопатки, будто крылья, поднимающие его в небо.

— Ну что, добавку, Варвара Никитична? — папа опустил половник в густой наваристый борщ, над которым поднимался пар.

— Давай, — вздохнула бабушка. — Хотя, на мой вкус, он слишком соленый.

— Да нет, очень вкусный. — возразила мама.

— Я вообще сто лет суп не ела, готовить сил нет, — Миранда помешивала ложкой темно-красную жидкость в белой тарелке.

— Пересоленный, — резко добавила бабушка, ее глаза стали влажными, руки, держащие кусок черного хлеба, задрожали. — Пойду в свою комнату, чтобы не мешать вам.

— Мама!

— Бабушка, ты чего?

— Баба, кончай!

Но возгласы не остановили ее. Она встала, тяжело дыша. В коридоре постепенно растворились медленные шаркающие шаги.

— Мам, может пойти к ней?

— Нет, будет еще хуже, поверь. Мы каждый день проходим через это.

— А что случилось-то?

— Утром звонил дедушка, опять рассказывал про свое плохое самочувствие.

— Да он нас всех вместе взятых переживет! Это как с желудком. Всю жизнь слушаем про его язву, а холодильник всегда забит копченой колбасой. Скажи, пусть не разговаривает с ним!

— Бесполезно. Считает нас всех бессердечными — дедушку мы не жалеем.

— А он нас когда-нибудь жалел?!

— Ладно, ладно. Давайте есть спокойно. Сейчас булочки со сливками достану — сразу прибежит, как миленькая. — Папа выключил раскаленную сковороду, из которой норовило выскочить кипящее масло.

Действительно, бабушка вышла к чаю. Но взгляд ее оставался тяжелым и угрюмым. Миранда хотела подобрать слова, хотела развеять тягостную обстановку, но ударялась о непробиваемую стену печали. О чем бы ни заходил разговор, все сводилось к одному — теперь все иначе.

Родители тратили свое время на ремонт в однокомнатной квартире, куда вскоре должна была переехать Варвара Никитична. Мама тщательно выбирала каждую деталь, обговаривала ее с бабушкой, каждый раз наталкиваясь на равнодушие и агрессию. Рисунок на обоях был то слишком ярким, то слишком бледным. И вообще, «я свое отжила, мне лишь бы свой угол, крышу над головой». Несмотря на учащающиеся скандалы, все еще пробовали уговорить бабушку остаться у родителей. Тщетно, «еще нигде и никогда ей не было так плохо». Миранда чувствовала, что семья ломается, как высохшее дерево. На любые события ложилась глубокая тень. Стоило ей обрадоваться чему-нибудь, тут же все возвращалось с новой силой, разливая печаль в сердце.

Все было готово. Оставалось заняться мебелью. Но бабушка не могла ждать ни минуты. Она собрала в рюкзак свои вещи и отправилась на одинокий остров, где не было даже телефона. Дом недавно был сдан. Почти все квартиры пустовали, бесконечные сквозняки гуляли по пустынному подъезду. Варвара Никитична часами сидела перед экраном неподключенного телевизора и плакала. Дочь постоянно навещала ее, но это не доставляло никакой радости, так же, как и внимание внуков. Всякий раз, когда раздавался звонок мобильного,

она вздрагивала от надежды, что это Эдик. Она готова была выслушать монотонный рассказ о любой ерунде, только бы он длился и длился, не прерываясь короткими гудками. Все чаще вспоминала она их знакомство, свежеевыкрашенную скамейку в парке, где они подолгу сидели, взявшись за руки. Это было реально. Более реально, чем одинокое существование в пустом доме.

Миранда осторожно дотронулась до кончиков ногтей, бордовый лак высох, а до их встречи оставалось еще пара часов. Джин должен был ждать ее в восемь, чтобы она как следует успела выспаться. Но после разговора с Алексом, непослушные веки то и дело приоткрывались, заставляя сердце учащенно биться. Она расчесала волосы, положила в маленькую сумочку, расшитую серебряными нитями, мобильный, помаду и кредитку. Она могла постучать в его дверь, но боялась потревожить. В пустом номере становилось невыносимо. Казалось, безудержные потоки воды вот-вот размоют стены и крышу. Маленькие стопы скользнули в лакированные сабо и вынесли ее прочь. Внизу она остановилась в нерешительности, оглядываясь, пытаясь придумать себе занятие. Внезапно взгляд ее зацепился за фигуры, сидящие за столиком в Баре писателей. Красивая китаянка в белом брючном костюме медленно подносила бокал к губам. Ее гладкие черные волосы были забраны на затылке, левая рука теребила жемчужную нить на шее. Она выглядела ухоженной и подтянутой, но опытный взгляд выдавал возраст, наверняка перешагнувший за сорок. Джин внимательно слушал ее, не сводя

глаз. Миранда ощутила глубокий укол под ребро. Тошнота подступила к горлу. Слезы готовы были прорваться сквозь густые ресницы. Невидимая пощечина жгла ей лицо. Спокойной уверенной походкой она вышла из отеля и бросилась прочь. Она не разбирала дороги, дождь набрасывался на нее, как разъяренное животное, вонзаясь прямо в сердце. Прохожие с недоумением разглядывали красивую европейку, блуждающую, как во сне. «Хочу домой!» — не переставала твердить она, как будто слова могли поднять ее в воздух и унести прочь из удушливого города. Незаметно для себя она добралась до Маленькой Индии. К подошвам начали прилипать грязные лепестки и скорлупки орехов. Индусы зазывали в магазинчики пряностей и ювелирных украшений. Обессилев, она зашла в крошечное кафе, где раскатывали тонкие лепешки, а затем мазали их начинкой, острый вкус которой щипал ноздри. Миранда села на узкий стул, она хотела сделать заказ, но голос не поддавался. Толстая индианка в желтом сари поставила перед ней маленькую стеклянную чашку, над ней поднималась тонкая сладковатая струйка пара. Миранда с благодарностью кивнула, осторожно делая маленький глоток. Затем принесли лепешки и финики в сахаре. Жгучие специи кололи язык, заставляя глаза увлажниться. Но тяжесть отпускала. Здесь все было предельно просто, все понимали ее печаль, каждый спокойно ел *roti paratha*, запивая горячим мятным чаем.

— Ну, и что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что ты ему безразлична.

— Я в этом не уверена.

— Очнись же! Или мне придется тебя заставить!

— Давай! — Тамара мечтательно улыбнулась, наматывая на палец шелковистый локон. — Ла-ла-ла... — начала она напевать, как обычно.

«В сущности, это не мое дело. Пусть делает, что хочет, выставляет себя душой», — говорила я себе, но испытывала непонятную злость и какое-то сладостное удовлетворение, понимая, что в моей власти обратить ее мечты в пепел. Я пыталась объяснить, что ее увлечение — просто очередная иллюзия. Но всегда оставался другой способ — рассказать о том, что Виктор испытывает ко мне. В это она поверит с легкостью, я не сомневалась. Я могла описать ей каждое слово, каждый жест, если бы не мерзкое ощущение, что я совершаю предательство. Мне хотелось заставить ее очнуться, но быть для нее тем же человеком, что и раньше. Поэтому я продолжала скрывать, прятать мою тайну. А в машине радио было теперь всегда настроено на одну и ту же волну, как бы случайно, невзначай.

11

Безмятежный солнечный день лился вокруг. Лишь над озером нависла дымка тумана. Они обошли маленькие узкие улочки города, по дороге покупая сувениры, открытки, и спустились к воде. Настенька хотела взобраться на огромные валуны, окаймляющие берег, родителям стоило огромного труда отговорить ее. Фотоаппарат не переставал щелкать, ловя в объектив улыбающиеся лица и край ясного неба.

— Пообедаем в городе или вернемся в отель? — Наташа весело кружила дочку.

— Как мои принцессы скажут, так и будет.

— Пап, я хочу макалоны, котолые мы тогда ели.

— Нет проблем. Значит, идем в итальянский ресторан. Наташ, тебе же там понравилось?

— Да. Я опять буду тирамису. Хотя вообще-то пора сесть на диету.

— Глупости не болтай, у тебя все отлично.

Виталий Серафимович обнял жену за талию, взял маленькую детскую ручку, и они повернули обратно в город. Солнце слепило глаза. Они уже перешли дорогу, когда он еще раз обернулся, чтобы увидеть озеро.

Он зашел к ней рано утром. На кровати стояло несколько пакетов. Миранда, в черной водолазке и узких брюках, сидела на краю.

— Вижу, вы уже собрались.

— Готова все бросить, лишь бы скорее уйти.

— Осталось недолго, только справки напишут. Как настроение?

— Чудесное. Просто Новый год какой-то! Или еще лучше.

— А там совсем весна... — он мечтательно посмотрел в окно.

— Последнее время все было как во сне. А теперь снова начинается жизнь.

— Надеюсь, все будет в порядке.

— Я тоже.

— Я знал, вы сильная, все преодолеете.

— Дело не в этом. Я разве не рассказывала вам?

— Нет.

— Просто я необычная женщина, я — Феникс. Чтобы со мной ни происходило, я всегда возрождаюсь из пепла.

«В этом нет сомнений», — подумал он, разглядывая плавные изгибы ее тела. Лихорадка спала, фигура вернула привычную гибкость, растворилась чернота под глазами. Она сияла. Мысленно он пытался подобрать слова, достойные расставания. Его сказочная птица уже оторвалась от земли, еще минута — и она улетит.

— Привет! — Алекс ворвался в палату с букетом желтых тюльпанов. Миранда бросилась к нему, обвивая руками шею мужа. — Здравствуйте, Виталий Серафимович. Как поживаете? — Они сомкнули руки в крепком рукопожатии. — Я могу уже забирать мою девочку? — Они снова обнялись.

— Сейчас еще какие-то бумажки, и я свободна как ветер! Сонечка ждет маму?

— Еще как!

— Виталий, не можете поторопить их?

— Конечно. Что ж, я прощаюсь. Удачи, не бойтесь.

Разбитый, растоптанный, он вышел в коридор. Что-то заканчивалось, ускользало. Что-то неповторимое умирало прямо сейчас. С поникшей головой он зашел к Марье Петровне.

— Доброе утро, как ваши дела?

— Вот, сейчас загляну к вашей пациентке, — раздался сдавленный хриплый голос.

— Она торопится.

— Иду, иду. Попрощаюсь с ней, хотя вопрос остается открытым.

— В смысле?

— В нашей жизни, Виталь Серафимович, все приходит ниоткуда и уходит туда же. А почему, один Бог знает. — Она закурила сигарету, глубоко втягивая дым. Ему вдруг захотелось вернуться, предостеречь Миранду, только он не знал от чего.

Не помня себя от слабости Миранда перешагнула через порог «Раффлза». Тушь расплылась под глазами, мокрыми волнистыми прядями волосы обрамляли лицо. К тому же она сломала каблук, и теперь шла босиком, сжимая в руках лакированную кожу. Джин стоял в холле, он держался прямо, как натянутая струна. Его взор был залит огнем тревоги. Ни секунды не медля, он бросился к Миранде.

— Где ты была?

— Вышла погулять.

— Погулять?! Ты соображаешь, что говоришь?! — недоумение застыло на ее лице — он впервые кричал на нее.

— Я пойду к себе, спокойной ночи.

Он не остановил ее, просто шел рядом, не произнося ни слова. Миранда пыталась изобразить равнодушие, но мышцы не слушались, а мысли путались. Не спеша, она ступала босыми ногами по мягкому ковру, оставляя мокрые следы. Они замерли возле номера.

— Я могу побыть с тобой?

— Нет.

— Встретимся утром?

— Нет, — слезы вновь подступили к глазам.

Она хотела крикнуть ему: «Кто она?» Но вместо этого шепот вылетел из горла: — Завтра все выяснит-

ся, мне провели все обследования, осталось лишь поговорить с врачом. — Заканчивая фразу, Миранда заметила, что они уже в номере. Воспаленный взгляд Джина блуждал по ее бледным губам, тонкой шее, ногам, окутанным грязью. Он сделал шаг ей навстречу, она готова была сомкнуть веки, чтобы ощутить его жар. Но Джин лишь коснулся озябших плеч.

— Прими ванну, согрейся. Я закажу ужин.

— Хорошо.

Миранда погрузилась в теплую воду. Постепенно зеркало в старинной медной раме начало запотевать, лавандовая пена ласкала кожу, собираясь в огромные белые облака. Звук льющейся воды успокаивал, словно журчание ручья. От кончиков пальцев до корней волос тело расслаблялось, мысли улетали. Перед глазами возник огромный куст сирени, кажется, такой рос у них на даче... Ароматные цветы расплывались, становились больше, прозрачнее, постепенно превращаясь в воздушные шары. Один из них был особенно красивым, он сиял изнутри. Миранда ухватилась за него, чувствуя, что он тянет ее за собой вверх. Вокруг теперь была невесомость, она поднималась все выше и выше... Вдруг раздался взрыв. Джин резко выдернул ее из воды. Горло сдавил кашель. «Дыши! Дыши!» — повторял он ей. Кожа скользила в его руках, но он отчаянно держал ее. Мыльная вода щипала язык. Наконец, дыхание восстановилось.

— Извини. Я уснула. Правда...

— Знаю, знаю.

Он включил душ, теплой струей смыл пену, покрывавшую ее, словно кружево. Затем растер

большим белым махровым полотенцем и набросил на нее халат. «Как ребенка», — улыбнулась Миранда. Принесли ужин. Джин поставил поднос на кровать, снял с себя рубашку, брюки и лег рядом. Миранда с жадностью откусывала соленую ветчину и хлеб с маслом, не забывая предложить бутерброд своему спасителю. Чай с молоком был сладким, сливочный десерт — густым и прохладным. Соскальзывая в сон, Джин еле успел снять поднос с кровати и обнять уже спящую Миранду. За окном капли дождя наигрывали знакомую мелодию, а может быть, нашептывали забытое стихотворение...

Она давно не слышала голоса бабушки, это было странно и, казалось, безнадежно. Однокомнатная квартира была завалена вещами, обстановка больше напоминала заброшенный склад, чем дом. Миранде об этом рассказывал брат, сама она там никогда не была. Бабушка тратила все силы на уход за дедушкой, который вроде бы был совсем плох. Так говорили, но она никак не могла поверить в это. «Очередной спектакль. Подлая уловка, чтобы мы простили его», — твердила она себе, а грудь сдавливала ярость. Связь с бабушкой была оборвана, все стали врагами, «обидевшими Эдика». Миранда поглаживала свой огромный живот, где толкалась Сонечка, готовая со дня на день появиться на свет, а в телефонной трубке раздавались вздохи мамы. Теперь все их разговоры вращались вокруг одной и той же орбиты, вместо того чтобы обсуждать предстоящее радостное событие.

Сонечка родилась в 9.14 утра. Мобильный не умолкал, не высвечивалось только «бабушка», от

чего становилось грустно и тягостно. Не было ее и на выписке среди улыбающихся лиц, протягивающих светлые букеты.

Спустя несколько месяцев Миранда встретила их случайно возле магазина. Она искала, где бы припарковаться, когда перед глазами возникла голубая шестерка. Они были там — оба. Сердце бешено заколотилось, нога непроизвольно нажала на тормоз. Бабушка, державшая какую-то рассадку, резко отвернулась, будто они были незнакомы. «Бойтся его!» — хлестнуло ее острым прутом. Дедушка же посмотрел на нее, улыбнулся и помахал рукой. «Черт! Он издевается!» — Машина сорвалась, канат с якорем навсегда был оборван. Горечь щипала глаза. Она тосковала по детству, но больше всего поражало, что у нее теперь ребенок. И это чудо, солнце, затмившее все вокруг, они не видели.

Миранда наслаждалась домом. Она вкушала его запахи: начиная со свежего хлеба и заканчивая кремом для рук. Здесь все было прекрасно. Особенно слышать постоянное «Мама!». Она играла с дочкой в куклы, чувствуя, что сама находится в волшебном дворце. Как обычно, они ужинали в восемь. Садись за продолговатый стол в большой комнате, зажигали свечи. Алекс рассказывал, как прошел день на работе, Сонечка пыталась накормить пупса творожной запеканкой. За окном постепенно оттаивал снег, наполняя дом свежестью. Миранда по-прежнему сильно уставала, часто просыпалась по ночам, но это было такой ерундой в сравнении с тем, что она пережила. Вынужденная

разлука с семьей теперь подчеркивала ее счастье, отодвигая на время тени прошлого.

Летом они отправились на Крит. Непослушный ветер развивал волосы, соленые брызги попадали в глаза. Крупные розовые цветы пахли медом, Сонечка с криком и смехом забежала в воду. Они мчались на карусели прозрачной воды, сиртаки, мусаки и сливочного мороженого. Лишь иногда Миранда сдерживала глубокий вздох. Возвращаясь с пляжа, она замедляла шаг, противная тяжесть опутывала ноги, поясница нестерпимо ныла. Она вскрикивала по ночам от резкой боли в правом подреберье, с беспокойством оглядываясь, не разбудила ли Алекса и малышку. В эти моменты она вспоминала о Виталии Серафимовиче, ее неизменном обезболивающем и успокаивающем. Она видела его встревоженный взгляд и сильные руки, готовые в любой момент прийти ей на помощь. Потом прогоняла видение, прогоняла боль, оставаясь наедине с самыми дорогими и любимыми.

Я часто приезжала в его квартиру на Пречистенке. Уютное место было создано специально для подобных встреч, это было мне известно, но нисколько не коробило. Виктор с нежностью касался моей кожи, страсть нарастала, будто умелая рука пианиста скользила по клавишам. Я предпочитала ни о чем не думать, не сковывая наши отношения какими-то границами. Мне было наплевать на его семью, вообще на его жизнь вне общения со мной. Иногда мелькала мысль, что это просто защитная реакция, чтобы окончательно не сойти с ума.

Я наслаждалась каждым мгновением, иногда останавливаясь от пронзавшего меня спазма — все это временно. Но Тамара действительно начала меня раздражать вздохами по моему любовнику. Раньше я смеялась, теперь злилась. Я не называла ревностью свои всплески, но хотела как можно скорее избавиться от ее придуманных чувств. Последнее время она стала еще более нервная, когда напевала, голос нередко срывался, а из горла вылетало нечто неопределенное. Ее волосы, поддавшись настроению, торчали во все стороны непослушными завитками. Одуванчик цокал каблучками, внося смуту в мое сердце. Мы встречались все реже, в перерывах между лекциями обменивались короткими фразами, настороженно разглядывая друг друга. Я пыталась понять, не известно ли ей, а она... О чем она думала, всегда было для меня загадкой, только теперь с мрачным оттенком.

Все изменилось в тот день, когда я увидела, что Тамара подошла к Виктору и вкрадчиво взяла его за руку. Меня захлестнуло раздражение, нестерпимое, как укус пчелы. «Пора этому положить конец», — решительно сказала я себе. Во мне начал рождаться план, целью которого было разоблачение нашей связи перед Тамарой. Нет, слов теперь было недостаточно. Она могла поверить, но не отступить. Я должна была подарить ей картину нашей близости, как неоспоримое доказательство.

«Жду тебя завтра в два часа дня. Ни о чем не спрашивай, просто приходи». Далее следовал адрес. Я отправила сообщение с мобильного Викто-

ра, зная, какой эффект произведут высветившиеся цифры, которые были в телефоне любого нашего студента. «Подожди», — шепнула я ему и выскользнула из комнаты. Я повернула в обратную сторону ключ в замке и вернулась в спальню, где, как обычно, намечался послеобеденный секс. Виктор стянул ляжку с моего плеча, я вздрогнула.

— Что с тобой?

— Все в порядке.

— А я вижу, что нет.

Он провел ладонью по моему лицу. Эта пухлая рука, вызывавшая во мне отвращение, теперь была наполнена нежностью, неповторимой, ранее неизведанной. Слезы скреблись в горле. Внезапно я испытала отвращение к себе и жгучую влюбленность в кумира миллионов. Я хотела вернуться, запереть дверь, но вместо этого сняла платье, прижимаясь обнаженным телом к волосатой груди. Она появилась незаметно. Впорхнула, как бабочка на свет, и замерла с обожженными крыльями. Забывшись, Виктор тонул в моих волосах, и лишь ощутив ледяную судорогу, пронзившую меня, отстранился.

— Какого черта? — заорал он на нее, словно отчитывал за плохой репортаж.

Тамара молчала в ответ. Она смотрела на меня, только на меня. Ее губы шевельнулись, но не раздалось ни звука. Хрупкая пианистка сжала пальцы и выбежала прочь.

— Как она здесь оказалась? — Виктор пытался притянуть меня к себе.

— Она же сумасшедшая, я тебе всегда говорила, — произнесла я, отгоняя картины, мерцаю-

щие перед глазами. Я видела ее за фортепьяно, в Гнесинке. Мы совсем недавно были знакомы, когда Тамара пригласила меня послушать ее игру. На ней было вечернее платье цвета морской волны, сквозь боковой разрез были видны светлые гольфы, что ужасно рассмешило меня. Потом я заметила розовую лямку лифчика. После чего, наконец, появился Прокофьев. Она сразу перестала быть смешной, ее одухотворенное лицо было пронизано светом. Умиление, тоска и блаженство пронеслись во мне, как внезапный дождь за окном.

— Миранда, забудь о ней. Иди ко мне. —
Я встала, поднимая платье.

— Боюсь, я никогда не смогу этого сделать.

12

— Здравствуй, бабушка. Как твои дела?

— Ничего, Мирандочка, как обычно. Утром ходила за хлебом, потом в аптеку. Столько все время лекарств нужно, названия уже в голове путаются.

— У тебя сегодня какой-то странный голос. Что случилось?

— Я не хотела напоминать, но раз ты спрашиваешь, у бабушки сегодня день рождения.

— Я совсем забыла...

— Да, все забыли.

— А как он?

— Все так же, лежит. Много спит, а иногда стонет. Всклипывает, как ребенок. Не знаю, сколько страданий может вынести человек.

Миранда сжимала телефонную трубку, за окном моросил осенний дождь, превращая ярко-желтые листья в безликую массу. Она теперь часто звонила бабушке, стена молчания была сломлена, но в их дом прийти не решалась. Да, он болен. Миранда знала наверняка, мама часто бывала у них, хотя уберегала дочь от подробностей. Дедушка постоянно говорил странные вещи, мысли его были как запутавшийся клубок пряжи, но по-прежнему то и дело возникали вспышки агрессии. Она действительно забыла про день рождения, подчиняясь играм памяти, блокирующим болезненную информацию. А узнав, не нашла слов. Если даже собственную дочь он ни разу не окликнул по имени, хотя часто видит ее, разве нужны ему поздравления внучки? В соседней комнате Алекс играл с Сонечкой, Миранда подошла к ним, пытаясь стереть печаль с лица. Одиночество вдруг предстало перед ней — неприкрытое, необратимое...

— Привет, ну что?

— Ты почему не спишь в такое время?

— Можешь ответить на мой вопрос?

— Я еще не была у врача, только зашла в больницу.

— А я пока не ложился, жду, когда позвонишь.

— Ты чего? Спи, пожалуйста. Ты меня еще больше заставляешь волноваться.

— Не надо.

— Тогда быстро в кровать!

— Ладно. Но как только выйдешь, сразу позвони, обещаешь?

— Да. А Сонечка спит? Все нормально?

— Конечно. О нас не беспокойся.

Миранда подошла к Джину, который предпочел оставить ее на время разговора, вложила свою ладонь ему в руку. По скользкому, только что вымытому мраморному полу они прошли сквозь прохладный холл и завернули в коридор.

— Нам придется немного подождать, доктора срочно вызвали к пациенту в стационар, — сообщила им переводчица, ожидавшая Миранду перед кабинетом. Все втроем они присели на банкетку.

— Что ж... Надеюсь, доктор Вай сможет ответить на мои вопросы.

— Не волнуйтесь, это очень хороший специалист, ему можно доверять.

— Это правда, Миранда.

Джин хотел спрятать ее в своих объятиях, но они были не одни, а значит, у него не было никаких прав даже на поддержку.

— Не катались на «Чертовом колесе»?

— Нет, — Миранда улыбнулась.

— Зря. Оттуда вид открывается необыкновенный. Обычно туристы не пропускают возможности увидеть Сингапур с высоты птичьего полета.

— Мне это тоже знакомо, — она посмотрела на Джина, ловя в его глазах ответные искры.

Пластилинное время вяло тянулось, Миранда как зачарованная не сводила взгляда с двери кабинета. Сердце было подобно колесу набирающей скорость машины. Единственный оазис спо-

койствия заключало смуглое лицо. Обращенное к ней, оно говорило: «Успокойся. Я с тобой». Все тревоги последних дней слились в воспоминание о его нежных прикосновениях. Это было не просто желание или поддержка, их судьбы смешались под бесконечным потоком, падающим с неба. Так много хотелось рассказать ему, познать его вкус, раствориться в его руках...

— Идем, — разорвала Ольга перекрестный взгляд.

Доктор Вай встретил Миранду приветливой улыбкой и крепким рукопожатием. Она присела на край стула, ощущая легкое головокружение.

— Мы провели все исследования, необходимые для выяснения вашего диагноза. — Он достал из конверта кипу снимков и анализов. Ольга напряженно вслушивалась, чтобы вовремя уточнить непонятные термины. — По результатам анализов крови печень претерпевает серьезные изменения, показатели значительно превышают норму, но ни один из вирусов гепатита у вас не найден. — Ручкой он скользил по цифрам, не спеша, позволяя осмыслить каждый пункт. — Мы проверили вас на дефицит альфа 1-антитрипсина, у вас нет этого заболевания, об этом свидетельствует анализ крови, а также рентген легких, в которых все чисто. Теперь обратимся к исследованию КТ. — Он закрепил снимки на подсвеченном экране. — Это ваша печень. Она сильно увеличена, ткань деформирована, с многочисленными фиброзными изменениями. Если бы я не видел ваших анализов, передо мной бы была классическая картина вируса С, но он у вас не обнаружен. В такой ситуации

показана биопсия, лишь она позволит поставить окончательный диагноз.

— Это больно? — тихо произнесла Миранда.

— Нет, вам сделают укол, вы ничего не будете чувствовать.

— Когда?

— Завтра утром, оттягивать нет смысла.

«Может быть, есть?» — почему-то хотела возразить Миранда. Но просто встала и сказала коротко: «До свидания». Она резко открыла дверь, едва не ударив Джина, не отходившего ни на шаг.

— Что он сказал?

— Печень разрушается. Почему — неясно. Завтра будут делать биопсию.

Он обнял ее, забывая про приличия.

— По-моему, это хорошая новость. Знаешь, для выявления самого страшного биопсия не требуется, все и так видно.

— Наверное, ты прав. Нужно позвонить домой.

— Хорошо, присядь. Я пока схожу за водой, что тебе принести?

— Ничего, спасибо.

Джин отошел в сторону, чувствуя, как мелкая дрожь сводит пальцы. Он прекрасно помнил день, когда ему самому проводили эту процедуру. В один миг жизнь заполнилась бесконечными анализами, уколами, лекарствами, вечной борьбой с невидимым, но осязаемым врагом. Но ему не было так страшно, как сейчас. Теперь синеглазая девочка должна проделать опасный путь к неизвестности, а он отправится вместе с ней каждой клеточкой своей души. Слезы защемили глаза, он пытался подавить их, перебороть дыханием. Нет,

он не стыдился. Плакать в Gleneagles — разве может быть что-то более естественное? Но его лицо должно оставаться невозмутимым, чтобы стать для нее источником надежды. Он замер, закрыл глаза, поднес ладони к лицу, настраивая улыбку на волну искренности, и пошел обратно, позабыв про воду.

— Виталий, добрый день, это Миранда.

— Миранда, рад вас слышать! Как ваши дела?

— Вы не могли бы ко мне приехать? Может быть, завтра, или когда вам удобно?

— Конечно. Хотите повторить курс?

— Да.

— Боли снова усилились?

— Не то слово. Утром просто не встать с кровати.

— Сегодня часов в восемь могу быть у вас.

— Отлично. До встречи.

Виталий Серафимович ответил не задумываясь. Прошло лето, солнечные дни пронесли мимо морским вихрем, не сумев стереть узкое лицо. Ни семья, ни работа — никто не мог отвлечь его от мыслей о Миранде. В голове кружилось ее имя, лишая сна и вкуса к жизни. Все померкло, он нуждался в этой хрупкой женщине вопреки здравому смыслу.

Бледно-желтый дом стоял перед ним с молчаливым укором. Вдоль переулка одинокие деревья роняли мокрые листья. Однажды он уже бывал здесь, но теперь, когда он осознал биение собственного сердца, все казалось неизведанным. Лег-

кий загар покрывал ее кожу, оттеняя синеву глаз. Она встретила его, держа за ладошку маленькую девочку, Алекс протянул ему руку, в его глазах угадывалась тревога за жену. Миранда вновь похудела, а дотронувшись до ее рук, он ощутил пронизывающий жар.

— Когда температуру последний раз мерили?

— Вчера.

— И?

— Опять постоянно около тридцати восьми.

— А какие вообще жалобы?

— Все то же. Поясница и боль в правом подреберье.

— Вам нужно срочно сдать биохимию.

— Опять? По-моему, уже хватит!

— Я серьезно, Миранда. Нельзя заниматься спиной, не зная, что происходит в организме.

— Хорошо.

Он медленно заскользил пальцами по позвонкам, упираясь взглядом в ее затылок. Руки унавали хрупкое тело, вновь терзаемое болью.

— Вдох. Так хорошо. Теперь выдох, — произнес он, чувствуя, как у самого перехватывает дыхание.

За дверью были ее муж и ребенок, поэтому стоило запереть свою фантазию. Но линия обнаженной спины перечеркивала доводы здравого смысла. Смятение накрывало его с головой. Все вернулось, она снова была в том же состоянии, что и раньше. Он не знал, что происходит, не знал, как помочь ей. Впервые он готов был признать собственную несостоятельность как врача. Только какой в этом смысл? Здесь требовались не слова, действия. Сомнения опутали его голову, а ладони лежа-

ли теперь на пылающем лбу, он перебирал точки, нажимал круговыми движениями, наблюдая за ее сомкнутыми веками, вздрагивающими ресницами. Целовать глаза, втянуть в себя то, что никак не хочет отпустить ее... В соседней комнате раздавалась детская считалочка: «Раз, два, три! Теперь замри!» Потом звонкий детский смех. Его Настенька тоже так смеялась...

— Встаньте, — Миранда неуверенно поднялась со стула. — Сейчас как самочувствие?

— Голова меньше болит.

— А поясница?

— Так же.

— Понятно. В следующий раз продолжим. Завтра сможете сдать кровь?

— Да.

На секунду Миранда замерла перед ним, ода-ривая немигающим взглядом, затем резко открыла дверь комнаты и окликнула дочку. Он ощутил удар в солнечное сплетение. Еще немного, и он снова увидит ее...

Его рассудок стал похож на старую мозаику, некоторые части которой были безвозвратно утеряны. Кровать превратилась во вселенную, наполненную демонами. Иногда к нему прилетало тепло, дотрагиваясь до пересохших губ, и он с нежностью произносил: «Варя...» Бывшая жена внимательно вслушивалась в собственное имя, ничего не отвечая. Сил больше не осталось, она превратилась в сиделку, служанку. А собственные колени отказывались слушаться. К ней приезжали дочь и внук. Они привозили продукты, лекарства и исчезали, остав-

ляя ее в темноте. Она задышалась в комнате рядом с тяжелобольным, поэтому последнее время спала на полу на кухне, с тоской вспоминая их прежний дом. Прошло уже несколько месяцев с того дня, как она решила поместить Эдика в «пансионат», другое название этого заведения она предпочитала не произносить. Он знал, не перечил и, казалось, даже хотел этого. Нет, она не собиралась бросать его в первую попавшуюся богадельню, а тщательно искала место, где ему смогут обеспечивать полноценный уход.

— Не надо, бабушка, — часто говорил Митя.

— А что мне остается? — с горечью отвечала Варвара Никитична.

Семья предпочитала не обсуждать это. Вероника по-прежнему ждала от отца хотя бы одно теплое слово или взгляд, лишь бы понять, что он знает о ее существовании, но тщетно.

— Мама, это единственный выход, — говорила она, предчувствуя приступ астмы.

А Миранда молчала. Она ощущала противное покалывание на коже от одной мысли, что ее дедушка будет в доме для престарелых. Алекс сторонился разговора об этом, как чего-то уродливого, способного бросить тень на них. Оставалось только гнетущее чувство, давящее со всех сторон.

Стояла поздняя осень, выпал первый снег. Все бумаги были подписаны. В шесть утра они сели в такси и тронулись в путь. Дедушка наклонил голову, от слабости все кружилось вокруг: колкий снег, черная земля, листья, сжатые коркой льда, и огни проезжающих машин. Когда-то автомобили были его слабостью, перед ним вдруг всплыл запах

масла под капотом, его вязкая текстура. Он любил быструю езду, любил касаться рычага переключения скоростей, а теперь они застряли в пробке, слушая монотонный гул, тонущий в грязи.

Дома, если этим словом вообще можно назвать клетку, заваленную старыми вещами и лекарствами, Варваре Никитичне все показалось еще более угнетающим, чем обычно. Впервые за долгое время она могла находиться в комнате, включить телевизор или открыть книгу, не опасаясь стонов или криков в свой адрес. Но ни одно из этих действий не было привлекательным. Кот сидел на подоконнике, она окликнула его, словно друга. Полосатый не обладал добротой исчезнувшего Черныша, зато у него был здоровый аппетит, не сломленный жизненными неурядицами. Варвара Никитична достала из холодильника увесистый кусок мяса и, разрезав на мелкие кусочки, положила в пластмассовую миску. Раздалось дребезжание звонка.

— Мама, ну как ты?

— Устала совсем, так долго ехали.

— А что отец?

— Вроде ничего, лег сразу спать. Я тоже жутко хочу спать, позвоню позже.

— Хорошо, отдыхай.

Она положила трубку. Затем медленно опустилась на перину, расстеленную здесь же, на кухне, и укрылась одеялом. Мгновенно она провалилась в сон, иногда прерываемый стонами, которых не было.

13

— Как всегда? — Джин кивнул в сторону Бара писателей.

— Да.

Он обхватил ее за талию, увлекая в сторону.

— Задержись здесь ненадолго. Видишь, этот шкаф. Там стоят произведения писателей, которые когда-либо бывали в отеле. Вон там Киплинг и Сомерсет Моэм. Думаю, нужно поставить сюда твой роман.

Миранда обвела взглядом книжные полки из красного дерева.

— Ты же даже не читал его.

— Я обязательно прочту. Овладею твоим языком и прочту. Почему ты улыбаешься?

— Мне кажется, его быстрее переведут, чем ты выучишь русский.

— Это мы еще посмотрим!

Они сели за полюбившийся круглый столик у окна. Струи ползли по стеклу, а магнолия растеряла почти все свои лепестки. Официант принес меню, предложил аперитив, от которого они, как обычно, отказались. Внезапно Миранда привстала и, обвивая шею Джина тонкими руками, коснулась его рта долгим поцелуем.

— Я... — он сжал ее пальцы.

— Это тебе на память.

— Не смей так говорить! — он вновь приблизился к ее лицу, сомкнув веки, проваливаясь в блаженство. Неужели правда, чтобы взлететь, нужно стоять на краю пропасти?

— Ты давно не рассказывал.

— Я увлечен другой историей.

— Надеюсь, она менее болезненна?

— Не уверен.

— Все-таки я хочу узнать финал. Ведь он произошел в Раффлз совсем недавно?

— Почему не сказала, что видела?

— Может, я не хотела видеть?

— Тогда слушай, — он бережно дотронулся губами до ее ладони. — Наши нелепые тайные встречи с Чин Тан продолжались. Нелепые, потому что украдкой вырывать лоскутки счастья теперь казалось мне унижительным. Каждый раз, когда она опускала глаза, боясь напороться на взгляд знакомых, меня будто хлестали тонкой плетью. Я пытался говорить

с ее отцом, но он был непреклонен, меня выкидывали за дверь, как бездомную собаку. Чин Тан жаждала меня видеть, но все больше мне казалось, что при этом она не слишком осуждает отца. Это было выше моего понимания. Дома тоже вокруг меня висело тяжелое облако недоверия. Родители спрашивали о моей работе, о планах, брат с презрением отводил глаза. Джасмин стала моим единственным спасением. Ее сердце было понимающим и открытым. Я часами рассказывал ей о своей любви, находя в ее доверчивых глазах утешение. Она знала о каждом предстоящем свидании, обо всем. Она оставалась внимательным собеседником, даже когда заболела и лежала с температурой.

Той ночью мы должны были встретиться с Чин Тан на мосту Двойной красоты, пролегающем между японским и китайским садами. Стояли постоянные дожди, поэтому я пытался уговорить ее выбрать более подходящее место, но она сказала, что это очень романтично. Ее отец уехал из города, что давало ей шанс незаметно ускользнуть из дома. В одиннадцать вечера, когда все легли спать, я потихоньку вылез в окно, захватив дождевик, неспособный укрыть от косых капель. Ночь стонала протяжным ветром, а я бежал к ней, скользя по мокрому асфальту. Тоненькая, как тростинка, Чин Тан ждала меня под огромным зонтом, обсыпанным узором из синих бабочек. Я подбежал к ней, вновь надеясь уговорить ее тайно обручиться. Ее губы были мокрыми и солеными, влажные волосы прилипали к моим щекам. Крылья трепетали под натиском дождя. «Чин-Тан, Чин-Тан» барабанили капли по крошечной крыше нашего единственного дома. Как всегда, я забыл обо всем, пропадая в сладковатом запахе, обвивавшем ее тон-

кую шею. Внезапно я увидел на мосту фигуру. Это была девочка, ее знакомый образ постепенно проявлялся перед моими глазами. «Джин!» — кричала моя сестренка, а ветер в клочья разрывал ее слова. Схватив за руку Чин Тан, я бросился ей навстречу.

— Джасмин, что случилось?! У тебя же температура, зачем ты вышла из дома?

— К нам приходил ее отец, — произнесла она, задыхаясь.

— Он вернулся! — не помня себя от ужаса, Чин Тан закрыла лицо руками.

— Вас ищут. Джин, он сказал, что когда найдет тебя, разорвет на части.

Я обнял сестренку. Ее лоб пылал. Это волновало меня намного больше, чем угрозы несостоявшегося тестя.

— Тебе срочно нужно домой. — Я обнял Джасмин. — Ты пойдешь с нами, Чин Тан, и там и останешься.

Она посмотрела на меня с укором.

— Конечно, нет!

— Что ты говоришь? Ты собираешься вернуться после всех этих угроз?

— Джин, пойми.

Я не понимал. Мне хотелось заплакать от безысходности. Я держал пылающую руку сестренки и не знал, за что судьба посылает мне такие острые удары из уст любимой девушки.

— Я не отпущу тебя одну.

— Ничего страшного, доберусь.

Вокруг были темнота, влага, шорохи. Моя принцесса не могла одна отправиться сквозь эту мглу. Я держал зонтик, а они мои руки. Мы с сестрой

пошли провожать Чин Тан. Она исчезла за своей прекрасной широкой дверью, не оглядываясь, не задумываясь ни на секунду. А мы отправились в свой квартал, где по земле текли ручьи из специй, шкурок и прогнившей кокосовой скорлупы. Джасмин шла, тяжело дыша, ее лоб был весь в огне. Когда до дома оставалось совсем чуть-чуть, она упала в обморок. Я подхватил ее на руки и бросился бежать.

— Мама! — завопил я с порога.

Врач пришел через час. Он осмотрел Джасмин, которая уже пришла в себя, но от слабости не могла пошевелить рукой. «У девочки воспаление легких, и, похоже, начались осложнения», — спокойно прокомментировал он. Я не отходил от постели сестры всю ночь, потом весь день. Ей становилось все хуже, несмотря на прописанные лекарства. Спустя три дня Джасмин увезли в больницу. А еще через четыре она умерла.

Джин умолк. Он пытался справиться с эмоциями, ловя в стекле блики падающих лепестков. Миранда тихо погладила его сжатую ладонь.

— За все это время Чин Тан ни разу не объявилась. Она пришла спустя два дня после похорон.

— Мне жаль, Джин, — все, что смогла она мне сказать.

— Мне тоже. — Единственный ответ, который я смог найти в своей разоренной душе.

Больше мы не виделись. Вскоре я узнал о ее предстоящей свадьбе с тем, кто дарил ей лиловые орхидеи. А чуть позже я отправился в Шанхай к своему троюродному дяде, обещавшему мне подыскать работу. Я трудился как каторжный, поступил в университет. Каждый месяц я посылал деньги родным,

мечтая о том дне, когда смогу их забрать. Прошел не один год, но я сумел осуществить задуманное — родители и даже брат были рядом, я мог содержать их. Но каждый раз, когда я смотрел на них (в их лицах не было укора, они держали горе в себе, благодаря судьбу, что она оставила им сыновей), продолжал видеть лицо моей маленькой мечтательной сестренки.

Я больше не отвечала на звонки, а, встречая его в Останкино, быстро отворачивалась и убегала. Поэтому очень скоро потеряла работу. Меня это не волновало. А расставание с ним каждую секунду причиняло боль. Я прокручивала в голове моменты нашей близости, физически ощущая его прикосновения. Его голос звенел во мне, словно кто-то бил в огромный колокол. Я часто представляла, что встречу его где-нибудь на улице или в кафе. Он остановится, одаривая меня пристальным взглядом, тело не подчинится приказу рассудка, и я брошусь к нему. Шепот будет сливаться с поцелуями, и мы, наконец, отправимся к океану, как хотели, плавая в шелковых простынях. Может, в Мексику? Или лучше в Буэнос-Айрес, где я буду обращаться к нему: «Как дела, Че?» В машине я теперь слушала джаз, боясь наткнуться на знакомый низкий голос.

Но преследовали меня и другие видения. Они были не столь нежными, впивались мне в живот, щипали глаза. Передо мной была Тамара, с растрепанными волосами, она тихо напевала тонким голосом. Такой я видела ее последний раз. Обнаружив мою связь с Виктором, она перестала ходить не только на его занятия, но вообще в институт. Ее мобильный был недоступен, телефон не отвечал. Я пыталась

попасть к ней домой, но дверь никто не открыл ни в понедельник, ни в среду, ни в любой другой день. Она растворилась, заставляя меня вскакивать по ночам от звуков фортепьяно. Я хотела встретиться с ней, чтобы объясниться. Но не только это. Мне не хватало ее. Я с трудом могла признаться себе, но это была правда. Ее бредни, песенки, постукивание ловких пальцев по столу, нелепые украшения и прозрачные глаза — все это поднималось со дна моей души, пробуждая неясную тоску, набрасывая пелену тумана на привычный мир.

Я нашла ее в доме матери. Дни напролет она проводила в своей детской комнате. Тамара играла, но музыку слышала лишь она сама, так как пианино было воображаемым, впрочем, как и собеседники.

— Здравствуй.

Она смотрела на меня невидящим взглядом.

— Тамара, прости меня. Ты ведь понимаешь, что я говорю? Это было ошибкой с самого начала. Скажи что-нибудь!.. — Напрасно я пыталась расшевелить ее. Она пребывала в своем мире, куда не долетал мой голос.

— Раньше или позже это должно было случиться, — спокойно сказала ее мать. — Ее отец был болен, и в детстве у нее уже протекали кризисы, а потом она возвращалась. Но я знала, что когда-нибудь ее потеряю.

А я не знала. Даже не могла представить, чем обернется моя злая шутка. Ноты переливались в моей голове, глаза видели ее длинные пальцы. Я ушла, пообещав приходить каждую неделю. «Все пройдет», — успокаивала я себя. Мне хотелось рас-

сказать обо всем Виктору, найти успокоение, уткнувшись в его плечо. Только это было невозможно. Приблизившись к нему, я снова оказалась бы в той комнате, где она смотрит немигающим взглядом, словно выстрел в упор пронзил ее сердце.

— Вот, — Миранда положила на стол кипу бумаг, ее биохимия была готова. Виталий Серафимович, который обычно стоял в ее присутствии, опустился на стул и начал обводить цифры сосредоточенным взглядом. Его брови как-то задергались, он просмотрел все параметры до конца и вернулся к первому листку.

— Миранда, анализы плохие, нужно принимать меры.

— Насколько плохие?

— Достаточно, — пытаюсь скрыть тревогу, он отвел глаза. Но она уже успела уловить ее, ощутить на своей коже. — Я поговорю еще с одним профессором и сам вас отведу к нему.

— Хорошо, — она вышла из комнаты раздавленная этой новостью. За окном зима. Все сначала.

Алекс долго беседовал с ним, прежде чем Виталий Серафимович оказался в плену промозглого вечера. Он сел в машину, снедаемый тоской, и достал из бардачка книгу — «Мокрые деревья». На обратной стороне была ее фотография. Удивительно, как смог этот снимок поймать неуловимый взгляд, присущий ей. Недосказанность, обещание были в ее глазах. Роман путешествовал с ним по улицам Москвы, словно держать его дома было преступлением. Однажды Наташа видела книгу. «Ничего себе, какая красавица!» — сказала она. И добавила: «На-

деюсь, ты не слишком часто с ней встречаешься?» С тех пор они виделись каждый день — с романом. Он хранил его как частицу нее, которая тоже умела причинять боль.

Через пару дней они были у профессора. Но тот никак не прояснил ситуацию. Лишь развел руками, жалуясь на низкое качество оборудования.

— Алекс хочет, чтобы я обследовалась не в России, — сказала Миранда, когда они шли по больничному коридору.

— Думаю, это правильное решение. Медицина там находится на другом уровне.

— Тогда буду искать клинику.

— Только сообщите, когда что-нибудь решите.

Миранда часами сидела перед компьютером, набирая в «Яндексе» слово «печень». Она читала информацию о лечении за границей, внутренне не веря, что оставит дом и поедет в неизвестность. Постепенно ситуация прояснялась. Она обратилась в международную организацию, которая подбирала наилучший вариант для представленной проблемы. Ей предложили два места — Германию и Сингапур.

— Конечно, надо ехать в Германию, а не черт знает куда! — заявил Алекс.

Но вскоре выяснилось, что виза будет готовиться слишком долго, почти месяц. Ожидание сводило с ума, усугубляя страхи.

— Поговори с Виталием Серафимовичем, — пытался Алекс унять дрожь в голосе. — Он все-таки врач!

Миранда набрала хорошо знакомый номер, прислоняясь к холодной стене.

— Виталий, я хочу с вами посоветоваться.
 — Я слушаю.
 — Мне предложили два варианта — Германия и Сингапур. Что выбрать?
 — Германия. Однозначно.
 — Почему?
 — Во-первых, это близко. И там очень хороший уровень.
 — Но туда я раньше чем через месяц не попаду, очень долго оформлять визу.
 — Месяц?! Нет, это не годится.
 — Так что?
 — Я должен подумать. Я перезвоню. Сейчас еще спрашиваю у знакомых и перезвоню.
 Миранда не могла найти себе места. Она играла с Сонечкой. При виде маленького доверчивого личика, сердце еще больше сжималось, предвкушая расстояние, сотни километров, которые оторвут ее от маленького сокровища, от дорогого и любимого, чье тепло она чувствует, просыпаясь. Сонечка... Алекс... Меньше чем через час раздался звонок.
 — Все-таки Сингапур.
 — Почему?
 — Это быстро. А качество исследований там очень высокое.
 — Вы знаете что-нибудь конкретное?
 — Только то, что там все самое лучшее. Поезжайте, Миранда, не стоит тянуть.
 — Хорошо.
 В первый раз она ощутила себя песчинкой, которую утягивала за собой зыбучая масса. Дочка смялась, подбрасывая медвежонка. За окном шел снег. А впереди — дорога в неизвестность.

14

Они вошли в номер. Стекло царапал ветер, казалось, он вот-вот ворвется вместе с вихрем мокрой листвы. Комната, как всегда, была пустынной, одинокой. Джин, не спрашивая разрешения, последовал за Мирандой, потому что знал, что ночь для нее будет нестерпимо тоскливой. Все эти бесконечные нашептывания и стоны за окном смешаются с мыслями, разрывая голову. Он не мог оставить ее и не мог с ней расстаться, впитывая каждую черту и выразительные взгляды.

— Держи, — Миранда протянула ему две книги. — Возьми обе, если хочешь.

— Хочу. — Он внимательно рассмотрел обложку в рыжеватых тонах. На ней был изображен фрагмент картины: размытые деревья, склоняющиеся под натиском бури. Джин бережно открыл книгу, вдыхая аромат хрустящих страниц.

— Почему ты не любишь ее?

— Она меня мучает.

— То, что здесь написано, правда?

— Да. Я потратила много времени, чтобы забыть. Встретила Алекса, мы поженились, появилась наша малышка. И вдруг, словно прорвало плотину, из глубины сознания начали бить потоки воспоминаний, лишая меня сна. Я жалею, что написала ее, и особенно, что принесла ее существу, порхающему в своей реальности. Я разрушила все — дважды. Нет, намного больше... Но несмотря на это, остается тепло, понимаешь? Когда, наконец, закончится этот дождь! — Миранда подбежала к окну, распахнула его, впуская влажную темноту. Капли, как непрошенные слезы, окутали ее лицо. Шторы взметнулись, разделяя ее с Джинном. Он ловил их руками, преодолевая долгий путь пробудившихся страхов.

— Ну, все, все... — он коснулся вздрагивающих плеч. Наощупь, закрыв глаза, отыскал ее губы.

— Это была она? Из сотни клиник в мире ты выбрал именно эту, чтобы увидеть Чин Тан?

— Может быть, не знаю.

Миранда отстранилась.

— Тогда почему ты не с ней? Я видела, как она смотрела на тебя, потягивая свое кровавое вино.

— Я больше не хочу.

— Ты всю жизнь мечтал об этой женщине, теперь она готова прийти, а ты говоришь «нет»?

— Именно так.

— Джин, у тебя рак! Пожалуй, лучше воспользоваться последним шансом на счастье?

— Думаешь, последним?

— Извини, я не хотела...

Порыв ветра захлопнул окно, эхо его удара разлетелось по номеру. Вслед за ним замерла тишина.

— Я люблю тебя

Миранда не сразу осознала смысл фразы, произнесенной им. Она повернулась, всматриваясь в сосредоточенное лицо.

— Я люблю тебя. — И вновь его слова были подобны чуду.

— Джин...

— Завтра тебе сделают биопсию. Она покажет, что ничего страшного нет. Ты уедешь домой, к своей семье, и все будет прекрасно. Я знаю. Я уверен. Но ты подарила мне счастье, перечеркивающее всю боль последних месяцев. Ты должна знать об этом. Только пусть тебя это не мучает, если вдруг решишь написать еще один роман. Обо мне.

— Дедушка в больнице.

— Что случилось?

— Инфаркт головного мозга.

— Я не понимаю...

— Такое бывает. Я сама в первый раз слышу.

— Как он?

— Без сознания. Но сейчас уже не в реанимации.

— А бабушка?

— Переживает. Теперь обвиняет себя, что отдала его.

— Я поеду в больницу.

— Не знаю, Миранда. Лучше не стоит, слишком тяжело. Ты ведь его давно не видела, не представляешь, как он изменился.

— Я приеду.

Машина рассекала грязный снег. Миранде не верилось в случившееся, ей всегда казалось, что дедушка неуязвим, а теперь — без сознания... Она встретила с мамой и братом у ржавых ворот больницы. Серая изморось колола щеки. Миранда надела бахилы, а пальто держала в руках, не желая соприкоснуться с грязью, частица которой царила в гардеробе. Они повернули к лестнице. С каждой новой ступенькой Миранда острее ощущала тяжесть в сердце и дикий ужас — непонятно перед чем. Ее пугало и то, что они давно не виделись, и что уже слишком поздно. Шаркающие полиэтиленовые шаги сверлили душу, отбирая последние лучи детства. Бабушка уехала домой, чтобы немного отдохнуть, рядом с ним была только сиделка. Все палаты были переполнены, получить там место не смогли ни за какие деньги, поэтому дедушка вместе с остальными недавно поступившими пациентами лежал в коридоре.

— Вот там, в конце, — сказал Митя, уже успевший побывать здесь.

Миранда невольно замедлила шаг. Они приближались, зрачки расширились, но среди лежа-

щих на кроватях, она никак не могла различить знакомое лицо. Лишь когда брат остановился около исхудавшей крошечной фигуры старика, прикрытой белым одеялом, она поняла, что это ее дедушка. Молния разорвала привычную жизнь. Невозможно. Просто невозможно. Он тяжело дышал, веки его вздрагивали. Вены на руке вздулись от бесконечных капельниц.

— Дедушка... — прошептала про себя Миранда. Произнеси она вслух хотя бы слово, плач вырвался бы из груди.

Они поговорили с сиделкой, потом с врачом, не давшим четких прогнозов. Сходили в аптеку за лекарствами, снова вернулись. Все втроем они стояли у кровати больного и молчали, каждый хотел сказать что-то свое, но было слишком больно. Уходя, Миранда коротко обернулась, ища глазами сморщенное лицо со впавшими щеками.

«Прощай, дедушка», — прошептала она про себя.

Они вышли сквозь скрипящую калитку, снаружи была жизнь: прохожие, трамваи, суета.

— Мы тебя проводим до машины, — сказала мама.

— Ты с Митей поедешь?

— Да, я с работы отпросился. А ты где стоишь-то?

— Вроде там. — Миранда посмотрела вперед, не находя глазами то, что искала. — Что-то я не вижу...

— Угнали... — вздохнул брат. И через секунду добавил: — Да вон, за грузовиком.

Все улыбнулись. Как в детстве.

По дороге домой Миранда плакала. Она стучала рукой по рулю, не переставая повторять: «Что за жизнь?! Ну что за жизнь?!»

Утром она бросилась к телефону, ожидая самых худших новостей, но бабушка сказала, что все по-прежнему. Это было странно, потому что ночью к ней пришло чувство утраты и прочно осело в душе. Она вышла ненадолго из дома, оставив Сонечку со свекровью, когда раздался звонок.

— Все. Умер, — голос мамы дрожал.

Огромный взрыв пронесся по каждой клеточке. Пришли слезы, и им не было конца. Два года она могла видеть его, могла говорить с ним. Теперь — никогда.

День похорон был окутан необыкновенным снегопадом. Белые вихри вальсом облетали землю. Миранда обняла бабушку, зная, что больше ни одного дня не проведет без разговора с ней, что будет ценить каждую минуту. «Эдик...» — шептала Варвара Никитична, целуя мужа в безмятежный лоб. Цветы, крест и снег сплелись в прощании.

— Мирик, вы, когда ехали за автобусом, включали радио или какую-нибудь музыку? — после спросил Митя.

— Нет, не могла ничего слушать.

— Знаешь, а я врубил на всю катушку...

Варвара Никитична забрала все личные вещи мужа из «пансионата», где он пробыл меньше недели. Там были свитера, мобильный и записная книжка. На маленькой мятой странице неровным почерком было написано три слова: «Митя Варя Когда».

— Алекс, мне приснился странный сон.

— Забудь, все это ерунда.

— Я хочу рассказать тебе.

— Не стоит.

— Ладно...

Муж всегда сторонился, прятался от ее сновидений, как от чего-то могучего, неподвластного ему. Миранда прекрасно знала об этом, просто картина была такой четкой, а отъезд — близким. Она снова видела дедушку, в этом не было ничего необычного, ее часто мучили подобные встречи, когда она проваливалась в темноте. Но в этот раз все предстало по-другому. Дедушка пришел к ней спокойный, умиротворенный, высокий и подтянутый, как раньше. На нем был синий костюм. Они молчали, но между ними не ощущалось никаких разногласий. Вместе они вошли в здание аэропорта, потом сели в самолет, вылетающий в Сингапур...

— Ты будешь скучать?

— Я уже безумно скучаю.

Алекс сжал Миранду в объятиях, с трудом сдерживая слезы. Сонечка подбежала к ним, замыкая круг любви.

— Ладно, вы не грустите. Мама скоро вернется.

За окном продолжали стонать ветви магнолии, с листьев струились крупные капли, сожалея о потерянных лепестках. Кожа Джина была охвачена пламенем, и теперь оно перетекло в ее тело. Каждое его прикосновение было подобно свету, неожиданно прорвавшемуся сквозь чернильные тучи.

Миранда глубоко вздыхала, освобождаясь от печалей, воспоминаний и лишних слов. Руками, ногами, волосами она обвивала его, сливаясь с ним в боли и блаженстве. Они пытались утолить жажду, но соль вновь щипала горло, побуждая к новым поцелуям. Их ничто не могло остановить, кроме неясной бледной полосы рассвета под трепыхавшейся завесой дождя.

— Не оторваться от тебя, — прошептал Джин.

— И не надо, — теснее она прижалась к нему. — Не будем сегодня выходить.

— Миранда...

— Я не пойду.

Он провел пальцем по приоткрытым губам.

— Не бойся. Я с тобой.

Ее волосы были взъерошены, губы припухли от тысячи ласк. Черное шелковое платье каждую секунду норовило соскользнуть с разгоряченного тела. Они вошли в больницу, мгновенно попадая в ледяную ловушку кондиционера. Как всегда, их ждала Ольга с невозмутимым выражением лица.

— Вам нужно подписать несколько бумаг.

— Что это?

— Согласие на процедуру.

Миранда быстро черкнула ручкой и вернула Джину свою ладонь. Вскоре пришла медсестра.

— Я буду ждать тебя, — Джин крепко сжал ее запястье.

— Хорошо, — их взгляды соприкоснулись, разрываясь внутри фейерверком тепла.

Миранду отвели в комнату, где она надела просторную рубашку из хлопка в голубую полоску

и халат. Затем вернулась медсестра, и они направились в операционную. Датчики, мониторы... «Пожалуйста, ложитесь...» Миранда выбежала и бросилась обратно.

— Джин!

— Что случилось?!

— Ночью я забыла сказать тебе... Это не просто... Я люблю тебя.

И она исчезла за широкой белой дверью.

Ей измерили давление, пульс. Установили капельницу. Голубоватые лампы стрекотали над головой. И когда лекарство вот-вот должно было соприкоснуться с кровью, Миранда улыбнулась. Она подумала, как прекрасна ее жизнь, и все события, которые были в ней, предстали одной неразрывной белой полосой света.

Мягкий шорох разливался вокруг. Недавно прошел дождь, и теперь свежесть поднималась над густой листвой. Вокруг больницы было пустынно и тихо. Выходившие из ее дверей говорили шепотом, будто боялись разбудить призраков. На окнах нависли тяжелые решетки. «Из-за них Тамара не может видеть небо», — мелькнуло у меня в голове. Я прошла сквозь огромный коридор и замерла возле двери ее палаты.

Она сидела на кровати. Как всегда, что-то наигрывала на воображаемом инструменте. Кудри разметались. Я вновь услышала ее игру на концерте в Гнесинке, увидела ее в вечернем платье, с выглядывающей розовой лямкой на хрупком плече.

— Тамара... — погладила я ее по голове, не слишком надеясь на ответ. Но на долю секунды она посмотрела мне в глаза. В ее взгляде сквозили обида, укор и обожание. Надежда и боль взметнулись во мне, а она вновь была далеко. Я начала трясти ее, умолять, смеясь и плача. Симфония разделила нас. Неведомая, но, уверена, самая чудесная из возможных на земле.

Теплый ветер набросил шаль мне на плечи. Я уходила, оставляя колкие шаги на асфальте. И когда больница была далеко позади, я все еще продолжала слышать этот звук.

Где-то вдали шумели, шелестели мокрые деревья... Где-то, в ее детстве...

Виталий Серафимович сидел в кресле у камина, вслушиваясь в мирное стрекотание поленьев. Настенька разглядывала рождественские игрушки, Наташа листала журнал. Безмятежный день близился к концу, последние лучи лились сквозь французские окна. Китаец был неподалеку, занятый чтением. Виталий Серафимович искоса поглядывал на него, уже привыкший вести молчаливое наблюдение.

— Пойдем в номер переодеться к ужину? — спросила Наташа.

— Да, конечно, — ответил он рассеянно.

Китаец тоже встал, направляясь к лифту. Из его книги выпал листок, кажется, фотография. Виталий Серафимович бросился, чтобы поднять. Он дотронулся до матовой бумаги, чувствуя, что летит в пропасть. На фоне водопада белых цветов замер-

ли две обнявшиеся фигуры — китаец и его Миранда. Ее лицо было бледным, измученным и влюбленным... Он не мог пошевелинуться.

— Благодарю, — раздалось слово с жутким акцентом.

— Очень красивая девушка... — прошептал он осипшим голосом.

— Это не девушка. Она — фея, исцелившая меня...

Смуглое воплощение адского города выхватило у него из рук ее последнюю частицу.

Когда Джин захлопнул за собой дверь, его губы коснулись снимка, а влага — лица. Он погладил книгу, обложка которой уже немного потрепалась. Он иногда жалел о втором экземпляре, который в компании Киплинга и Мозма остался в шкафу из красного дерева. Джин раздернул шторы. Над озером разливался пурпурный вечер, объятый свежестью. А в теле была необыкновенная легкость, заставляющая тосковать о боли, он продолжал видеть лицо на фоне осыпающихся магнолий...

Он бежал не оглядываясь, хватаясь за кусты, натываясь на деревья. Два года, а все происходит каждую секунду. Сотню раз он прокручивал в голове их последний разговор. Зачем он сказал, чтобы она ехала в эту душливую страну? Все могло быть совсем иначе... Он продолжал желать ее, продолжал ненавидеть ее роман, раскрывающий перед ним грани ее чувственности... И все это время его не покидало вязкое ощущение, что было что-то еще,

из-за чего она ни разу не позвонила ему... И вот теперь в окружении Альп он вновь столкнулся с ее лицом.

Вода была уже близко. Дыхание разрывало грудь. Густой туман резал глаза, заставляя видеть поворот ее головы, улыбку, лопатки, сведенные, будто крылья. Он сбросил обувь, сел на мокрую траву, опуская ноги в ледяную воду. Глубокое дремлющее озеро, он готов был провалиться в него, как когда-то в синеву ее глаз. Наконец пришли они — слезы. Они скользили по щекам, проносились вместе с видениями. Вокруг стрекотала тишина. Холод полз по ступням, усмиряя пульс. Над гладью воды пронеслась птица.

Миранда... Она снова была с ним, возрождаясь тысячу раз в его сердце...

Рассказы

Пианино будет играть

В то лето постоянно шли дожди. Сырость поднималась над улицами удушливым паром. Влага проникала в щели домов и окутывала неясной дрожью. Тяжело было дышать и еще труднее думать.

Вероника, как всегда, быстро забежала в подъезд, встряхнула волосами, пытаясь сбросить липкие капли. Что-то темное мелькнуло под широкой лестницей. Послышалось легкое шуршание, затем тихое «мяу». «А, это ты...» — произнесла она шепотом и ступила на потертые ступеньки. Вероника поднялась на третий этаж, остановилась около

двери, находившейся по левую сторону маленького коридора, и тихо постучала. Ждать не пришлось — скрип послышался немедленно.

— У тебя есть ключ. Прости, что снова напоминаю.

— Да, но мне по-прежнему кажется, что встречать меня — для тебя огромная радость.

Она была уже внутри. А ее мокрый плащ — в руках высокого мужчины в небрежно расстегнутой рубашке.

— Как дела? Практика проходит успешно?

— Она проходит...

Новая волна дождя ударила о хлипкое окно. Квадратная комната, заставленная потертой, старинной мебелью, наполнилась темнотой.

— Я скучал по тебе, — слова растворились в звуках музыки, неожиданно проникших в квартиру.

— Снова это пианино... — обронила она, когда уверенная рука привычным жестом расстегнула молнию лилового платья. Атласная ткань упала на колючий паркет. Все происходило медленно. Каждое движение было неизбежным и законченным. Они входили в лабиринт среди дождя не один раз, не пытаясь найти разгадку, а наслаждаясь путешествием. Вероника тихо вздыхала. Ее ладонь скользила по крепкой спине. Веки были прикрыты, будто в полудреме.

— Вероника... Ника... Арника... Есть такое растение?

— Сам мне скажи.

— Нет, это ты у нас студентка. Практикантка.

— Все-таки у твоих сорока лет больше опыта. Извини, сорока трех.

Сквозь пелену дождя полились новые аккорды.

— Тише. Слышишь, этот дом дарит нам музыку.

С губ больше не срывались слова, только вздохи. Протяжный ветер проникал сквозь оконные щели и щекотал кожу.

— Закажем, как обычно?

— Да, у тебя же обеденный перерыв.

Из китайского ресторана «Желтый дракон» им принесли две курицы «хуан цзинь» и яблоки в карамели на десерт. Они ели палочками из пластиковой посуды, не вставая с кровати. Острый желтый рис щипал губы, заставляя прерываться на жадные глотки холодной воды. Затем карамель медленно растекалась во рту.

— Я хочу спать.

— Оставайся и спи.

— Не могу. Это не входит в программу.

— Знаю, знаю... Ты спишь только в присутствии своего идеального мужчины.

Когда они выходили из дома, ее волосы были вновь аккуратно уложены, на нем безупречно сидел черный пиджак. Их последней совместной останковкой была маленькая кофейня на углу. Молча они сидели за крошечным круглым столиком и пили кофе с коньяком. Еще несколько недель назад это был эспрессо. Но недавно они попали под безжалостный поток воды, озябшей коже требовалось

что-то теплое. Так у них появилась новая традиция. Они не задавали друг другу больше вопросов, не шутили. Как только в чашке проглядывало белое дно, они выходили на улицу, и каждый шел в свою сторону.

«Пока, Лав», — бросила она на прощание.

Когда Лаврентий Георгиевич вернулся в свой кабинет за кожаный черный стол, заваленный документами, в его голове все еще бродили эти слова. В них не было ничего особенного, только интонация. Каждый раз она была новой. Сначала дразнящей, зовущей, насмешливой. Сегодня поменялась тональность. И в ней появилась тоска, а может — безразличие. И то и другое могло стать признаками близкого расставания. Которого он не хотел. На несколько секунд его веки сомкнулись, перед глазами возникла ее маленькая хрупкая фигурка, волосы цвета ореха и прозрачные светло-карие глаза с яркой черной изогнутой линией, делавшей ее похожей на японку... Звонок прервал его негу.

— Привет, не могла тебе дозвониться.

— Я обедал. Мобильный отключил, чтобы спокойно поесть.

— Скажи, мы когда-нибудь поедем отдыхать?

— Ты из-за этого меня разыскивала?

— Я устала от этой жуткой сырости. Просто абсурд какой-то, мой муж директор турфирмы, а отдыхаем мы реже любого твоего менеджера.

— Свет, давай дома поговорим, мне сейчас некогда. Поедем мы. Скоро. Обещаю.

Он положил трубку и подошел к окну вдохнуть глоток отвратительной влажно-удушливой погоды.

Она швырнула мокрый зонт в угол комнаты, спицы коротко звякнули.

— Мне раздеваться?

— Я не понимаю вопроса.

— Мне раздеваться? Мы ведь здесь для этого!

Одним резким движением она сбросила с себя короткий приталенный черный плащ. Слегка повела плечами и запрокинула голову, позволяя непослушным волосам скользить по коже. Лаврентий поднял ткань, безвольно лежащую на полу, и швырнул ей обратно.

— Уходи. Тебя никто не держит.

— Ладно, — прошептала Вероника, еле сдерживая ярость. Медленно она застегнула пуговицы и подошла к комоду из красного дерева, чтобы взять свою сумочку.

— На свадьбу только не забудь пригласить, все-таки не чужие. Или об этом еще рано?

По бледным губам проплыла улыбка. Беспощадно вонзаясь шпильками в подгнившее дерево, она подошла к Лаврентию. Ее тело вздрогнуло, словно от сильной судороги, а его лицо искривилось от пощечины, глубокой, как свинцовые тучи за хлипким окном. Он хотел ударить ее, хотел выставить вон. Но звуки музыки вновь проникли в комнату.

— Она правда вдова того самого пианиста?

— Да.

— И как она выглядит?

— Выглядит? — он усмехнулся. — Она уже почти не выглядит — маленькая сморщенная старушка с прозрачной сединой. В доме, который вот-вот рухнет.

— Мы тоже в этом доме.

— Да. Но мы можем уйти. По крайней мере, я на это надеюсь, — последние слова он произносил, прижимаясь губами к ее надушенному затылку.

— Закажем, как обычно?

Она чувствовала во рту горьковатый вкус кофе, чувствовала, как ноет в груди. На ней было маленькое черное платье, идеально облегающее фигуру. Лицо светилось от искусно наложенного макияжа. У его друга день рождения, поэтому она должна быть веселой, остроумной. Словом, такой, как ему нравится. Вся жизнь за последние два года подчинилась этому закону. Утром — пораньше встать и привести себя в порядок, чтобы заварить ему чай и подать вместе с собственной свежестью. Вечером сходить на шейпинг, который помогает ее бедрам быть в форме. И, конечно, не забывать про голову. Потому что, если постоянно не стремиться к новой вершине, он поднимется туда без нее. Гонка двадцать четыре часа. В ее личном распоряжении был только обеденный перерыв. Тогда она могла ругаться, швырять вещи, плакать и есть эту жуткую липкую еду, забывая о калориях.

— Ты что, загрустила? — высокий, смуглый, он протянул Веронике бокал шампанского.

— Нет. Здесь очень мило. А новая девушка Вити довольно забавная.

— «Забавная» — это подходящее слово. — В его черных глазах сверкнула лукавая улыбка. Они рассмеялись. Вероника вновь ощутила, как ее пробирает дрожь от его красоты. Она знала его слабости, видела спящим с приоткрытым ртом. И все еще робела от его глаз. Быть его женой — такова была ее заветная мечта. Они вместе жили, вместе ездили в отпуск. Но желаемого «Выходи за меня...» она пока не дождалась. Последнее время это все сильнее выбивало почву у нее из-под ног. И она шептала: «Да, да... Лав, я...» глубоко вдыхая холодную сырость старых стен.

Потом снова был переулочек, затерявшийся вблизи Покровки. Это место она выбрала сама. Она сказала Лаврентию, что готова иногда встречаться с ним, но только здесь, пока не начнется следующая улица. Вскоре он привел ее в этот дом, с которого сошел уже не один слой, обнажая его душу. Реконструкция была не за горами, поэтому жильцов почти не осталось. Только печальная тень вдовы пианиста мелькала в окне второго этажа. День за днем она играла любимые произведения своего мужа, наполняя тоской старые стены. Вероника боялась щемящих звуков музыки настолько, что они завораживали ее. При одном взгляде на дом сердце начинало трепетать. «И это точно не из-за встречи с ним», —

повторяла она про себя, поднимаясь в квартиру «снятую на непродолжительный срок». Комнаты напоминали сцену с небрежно расставленными декорациями. Потертая, старинная мебель подчеркивала нереальность происходящего. Будто это сон, в котором двое заблудились среди дождя и пришли сюда отогреться. А раз сон, она не должна чувствовать вину за картину, нарисованную туманом...

— Это Рахманинов.

— Наверное.

— Мое любимое. Из того, что она играет.

— Ты уже репертуар выучил?

— Да. И еще немного твои капризы.

— Интересно. По-твоему, я... как это называется... вздорная?

— Именно. Вздорная девчонка.

Их диалог прервал яростный удар о стекло. Вероника вскрикнула. Лаврентий подошел к окну.

— Это просто ветка. Оторвалась от дерева. Ветер слишком сильный.

Вероника приблизилась к нему и посмотрела вниз. На черном мокром асфальте лежал темно-зеленый кусок. Листья дрожали от хлестких частых капель. Рядом стояло дерево, гордое и молчаливое. С открытой раной на потемневшей коре. Оно тихо стонало.

— Жаль. Оно было такое красивое. А теперь только все портит.

— Не думаю, что изъяны лишают нас красоты.

Она еще раз бросила взгляд сквозь мутное стекло. В глазах отразился пасмурный день.

— Мне пора.

— Подожди немного, там настоящая буря.

— Мне пора.

— Я провожу тебя.

— Не стоит, — она захлопнула за собой дверь.

Лаврентий выбежал вслед за ней. Но колкие удары шпилек были уже где-то внизу, далеко. Недостигаемые, они растворялись в нотах, приглушаемых дождем.

«Больше она не придет», — твердил про себя Лаврентий. Он хотел свыкнуться с этой мыслью. Она не была первой и не станет последней, кто скрашивает его семейную жизнь. Правда, обычно все происходило в номере отеля, там же и заканчивалось. Они всегда были красивые, длинноногие. Обычно курили после секса и не обременяли своими проблемами. Вероника тоже никогда не жаловалась. Только постепенно втягивала в свой мир и одновременно выталкивала из него. Она была сама по себе — не с ним, но и не со своим мужчиной. А место их встреч было настоящей поэмой. Он давно не читал таких. Может быть, лет двадцать?..

— Лавруш, посмотри, как тебе этот? По-моему, идеально! — Жена протянула ему рекламный проспект с красочной фотографией spa-отеля на Сейшелах.

— Мне не нравится.

— Интересно, что здесь может не нравиться?

— Все идеально. Отвратительно. Наша жизнь отвратительна, понимаешь?

— Я хочу еще кофе, — Лаврентия оглушила эта фраза. Если бы Вероника сказала: «Я сейчас лечу на Луну», вряд ли это настолько бы удивило его. Две огромные странности разрушили их ритуал. Во-первых — она заговорила, во-вторых — она хотела еще кофе, то есть оттягивала их расставание.

— Так же, с коньяком?

— Нет, двойной эспрессо.

Заказывая кофе у стойки, он обернулся. Вероника пристально смотрела на него. Ее ореховые глаза были полны сладкой грусти. Он аккуратно поставил перед ней чашку, над которой поднимался горьковатый запах обжаренных зерен. Вероника медленно размешала сахар, сделала несколько коротких глотков. Потом положила голову ему на плечо.

— Пока, Лав.

Лето заканчивалось. Лаврентий подошел к окну посмотреть на сломанное дерево и на дорогу, по которой она больше не придет. Квадратную комнату наполняли скрипы и шорохи. Они заглушали звуки музыки. Пару месяцев спустя он встретил ее в уютном ресторане, где они с женой решили поужинать. Ее тонкая талия была схвачена широким лакированным поясом, гладкие волосы струились по плечам, а на безымянном пальце правой руки сияло золотое кольцо. Она бросила короткий

взгляд в его сторону, но тут же отвернулась к своему спутнику — необыкновенно красивому, с густыми черными волосами.

Улицы стали серыми и безликими. Осень наполняла город и сердца прохожих. Начались занятия в институте, жизнь вступила в свою обычную колею. Вероника чувствовала себя счастливой, для тревоги больше не было повода. Только старый дом иногда всплывал в тревожных снах. Поэтому она всегда обходила узкий переулок вблизи Покровки. Она не знала, началась ли реконструкция, или, может, ветхие стены превратились в пыль под натиском металла. Не знала, жива ли вдова пианиста. Точно известно было только одно: если она приблизится к этому месту, пианино будет играть.

Снег на крыше

Была зима. Но несмотря на тонкие полоски инея на окне, перед глазами вставала картина лета. Мягкое тепло разливалось по улицам, она ехала по залитой солнцем дороге. Света было так много, что не спасали даже темные стекла очков. Незатейливая грустная песня скользила по салону машины. Все было хорошо, безупречно. И лишь одна внезапная мысль поцарапала безмятежность: она уже не сможет влюбиться. Нет, любви в жизни у нее более чем достаточно. Ее сердце переполнено до краев. Именно поэтому она никогда больше не ощутит томление и дрожь.

Эта вспышка возникла где-то между горячими глотками латте. Кира продолжала рассказывать о своей работе, бурно жестикулируя. А она вдруг опять поймала взгляд, обращенный к ней.

— Полин, ты его знаешь?

— Кого?

— Того мужчину, вон там, в углу, строчит что-то на своем ноутбуке. А в перерывах как-то двусмысленно на тебя смотрит.

— Не выдумывай.

— Извини, ты у нас замужняя женщина. Это я...

— Сейчас расплачусь.

Полина улыбнулась, но что-то внутри сжалось. Нет, она его не знает. Разве можно это назвать знакомством? Просто когда-то проходила у него летнюю практику. Так давно, что уже и не вспомнить. Встречала его потом иногда, но они даже не здоровались. Бледное, уставшее, некрасивое лицо с глубокими темными глазами...

У Киры зазвонил мобильный, она вздрогнула, быстро отвечая на поставленный вопрос.

— Извини, мне надо бежать. Поскорее бы принесли счет.

— Ты иди, я расплачусь.

— Неудобно так тебя бросать!

— Ерунда.

— Ладно, тогда я полетела.

Полина осталась одна за столиком. Она медленно допивала кофе, ее лицо начало тихо пылать под учащенным пульсом его взгляда. Она хотела и не хотела, чтобы он подошел. Это было странно, после стольких лет... Официант принес счет. Она небрежно накинула шубу из стриженной

норки, натянула высокие перчатки. Два пути: по левую сторону зала — более короткий, по правую — мимо его столика. Инстинктивно, не отдавая себе отчета, она выбирает второй. Проходит, задержав дыхание. Вдруг что-то сильное ловит ее ладонь. Она не смотрит на него, только слышит его глухой шепот: «Еще час. Я буду здесь ждать тебя». Отпускает ее. Вдруг становится как-то холодно. Опять сквозняки... Полина быстро покидает кафе и прячется в своей уютной машине. Отгоняет от себя мысли. «Просто какой-то бред!» А его лицо всплывает в памяти в окружении дымки, будто последний раз она видела его много лет назад.

Каждый километр приближал ее к обычным заботам. Не забыть получить для Вани справку в бассейн, до маминого юбилея осталась всего неделя, а подарка до сих пор нет. Она завернула в узкий переулок с односторонним движением, припарковалась возле дома. «Опять не горят фонари». В темноте здание еле различимо, на его фасад наброшена тонкая серебристая снежная сеть. Озябшие пальцы ищут ключи в сумочке и быстро прикладывают один из них к замку. Ничего. Полина набирает номер квартиры, вновь тишина. «Ну что, вообще ничего не работает?!» Ладонь зло надавливает на кнопку. Из домофона выползает металлический голос консьержки.

- Я вас слушаю.
- Это я. Скорее, мне холодно.
- Вы к кому?
- Я из четвертой квартиры!

— Это какая-то ошибка.

— Что за бред?! Сейчас же открывайте дверь, или считайте, что вы уволены!

Послышался пронзительный писк. Тепло мгновенно коснулось лица. Полина ринулась вперед, но дорогу ей преградила морщинистая фигура.

— Девушка, вы явно ошиблись адресом.

Возмущение застряло в горле, Полина не сказала ни слова, просто пробежала вперед. Быстро поднялась по лестнице и вставила ключ в замок. Он застрял там, словно парализованный, не поворачиваясь ни в одну из сторон. Капельки пота выступили на лбу. Рука уперлась в звонок. Сзади раздавались подступающие мелкие шажки консьержки. За дверью послышался какой-то шум, она приоткрылась.

— Я вас слушаю, — на пороге стояла молодая женщина.

— Простите, ради бога, это какая-то сумасшедшая! Утверждает, что живет в вашей квартире.

Костлявые пальцы вцепились в рукав шубы.

— Вашей?!

Дыхания не хватало, проскользнув мимо женщины, Полина оказалась в квартире, в которой ничто не напоминало о жизни ее семьи... Цвет стен, мебель — все было другим. А из гостиной на нее смотрели испуганные глаза чужого ребенка, они кричали «Мама!» незнакомой ей женщине.

Полина бросилась назад. Спотыкаясь, хватаясь за перила, слетела на первый этаж и выбежала на улицу, где ее ждал холод. Она завела машину

и расплакалась, облокотившись на руль, чувствуя себя беспомощной маленькой девочкой, брошенной в прорубь темноты. Куда ехать? Где искать свою жизнь? В голове всплывал только образ дома родителей. Но если и там никого нет?..

Машина тронулась. Носки сапог касались педалей, покорные руки сжимали руль, хотя ехать обратно в кафе не было ее решением, оно пришло откуда-то извне, независимо от ее желания. «Час еще не прошел?..» Уютная обстановка зала стала холодной и отчужденной, как в ускользящем сне. Голоса были похожи на звуки старого радио. Но он сидел за тем же столиком. Сразу ее заметил и теперь не сводил глаз. Радость скользнула по его губам. Или, может быть, это была усмешка. Полина села напротив, не снимая шубу.

— Будешь что-нибудь, или пойдем?

— А куда мы пойдем? В кино на последний ряд? Может, кататься на американских горках? Или сразу в отель?

— Что тебе больше нравится?

— Мой бежевый диван, свечи, догоревшие наполовину, и разбросанные карандаши...

— Значит, в отель.

Полина резко встала, но он одернул ее, заставляя сесть обратно.

— Принесите нам два эспрессо. Двойных.

— Виктор Алексеевич, вы теперь пьете кофе?

— А мы снова на вы, Полина?

— Да пошел ты.

Шуба плавно соскользнула с вздрагивающих плеч. Молча они выпили горький горячий кофе и вышли на улицу. Виктор захлопнул за ней дверь своей машины. Огни, размытые снегом, медленно поползли по сторонам. Лицо мужа, заspanные глаза ребенка, ужин на плите — вспышки, отражающиеся на стекле. А рядом неизведанные, но болезненно знакомые руки и глубокий голос. Он задает вопросы, вкрадчиво смотрит. И Полина уже почти помнит его рот, его страсть, сжатую в одну точку взгляда, оброненного сквозь года молчания.

— Ты успокоилась?

— Да. Нет. Не знаю...

— А что тебя успокаивает в обычной жизни?

Если все как всегда, но накатывает тревога?

— Наверное, какие-то мелочи, привычные дела... Крыша. Вид на крышу дома напротив. Знаешь, раньше я жила в таком месте — серое высокое бездушное здание с тысячами крошечных окон, грязный подъезд, в котором повсюду раздаются шорохи и стон ветра, проскальзывающего сквозь бетонные щели. На крышу там поднимались с единственной целью, или никогда. А здесь все иначе. Каждая крыша впитывает воспоминания своего дома. Летом отражает разъяренное солнце, а когда дождь... Я открываю окно пошире, чтобы слышать, как капли барабаният по ее поверхности, смотреть на вихрь воды, падающей вниз. Запах влаги смешивается с журчанием, а за крышей серо-синие тучи, а иногда короткий луч солнца. Старая Москва — моя осу-

ществленная мечта... А ты как возвращаешь равновесие?

— Я его не теряю.

— Сознание собственной значимости, словно могильная плита, придавило все тревоги? И мечты?

Перед ними зажегся красный свет. Машина тихо затормозила, замерла в невесомости падающего снега.

— Становится жарко. — Полина достала руки из меховых рукавов, расстегнула кофту из тонкой черной шерсти.

— Покажи свою птицу.

— Она улетела.

— Неужели?

Виктор запустил ладонь под теплую ткань и слегка оголил ее левое плечо. На гладкой коже выступал еле уловимый шрам.

— Зачем ты свела татуировку? Кажется, ты говорила, что это твое «самовыражение»?

— Говорила... Муж ее просто ненавидел. Узоры на женском теле кажутся ему настоящим уродством.

— Ты всегда делаешь то, что хочет твой муж?

— Тебе, Виктор, этого не понять. Это называется — нормальная семья.

Полина вздрогнула от собственных слов. Потрепать рукой бархатный затылок Вани, когда он второпях ест бутерброд. Запах свежих брызг одеколона на колючей шее... А птица хочет вырваться, и она роняет голову ему на плечо, словно в приступе усталости.

— Ничего. Ничего.

Улицы за окном вновь ускользают. Она больше не спрашивает, куда и зачем, чувствуя рядом теплое тело, готовое быть опорой. А снег, снег... Его все больше. Густая белая масса, молоко, опрокинутое на стекло. И гул бонгов и гитары. Когда-то давно — румба и сальса. Она кружится и кружится, забывая морщинистое лицо, впитавшее в себя ожидание. Забывая руки, перебирающие пряжу для шарфа... Он и сейчас есть у нее, в комодке, в верхнем ящике... Слезы, не упавшие из измученных глаз. Упрек, не оброненный словом. Огромный, высокий дом, где она сидит у окна. Пока румба и сальса. И так много мечт. Одна из них, пока не познанная, — вернуться...

— Я хочу вернуться, остановись.

— Куда? И зачем? Уверен, что не хочешь.

— Что ты можешь об этом знать?

Машина резко тормозит. Вокруг вздымаются вихри снега. Заворачивает в переулок, где суровые здания смотрят враждебно и укоризненно, и здесь замирает. Он смотрит на нее, скользит взглядом по лицу, посмевавшему покинуть его. Вкушает гордость и надменность, выскальзывающие из серо-голубых глаз. Белые пряди обрамляют побледневшую кожу. Как сладко думать, что он — причина этой бледности... Напряжение постепенно покидает ее тело. Она хочет задержать его, собраться, подумать о том, что должна... Но за окном, в легком тумане, уже начинают расплываться огни, тают, будто сливочное масло. Она сама касается его рта, вздрагивает от колючей щеки и властных прикосновений. Его черты,

выводившие ее из себя своей простотой и грубостью, преобразаются в источник нежности. Больше не найти свой дом, свою жизнь... Только молнию на его свитере.

— А знаешь, ты мне снился.

— Правда?

— Да. После нашей встречи. Это было очень странно. Я видела тебя всего один раз, а до этого, прости, не догадывалась о твоём существовании. И вдруг этот сон...

— Расскажи.

— Передо мной было поле. вспаханная черная земля лежала неровными грубыми бороздами. Вдалеке виднелся дом — огромное, высотное здание. Я шла к нему. Ноги тонули в сырой земле, покрывая мои сапоги комьями грязи, из-за которых тяжесть ложилась на стопы. Несмотря на расстояние, довольно быстро я оказалась в самом здании. В подъезде не было ни души, похоже, как и во всем доме. В лифте гуляли сквозняки, пахло свежей краской. Он поднимался все выше и выше... Потом замер, со скрежетом открылась дверь. Я зашла в первую попавшуюся квартиру и увидела там маму. Она мыла пол. Швабры не было. Тяжелую тряпку она макала в ведро и терла ею светлый пол, по-моему, он и так был безупречно чистый. Но мама не оттапливалась. Мебели в квартире не было. А за большими незашторенными окнами виднелось черное поле. Я хотела о чем-то спросить маму, но не решалась... Поэтому просто сказала: «Мне пора». Мама отложила в сторону тряпку, убрала

со лба влажные пряди и обняла меня: «Ты должна быть очень осторожна».

Вновь я была на улице. Чем дальше я шла, тем острее ощущала какое-то напряжение, подступавшее в прохладном воздухе, словно нарастал гул голосов, пока что не услышанных мной. Ноги больше не тонули, а вступили на твердую поверхность — на асфальт. Передо мной — лестница в подземный переход. Неуверенно я начала спускаться. И теперь действительно раздавались голоса. Тысячи пронзительных голосов. Грязные люди в каких-то лохмотьях расступились передо мной, разрешая идти вперед к огромному светящемуся экрану. На нем не было никакого изображения, только ровный чистый свет. Я медленно шла к нему, а на моем теле открывались раны. Они кровоточили, оставляя позади меня тонкую красную нить. Все ближе становился экран, все отчетливее я слышала дыхание толпы, готовой разорвать меня в клочья. Свет был передо мной, я протянула к нему руку. Кровь заструилась по гладкой желтой поверхности. «Мне конец!» — промелькнуло в моем сердце. Как вдруг шум утих. Я обернулась. Люди вновь расступались, но со страхом опуская головы. Ты шел ко мне. Приблизился, взял на руки. Твое тепло окутало меня аурой, в которую уже никто не мог проникнуть. Ты вынес меня из этого подземелья. Мягкое солнце ждало нас снаружи...

— Останься.

— Я уже осталась, разве ты не видишь?

— Нет... Нет... Нет...

Дом был наполнен привычными звуками. На плите бурлила кипящая вода, монотонно работал телевизор, поскрипывали страницы журнала «Forbs».

— Потерпите немножко, сейчас будем ужинать.

— Ванька уже приступил.

Ваня бегал по комнате, держа в одной руке самолет, а в другой пирожок с яблоками. Запах сдобного теста ласкал дыхание. Полина поставила последнюю тарелку на стол из красного дерева и подошла к окну. Слегка отодвинула шторы, вдываясь в наступивший вечер. Снег, нетронутый, лежал на крыше...

Зеленая комната

Частицы снега, запутавшиеся в густом слое туши, начали таять, заставляя веки часто моргать. Юля ступила на ступень эскалатора, который медленно полз в глубину. Людей почти не было, редким шагам вторило эхо холодного мрамора. Юля замерла в ожидании поезда, крепко сжимая в руках большую черную сумку. Она чувствовала, как натянута кожа под тугим высоким хвостом, как пропитан влагой серый искусственный мех ее шубки. И еще упорный взгляд мужчины, стоящего рядом. Навязчивый, он набрасывал на нее стальные кольца, заставлял смотреть в одну точку — на

электронные цифры, показывающие ноль часов. Но вот наконец грохот и треск, она быстро заходит в соседний вагон. Вновь одна. Минутная передышка, пока на следующей станции не возникают новые глаза, новые шаги, грубое нетерпение, от которого она отворачивается, прячет свой яркосиний взгляд, свое безупречное лицо, для кого не хочет расточать сладкий свежий запах. Поезд ползет по темно-зеленой ветке в темно-зеленую комнату...

Осталось чуть-чуть этого шума, короткая дорога по заснеженному переулку, пару раз обернуться... Надеюсь, мама спит... В горле противная сухость. Только скорее, скорее бы оказаться внутри, распустить черные волосы, отливающие синевой.

Она слышит, как объявляют нужную станцию, слово, имеющее для нее особый смысл. Повинуясь короткому толчку, встает, обхватывает поручень тонкой перчаткой, не способной уберечь ее от мороза. Двери раскрываются, позволяя сквозняку поймать колени в черных чулках. Она больше не может покорно стоять на ступеньках — и торопливо поднимается, чтобы вырваться из серой пелены. На улице снег и свежесть. Минут семь — и она у цели. Открывает тяжелую стальную дверь, кивает охраннику, спускается в подвальное помещение, говорят, бывший бункер с сотнями туннелей, но сегодня здесь звучит музыка. Так громко, что невозможно услышать собственный голос. Юля быстро проходит через бильярдный зал, мимо барной стойки, пробирается сквозь одурманенных танцем тел. Оказывается в темном узком коридоре, который приводит ее в небольшую гримерку. Она сбрасы-

вает шубу, расстегивает молнию сумки. Тонкая серебряная кольчуга, извлеченная из грубой ткани, переливается серебром. Сапоги, чулки, перчатки небрежно слетают с ее кожи, отдавая холод, ночь и пристальный взгляд, колющий спину. Тело, свободное, вдыхает частицы дыма, долетающие из зала. Дверь открывается. Без стука. Без предупреждения.

— Ты сегодня поздно. Я думал, не придешь.

— Я почти готова, — отвечает она, растирая ноги, живот и грудь бронзовым маслом.

— Будешь в этом костюме?

— Позже. Это для начала, — кивает на кольчугу.

— После выступления жду в зеленой комнате.

Он уходит — грузная высокая фигура с крошечными влажными глазами, над которыми торчат непослушные вьющиеся волосы. Что-то поднимается в ней, какое-то смутное недовольство вперемешку с интересом. Но на сцене уже ее музыка, ее выход.

Она летит. Минута страха — а затем свет и покой. Множество глаз смотрит на нее — пьяных, безразличных, нагловатых и жаждущих. Глаз, которые не представляют для нее никакой опасности. Она — вне. Двигается, отдавая звукам изгибы тела. Сбрасывает серебро, как ненужную шелуху. Оставаясь голой и свободной. От резких поворотов головы длинные волосы щекочат кожу, наделяя ее властью над этой ночью. Не различая лиц, она все же видит его, чувствует, как замерло его дыхание, как ему смешно и страшно, потому что сетчатка его зрачков запечатлела сотни девушек до нее.

Минуты четыре, не больше. Выступление закончено. Снова узкий коридор. Но теперь блаженство течет по венам. Юля знает, оно продлится до утра. До противного писка шин об лед, когда грязное такси остановится около двенадцатиэтажки, высокой и неуклюжей. Дома мама встретит встревоженным, невыспавшимся лицом, спросит, как все прошло. Укроет ее смешным детским одеялом и принесет теплого молока с бубликом. Дочь не станет спрашивать, почему в прихожей она не наткнулась на громоздкие черные ботинки, не задела шубкой жесткую куртку...

Это утром... Сейчас она надевает высокие сапоги, узкое платье и идет в зеленую комнату. Ее встречают радостные возгласы. Одинаково громко звенят бокалы и смех. Белые дорожки снега тянутся сквозь густой сигаретный туман. Всеволод кивает ей на кожаное кресло подле себя, приносит апельсиновый фреш — то же, что пьет сам. «Не стоит путать работу с собственной жизнью», — любит он повторять Юле. Он смотрит на ее колени, иногда ловит ее холодные пальцы. «Мне пора», — бросает она коротким шепотом. «Останься», — отвечает властная рука поверх хрупкой ладони. Юля подчиняется. Снова включается в разговор, одаривает мужчин двусмысленными взглядами — следует привычной схеме, которая неизбежно возвращает ее по кривой ветке вниз.

Постепенно время скользит к первой бледной полоске на безразличном темном небе. Рассеиваются ярко-накрашенные лица девушек и их случайные спутники. Всеволоду приносят чай, Юле — кофе. Они остаются одни в зеленой ком-

нате. Она вздрагивает, хочет уйти. Встает и вновь падает на малахитовую кожу. Всеволод подходит к двери, поворачивает ключ.

— Ты знаешь, ничего не будет, — вырывается ее вдруг осипший голос.

— Я знаю. Вопрос в том, знаешь ли ты.

Он садится рядом, прижимается лицом к ее шее — нежно, слегка касаясь, втягивая в свои легкие ее страх.

— Зачем я тебе? Их так много, этих девушек. Они все не против.

— Ты сейчас очень молода, тебе только семнадцать. Но пройдет время, и ты превратишься в очень сильную женщину. Которая однажды встретит меня где-нибудь на эскалаторе в Нью-Йорке и так захочет, что начнет прямо там срывать рубашку...

Влажный поцелуй застыл на ее коже, Юля резко встала. Всеволод преградил ей путь, положив ладонь на выключатель. Свет, едва дребезжащий в зеленом пространстве, погас, погружая их в безапелляционную темноту. Стон вырвался из ее груди, тело начало извиваться в пространстве, как недавно в танце.

— Включи свет! — закричала она, задыхаясь.

— Нет, — произнес он ровно и спокойно, не приближаясь к ней ни на шаг.

— Я прошу тебя! Включи свет!

— Хватит, Юля. Хватит. Ты боишься того, что не происходит.

Но она уже не могла ответить на его слова. Очертания стен задрожали, мебель куда-то поплыла вместе с полом. Последний глоток воздуха

замер в горле. Она ненавидела высокого мужчину, ненавидела лицо, потерянное в темноте. Всеволод дотронулся до ее плеча. «Тише... Тише...» Вдруг дрожь, лихорадка, ладони мокрые... Он быстро отыскивает узкую клавишу, свет касается дрожащих ресниц.

— Ну, все, все... Не надо... — Пытается обнять ее, но она уклоняется, уплывает, цепляясь рукой за спинку кресла, ловя реальность. Встает, одергивает платье.

— Я не вернусь.

— До завтра. Буду ждать тебя.

Она уходит. Поднимается на поверхность, где лохматое неопрятное утро лежит у порога. Снег падает на лицо. Усталость затрагивает каждую мышцу. Во рту вкус чужих сигарет, чужого дурмана, чужой жизни и ее кофе, сваренного на страхе и ожидании.

Скорее сесть в такси. Объяснить дорогу. Вспомнить его влажный поцелуй, оставленный на шее. И почувствовать томление и желать еще одну ночь, прикосновение и побег...

День тянется, словно пластилин, из которого она никак не может слепить то, что хочет. Не разочаровывает только пробуждение, когда мама размешивает овсяную кашу и поливает ее сыром, расплавленным на маленькой старой сковородке. Она пьет кофе из огромной цветной чашки и рассказывает, как танцевала, описывает случайных людей, встреченных на перекрестке ночи. Мама кивает и улыбается, подливая в чашку ароматную темную жидкость.

— А где папа?
— Задержался на работе. Звонил пару часов назад.

— Понятно...

Юля поворачивается к окну, пряча взгляд от коротких слез на побледневших щеках. Снег падает медленно, будто надеется не коснуться черной земли, в которой повсюду зарыты раскаленные трубы. Мама... Мама... Но не хватает слов. Не хватает надежды. И уже опять пора спускаться в метро и отбиваться от липких рук, готовых схватить ее в любой момент.

— Почему ты дрожишь?

— Мне холодно. Скорее бы.

— Она неплохо двигается.

— Да.

— А ты лучше?

Юля оборачивается. Маленькие глаза без определенного цвета смеются над ней.

— Почему не отвечаешь? Ты не уверена? Я тоже. Может, тогда тебе не стоит танцевать после нее?

Ярость мгновенно приливает к пальцам.

— Иди к черту!

Она осыпает Всеволода пощечинами. Он пытается поймать ее ладони и заглянуть в лицо, скрытое черными прядями. Сильные руки обхватывают смуглые плечи, ощущая влажный фейерверк из ее глаз.

— Пусти!

Она отстраняется. Быстро снимает с себя костюм и швыряет ему.

— Может, у тебя получится лучше.

Голая, в одних туфлях на немислимых шпильках, она спокойно идет обратно по коридору. Голова гордо поднята, длинные ноги аккуратно ступают по прямой линии, будто по подиуму. Он бросается вслед за ней, пытается прикрыть пиджаком. Черные разводы туши обрамляют ярко-синий взгляд, который ему ни удержать, ни пробиться сквозь его лед.

— Пойду, выпью чего-нибудь.

— Юля, не надо.

— Почему? Какая разница, голая на сцене или в зале?

— Она есть. Для меня.

Смех срывается с влажных губ, и она исчезает в гримерке. Чтобы заплакать в одиночестве. Сжаться и спрятаться от электрических огней и искусственного тумана.

Никогда. Ни за что. Все бросить и начать жить, как остальные, которых не мучает бессонница. Снова поступить в институт, сделать еще одну попытку влиться в будни, недоступные ей теперь. Но тело ломит, хочется напряжения мышц и ощущения свободы, когда последние куски ткани спадают с нее, оставляя без страхов и сожалений.

Разговор ни о чем. Высокие бокалы. Юля лукаво улыбается своему собеседнику и исчезает. Она идет в кабинет Всеволода забрать свою сумочку. Открывает дверь и натывается на беспокойный взгляд. На его коленях сидит девушка с резкой челюстью и тонкой талией. Кажется, она сегодня участвовала в показе. Всеволод слегка отталкивает ее.

— Извини, я просто забыла кое-что. А, вот и мой клатч. Приятного вечера.

Она спокойно покидает их. Всеволод не успевает даже произнести ее имени. Только вздох вырывается из его горла.

Никакой боли. Никакой ревности. Юля видела не одну модель, выходящую из его кабинета с растрепанными волосами. Это не трогало, не задевало. Больно было бы стать одной из них. Но этого не будет.

Следующей ночью она вновь возвращается в зеленую комнату.

Он смотрит на нее так долго, так протяжно.

— Ты?..

— Нет, Юля. Даже не думай. Ты мне интересна. Но слово «любовь» давно стерто из моей жизни. Я больше не умею любить и не хочу вновь учиться. Только наслаждаться жизнью.

— Никто не говорит о любви.

— Я чувствую себя стариком, да и выгляжу старше своих лет. Есть вещи, которые в один миг бросают тебя в старость. Например, когда неделю сидишь и тупо смотришь на дверь, а в руках ружье. И знаешь, что за тобой обязательно придут...

Молчание повисло среди насыщенной темно-зеленой краски. Ей вдруг захотелось, чтобы он дотронулся до нее. Сама она не могла, это не по правилам. Жаркая волна перекатывалась между ними, унося ее опасения на берег другого дня.

— Всеволод...

— Я удивлен — ты умеешь произносить мое имя.

Он обнял ее, как-то просто, без намека на продолжение. Тонкая рука робко ответила взаим-

ностью. Но через секунду наткнулась на что-то холодное и тяжелое под пиджаком.

— Не бойся. Это всего лишь моя жизнь.

Другой снег застилал землю. Пахло какой-то свежестью, словно весна была где-то совсем рядом. Все сидели за столом. И даже иногда слышался смех. Приятно было видеть маму такой веселой. Но мысли неизменно возвращались к одной фразе: «Что ты делаешь днем? Я совсем ничего не знаю о другой стороне твоей жизни. Давай встретимся?» Мама вышла. Они остались наедине с отцом. Он неспешно продолжал есть. Юля тщетно искала слова, чтобы разорвать тягостное молчание, но вновь ускользала... Ночь — это особый мир, но смогут ли они посмотреть друг на друга при свете дня? Она привыкала к его прикосновениям, шепоту. Не бросит ли ее день в привычную пропасть паники, где нет голоса, нет сил?

— Юль, добавку будешь?

— Нет, папа.

— Зря, мама отличный борщ приготовила.

Может быть, зря. Все зря, папа...

Его квартира чем-то напоминает зеленую комнату — та же холодная кожаная мебель и картины с неопределенным сюжетом. Крепкий кофе. Хочешь мартини?.. Шторы плотно задернуты, чтобы было не так страшно. Юля вдруг робкая, будто не она извивается по ночам. Какую музыку ты любишь? Всеволод делает все медленно. Медленно перебирает диски, наливает кофе, касается ее руки. Любое неосторожное движение готово

превратиться в бегство и крик. Но Юля спокойна. Больше некуда... незачем... Она отдает себя его нежности, прикрывая лицо руками, сдерживая безудержные потоки слез, похожие на горные ручьи. Все прошло: острые сумерки, бешеный водоворот, сжавшийся живот. И даже неожиданный свет. Все позади. Всеволод целует ее вздрагивающие плечи. Господи, как ты молода... Кажется, этот день начат с новой строки. Все теперь должно быть по-другому. Но ночь, неотступная, приближается. И Юля начинает ненавидеть ворвавшуюся в ее сердце близость. Всеволод — просто мужчина, не сводящий с нее глаз. Забыть. Стереть. Одиночество и темнота наполняют город. Только танец может отдалить надвигающийся страх. Снова черная сумка и высокий хвост. Метро затягивает ее в свой улей. Озябшие руки беспокойно хватаются за поручень. Воздуха так мало. Скорее на сцену, все забыть. И сегодняшний день тоже. Она следует знакомой дорогой. Спускается в клуб. Идет по лестнице мимо девочек, сидящих на ступеньках с блаженством в глазах. Танцпол, барная стойка... Только зеленая комната стерта с ее карты. Юля не говорит с ним, не смотрит в его встревоженные глаза, отмахивается от его нежности, закрывая перед ним дверь гримерки.

Музыка та же. Но вкус горечи во рту все меняет. Она ощущает его присутствие. Но восторженность сменилась грустью, эхом, отражающимся в ней, в ее танце.

Юля поспешно переодевается и бежит прочь, не дождавшись утра, в сером свете которого все становится необычайно ясным и болезненным.

Она лежит под детским одеялом и мечтает о другой жизни, в которой никогда и никому не расскажет о своих танцах...

День, два...

— Юля, целый день звонил Всеволод. Он очень просил, чтобы ты позвонила ему по какому-то особенному номеру.

«Если что... вдруг нигде не сможешь найти меня...»

— Мам, будет звонить еще, скажи, меня нет.

Она вспоминает их молчание, от которого тепло струится по коже. Пальцы вздрагивают, но от себя не уйти. Даже когда хочется. Сна нет, и снов тоже. Дни заполняют только мечты и немножко мысли о нем, в те редкие моменты, когда напряжение ослабевает. Новый распорядок дня разрывает короткий разговор по мобильному.

— Ты где теперь?

— Да так, сейчас не работаю.

— Ясно. Тоже пока не высываюсь. Конечно, ни при чем, но кто там спросит.

— Не поняла...

— Юль, ты что, не в курсе? Клуб-то наш прикрыли. Дней десять назад менты налетели, а там дури... Охренеть! Всех взяли, Игорька на месте...

— А Всеволод?

— Не знаю. Да и кто теперь узнает? Юль, может, встретимся? Вспомним былые времена...

Она не дослушала. Ледяные пальцы уже быстро набирали цифры, запечатленные в сердце. Но в ответ послышался только долгий, протяжный стон. Дни опережали недели. Снег начал таять. Юля продолжала надеяться, и каждый раз,

когда она пыталась дозвониться, сердце замирало, а потом возникало щемящее чувство безвозвратности. Метель все еще кружила вокруг тяжелой стальной двери клуба, она продолжала танцевать, а он — смотреть...

В Нью-Йорке суровый климат, но ей нравится бесконечная суэта, заражающая жизнью. В это утро она одевает белое пальто. Светлые локоны, с которых давно смыта вуаль ночи, ложатся на воротник. Ее имя звучит теперь по-другому. Впрочем, как и все остальное. Но, когда она ступает на один из тысячи нью-йоркских эскалаторов, ее сердце начинает вздрагивать. И вновь слышатся длинные, долгие гудки номера, которого нет...

Поздняя осень

Вялая слабость текла по всему телу, заставляя глаза слипаться, а карандаш дрожать в руке. Что за странная ночь? И откуда вдруг взялись эти воспоминания? Даже не воспоминания, какие-то нелепые образы вперемешку с фрагментами прошлого. Хотя, засыпая, она думала совсем о другом. Иза отложила бумагу, повернула голову в сторону окна, за которым виднелись черные мокрые ветки, разрезавшие размытый пейзаж улицы. Перед ней вновь возникла картина сумерек...

Была ночь. Или поздний вечер. Точно неясно. Узкий переулок, охваченный темнотой, был абсо-

лютно безлюдным. Иза шла... Домой?.. Из дома?.. Она не могла вспомнить. Как вдруг ощутила чье-то присутствие. Ни единого звука, ни шороха, но он приближался к ней. Ее колени начали дрожать от страха и предвкушения одновременно. Она замедлила шаг и остановилась на углу последнего дома. Задержала дыхание и резко обернулась. Неожиданно ее ослепила фотовспышка. За ней последовало еще несколько.

— Хватит! — крикнула она, пытаясь смахнуть непослушный свет тонкой черной перчаткой. Огромный фотоаппарат опустился вниз, открывая мужское лицо. Оно было знакомым. «Кажется, он снимался в том черно-белом старом фильме», — мелькнуло у нее в голове. Но через секунду она увидела, что перед ней стоит вовсе не он, а ее школьный учитель... Освободив руки, он дотронулся до ее лица, словно пытаясь выбрать нужную позу для следующего кадра. Тепло его пальцев пронзило холодную темноту.

— Попробуем еще раз? — услышала она его голос. Забытый... Совершенно забытый...

Скрип двери вернул ее в уютный кабинет.

— Предлагаю пойти выпить кофе, — настойчиво произнесла рыжеволосая девушка.

— Давай не сейчас, полно работы.

— Опять эти духи тебе покоя не дают? — Она заглянула в разбросанные по всему столу листы. — Чего же они от тебя хотят?

— Чтобы их ароматом пользовалась «загадочная незнакомка».

— А письмо она будет писать?! Ладно, пошли.

— В чем дело?

— Иза, он здесь.

— Он же должен только завтра прилететь.

— Да, но сейчас он в своем кабинете. Правда, скоро у него встреча, так что у тебя есть все шансы.

Иза стремительно встала, набросила на шею бледно-серый шарф, оттеняющий ее пронзительные серые глаза и, схватив черное пальто, выбежала из кабинета вместе с Милой. Они торопливо прошли по коридору к лестнице. На секунду Иза замерла у огромного французского окна.

— Там опять дождь.

— И достаточно сильный. — Уколол ее в спину тяжелый мужской голос.

Мила неловко опустила глаза.

— Как поездка? Удачно? — произнесла она. Ее слова ватой окутали удаляющиеся шаги Изы.

— Ну, ты что?! Так нельзя, ты все-таки у него работаешь, — запыхавшись, Мила дернула подругу за рукав.

— Это явление временное. Пойдем внутрь, я вся промокла.

Они вошли в небольшое кафе и сели в углу на мягкий диван. Иза обхватила холодными губами длинную сигарету, густой серый дым закружился над столиком.

— В сущности, ничего не было. Просто обычный эпизод в офисе.

— Иза, обычно он некрасив, но... Она — блондинка. Вот и все.

«Вот и все...» — повторяла она, держа руль левой рукой. Вечерняя улица превращала про-

хожих в призраков. Даже сквозь плотно закрытые двери пробивался запах предстоящей зимы. Мокрые дрожащие огни скользили перед ней, заставляя вновь видеть его лицо. Широкое, тяжелое, с глубокими морщинами под маленькими глазами, — казалось, оно не может никого пленить. Образ завершало дряблое тело, руки с короткими пальцами и наполеоновский рост. Но как только он начинал говорить, из его глаз лился странный свет, уверенные жесты вторили низкому поставленному голосу. Вся фигура его словно вытягивалась и преображалась. И тогда он начинал пленять. Постепенно перебирая каждую красивую женщину в своем окружении. «Только не меня», — сказала себе Иза в первый день работы. Она отстранилась от него, спряталась за своей гордостью и стальными глазами. Владелец рекламного агентства вновь кого-то приглашал в Лондон, а она проходила мимо, оставляя ему запах «Orium».

Перед сном она перебирала их слова, их взгляды. Сомкнутые зрачки продолжали видеть его неправильное, некрасивое лицо. Но вдруг снова возник темный переулочек и неясные, почти неслышные шаги. Потом была школа. Пустой класс биологии на пятом этаже и разбросанные тетради. Бешенные удары сердца забегали один на другой. Она никак не могла вспомнить дату, которую от нее ждал учитель истории. Ей мешал терпкий древесный запах, исходивший от его колючей шеи.

— Так бывает, что ты о ком-то совершенно не думаешь, но он везде? — спросила Иза свою рыженькую подругу, когда они пили свой обычный «предрабочий» кофе.

— Да, если ты находишься с ним в одном здании.

— Я не о нем говорю.

— Кстати, Валерий Соломонович уже здесь, — бросила Мила, закрывая за собой дверь кабинета.

За окном пробегала противная изморось. Казалось, она пробирается в комнату, заползает за воротник. И даже теплый мягкий свет лампы не мог сдержать приближающийся холод. На несколько часов Иза погрузилась в работу. Карандаш скользил по бумаге. Тихий скрип грифеля оттачивал внутреннюю тревогу. Без десяти два Иза вышла и направилась к лестнице по длинному коридору. Она сдерживала свои шаги, потому что перед ней был он. В одну и ту же минуту они открыли свои двери. Увидев ее, он резко отвернулся. Но стал двигаться вперед медленно, словно в невесомости. Связанные невидимой нитью, они никак не могли вырваться из плена бесконечного коридора. Около ступенек он замер, позволяя ей догнать его. Легкий поворот головы, и его дыхание обожгло лицо Изы. Взгляды поймали друг друга, отшвырнули о холодные стены, и они продолжили свой путь на расстоянии вниз по лестнице.

Иза села в машину, оставив дверь открытой. Она не находила в себе сил даже для легкого поворота ключа. Она чувствовала, как огромная волна подступает к ней. Вода плотная, слишком соленая. Если накроет ее с головой, для дыхания не останется ни одного шанса. Океан проглотит ее. А дальше? Растерзает...

— Ты сегодня бледная.

— Меня замучили эти сны. Знаешь, он такой высокий, что рядом с ним становишься маленькой

птичкой, прилетевшей на далекий жаркий остров... Только я давно не была там. Никогда не была.

— Что-то новенькое! — засмеялась Мила.

Иза сидела за столом, упираясь взглядом в белую бумагу. Работать не было никаких сил. Она включила компьютер, зашла в «Яндекс» и начала просматривать новости. «Завтра — облачно, ноль градусов», — висело в углу экрана. Она читала, не разбирая слов, цвета сливались в один — серый туман за окном. Неожиданно выплыли черные буквы, мгновенно врезавшиеся в ее зрение: «Холмс». Агентство частного сыска». Она долго вглядывалась в это объявление, потом подсветила его и распечатала.

Сретенский бульвар был окутан прохладной дымкой, одинокие птицы пролетали сквозь потемневшие деревья. Прохожие торопливо шли вперед, пряча взгляды в шарфы, намотанные на бледные шеи. Изредка кто-то останавливался, чтобы покурить, искра сверкала, оттеняя унылый день. Замерзшая рука Изы нащупала в кармане маленький листок, вырванный из блокнота: «Дом с черными фигурами...» Она оглянулась по сторонам, справа от нее было нужное здание, в этом не было никаких сомнений. Оставалось только перейти дорогу.

Иза потянула тяжелую дверь на себя и оказалась внутри просторного подъезда. Поднявшись на пятый этаж, она сразу заметила табличку «Холмс». Ее встретила секретарша с малиновыми губами, вокруг которой витал слишком сладкий карамельный запах.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Вам придется немного подождать. Что будете — чай, кофе?

- Кофе.
- Со сливками?
- Черный.

Секретарша пожала плечами, смахивая с лица молочные кудряшки.

Иза успела выпить две чашки, прежде чем ее пригласили в кабинет, из которого минуту назад вылетел мужчина с большим белым конвертом.

— Здравствуйте. Садитесь. Меня зовут Марк. А вас как? Впрочем, если хотите, можете не отвечать. — Коренастый плотный мужчина усмехнулся, указывая ей на темно-зеленое кожаное кресло.

— Изабелла, — она села на край, закинув ногу на ногу и распрямив спину.

- Что привело вас к нам?
- Я хотела бы найти одного человека.
- Что вам о нем известно?

— Немного. Имя. Фамилия. И еще: когда-то он был школьным учителем.

Широкие пальцы быстро застучали по клавиатуре, набирая нужную информацию.

— Через несколько дней мы с вами свяжемся.

Ночью Иза никак не могла заснуть. Белые пепельные волосы металась по подушке. «Какого черта?! — повторяла она про себя. — Да еще ты — настоящий идиот!» Постепенно она погрузилась в сон. Широкое лицо уступало место ярким карим глазам, она вновь становилась хрупкой девчонкой.

Они сидели за огромным овальным столом. Во главе, конечно, был он. Собрание протекало

как обычно: подводили итоги и обсуждали новые проекты. Его голос звучал ровно, эхом падая в низ живота. В какой-то момент Иза потеряла смысл слов, отдавшись полностью этой вибрации. За окном сквозь последние листья пробивался первый снег. Все закончилось. Взбудораженные лица покидали кабинет. Он был на прежнем месте. Иза встала — вяло и нехотя, оперлась коленом на стул и замерла. Вскоре они остались вдвоем.

- Иза, ты хочешь что-то мне сказать?
- Да.
- Я слушаю.

— Валерий Соломонович, хочу, чтобы эта ситуация прекратилась. Если я вас оскорбила, мне очень жаль. Мы можем забыть об этом? Я просто хочу продолжать работать.

Он подошел к ней, глубоко взглядываясь в ее серые глаза.

— Иза... Я слишком стар для твоих игр. Это слишком изощренный способ соблазнения.

Ничтожное расстояние разделяло их. Иза чувствовала, как жар поднимается из глубины сердца, проникает сквозь кожу и передается ему. Его лицо пылает, и он ждет, чтобы она только протянула руку...

— Вы ошибаетесь. Поверьте мне. Всего доброго.

Она улетела. Не оглядываясь, поспешно вышла из комнаты, а закрыв дверь, бросилась бежать. Тело ныло. Так хотелось остаться с ним. Слезы вырвались из плена и коснулись густых ресниц. Ветер ударил ее сквозь незастегнутое черное пальто. Протяжный стон мобильного раздался из лакированной сумки.

— Изабелла, добрый день. Вас беспокоят из агентства «Холмс». Все готово. Когда вы сможете подъехать?

— Прямо сейчас. Буду минут через сорок.

Иза резко завела машину и нажала на газ. Не прошло и полчаса, как она была на Сретенском бульваре.

Снова черные ветки, черный кофе и зеленое поскрипывающее кресло.

— Здесь вся информация. — Марк протянул ей бумаги и фотографии. — Сами прочтете или рассказать в общих чертах?

— Расскажите.

— Андрей Алексеевич занимается производством подарочной упаковки. Это семейный бизнес, в котором работают и его жена, и даже теща. У него есть шестнадцатилетний сын. Весь день он проводит на работе. Иногда вечером встречается с друзьями, пьет коньяк. Из вредных привычек — сигареты. Дымит как паровоз. Возможно, именно из-за этого у него такие проблемы с сердцем. В больнице он частый гость. Там есть копия заключения врача. Вот, пожалуй, и все. Ничего примечательного. Все подробности у вас в руках.

Иза держала фотографии, но не решалась взглянуть на них. Только попав в уютное знакомое пространство своей машины, она наконец осмелилась. Незнакомая, ничем не цепляющая фигура была перед ней. Сложно было разглядеть в этом стареющем мужчине своего учителя. И все же он был здесь, прятался за мешками под глазами и грустным лицом. Ей захотелось увидеть его. Немедленно. Такие приступы накатывали на нее,

когда ей было четырнадцать. Она бежала в школу, не замечая колючего снега. Резко открывала дверь и стремилась к заветной лестнице, ведущей к нему, лоя в зеркале напротив раздевалки отражение своих горящих глаз.

Теперь это было неизбежно — их встреча. Поэтому Иза не спрашивала себя: стоит или нет? В отчете был написан адрес итальянского ресторана, в котором он бывает по субботам. Оставалась подготовиться. Она зашла в огромный магазин на Садовом, где обоняние поражали сотни запахов, а полки были уставлены всем тем, что делает женщину более чувственной: кремы, тени, помады, соли, масла... Иза остановилась перед YLLOZURE. Взгляд долго перебирал новинки, потом обратился к теням. Перед ней было то, что нужно: номер 3330, «Pluie d'automne». Густая темно-серая масса с синими и шоколадными вкраплениями должна была идеально подчеркнуть ее глаза.

Иза не ошиблась. Особенно вместе с черной линией на внутреннем веке ее зрачки приобрели слегка нереальный оттенок. На платье-футляр с глубоким декольте она набросила черное пальто из стриженной норки. Образ завершили лакированные сапоги на шпильке. Возможно ли узнать в ней девочку-подростка? «Вряд ли... Вряд ли...» — шептала Иза, медленно заезжая на парковку ресторана. Как только она оказалась внутри, ее охватили страх и непонятная злость. На себя?.. На него?.. А может быть, на пропасть этих лет? Иза неуверенно огляделась. Робость так не сочеталась с ее внешним видом, что губы невольно дрогнули в улыбке. В этот момент она увидела его. Он сидел в правом углу зала, пока

один. Дым вился над ним, как стая лохматых птиц. Иза поспешила сесть за столик, недоступный его рассеянному взгляду. Она начала наблюдать.

Его тело было спрятано в серый шерстяной свитер, левая рука теребила зажигалку. Высокий стройный красавец остался в прошлом. Только его глаза, изменив свое выражение, по-прежнему были прекрасны. Людей в ресторане становилось все больше. Гул голосов нарастал. Официанты с подносами торопливо скользили между столиков. Дым щипал лицо. Андрей Алексеевич заказал бутылку красного вина и медленно вытягивал темно-красную жидкость из своего бокала. Он все еще был один. Иза смотрела на него с жалостью: «Что время делает с людьми!» И все же не могла оторвать взгляд. За колючим свитером и загрубевшими руками были их долгие мучительные разговоры у школьного окна. Он ответил на звонок мобильного, после чего пожал плечами и жестом позвал официантку. «Значит, ужинать он собирается в одиночестве».

Он вяло наматывал на вилку спагетти, растягивая ее воспоминания. Иза теряла шумный зал ресторана, случайных людей вокруг и запах томатов, перед ней был он — невероятно высокий и сильный, словно скала. Она встала и направилась к нему. Замерла возле его столика и сказала: «Добрый вечер». Он поднял глаза, тень пробежала по лицу, глаза заскользили по ничего не значащим предметам, пытаясь найти точку опоры.

— Андрей Алексеевич, вы, может, меня не узнаете? Я...

— Изабелла. Конечно. Просто не ожидал.

— Я тоже.

— Присаживайся. Или ты торопишься? — Он оглянулся, как будто искал ее спутника.

— Нет, я одна. Моя подруга уже ушла. — Она села напротив, пытаясь справиться с дыханием.

— Ты изменилась.

— Да. Сколько прошло лет — десять, двенадцать?

— Я не об этом говорю.

Иза представила, что последний раз он видел ее подростком с русыми волосами, а теперь перед ним сидит блондинка в черном. Бесконечно чужая.

— Как у вас дела?

— Хорошо. Я больше не преподаю. Я же говорил тебе тогда.

— Я думала, вы передумаете.

— Уверен, что не думала. Как ты? Замужем? Дети есть?

— Нет. Пока нет.

— Очень странно. На тебя не похоже.

— Я собираюсь.

— Кто он?

— Владелец рекламного агентства. Я рада вас видеть.

— А я рад, что ничего не произошло. Все бы пошло наперекосяк — и у меня, и у тебя.

Они выпили по бокалу. Иза чувствовала, как годы испаряются над ними. Фигура в колючем свитере, потерявшая свой четкий контур, заставляла ее вбирать в себя тепло и безысходность. Все так. Но все совсем иначе. Она видела, как внимательно он смотрит в ее глаза и при этом хочет, чтобы она исчезла — сейчас. Или осталась раньше.

Ночь подкрадывалась за окном. Они встали и направились к выходу.

— Ну что, ты не грустила, когда я ушел?

— Я же сказала, что не буду.

— Ты всегда была такой гордячкой.

Он помог ей надеть пальто, на секунду задержав лицо у ее шеи. Его тепло, знакомое и забытое, набросило на нее легкую вуаль. Она повернулась к нему и прижалась к его груди с такой силой, что он потерял равновесие, всей тяжестью плеч оперся на дверь, которая была за ним. Мгновенно послышался скрип, и они оказались в небольшой комнате, примыкающей к гардеробу. Иза цеплялась за ворсистую ткань, будто боялась упасть в бездонную пропасть. Запах мокрого меха резал дыхание. Вкус вина и сигарет смешался в пронизывающем поцелуе. Его руки неслись по молодой гладкой коже, а ее — раздирали ворот сорочки, сжимавшей его горло, словно цепь этих лет. «Иза...Иза...Иза...» — слышался протяжный шепот. Она задыхалась от его слов, влетающих в рот и разрывающихся в сердце, как бенгальские огни. Узкая ладонь нащупала стальную пряжку ремня и потянула за нее, в одну секунду отрекаясь от всего, что было ее жизнью. Две крупные слезы покатались по горячим щекам, оставаясь росой на поседевшей щетине. Сладко... Так сладко могло быть только в детстве или на другой планете... Внезапно холод пронесся между ними. Иза ощутила, как замерли пальцы на ее правой лопатке. Его веки сомкнулись в спазме... наслаждения... Она закричала. Так громко, насколько мог звучать ее голос...

Мелкий снег дрожал в воздухе и превращался в холодный туман, обжигавший все внутри. Люди, машины, огни, напрасно пытающиеся преодолеть сумрак города, — смешались. Туман безжалостно проглатывал тех, кто попадался ему на пути. Устоять не могли даже здания, их фасады искривила гримаса мокро-грязного уныния. Промозглость танцевала на позвоночнике. Соль, прикрывавшая первый лед, вонзалась в глаза, заставляя плакать.

Иза пришла на работу после недельного отсутствия. Все казалось совсем другим, даже стены поменяли свой цвет. Поднимаясь по лестнице, она увидела его. Он стоял наверху, облокотившись на перила, и смотрел на нее.

— Добрый день.

— Здравствуй, Иза. Когда будет время, зайді ко мне. Лучше поскорее.

«Наверное, наступил тот самый предел, о котором говорила Мила», — пронеслось у нее в голове, но не затронуло ни одной эмоции. Она бросила пальто на стул, обвела безучастным взглядом свои эскизы и решила, что медлить ни к чему. Без стука она вошла к нему в кабинет и села напротив.

— Ты как?

— Вы о том, где я пропадала? Простите, я знаю, что должна была предупредить...

Она замолчала. Простая сосредоточенность и пробивавшаяся сквозь нее нежность сбили ее с толку. Он молчал. Неожиданная тишина стерла расстояние между ними. Слабость связала крепким узлом ее колени, встать и уйти не было сил.

— Иза, ты как?

— Не знаю. Я больше ничего не знаю.

Он подошел к ней. Замер рядом, сжав ее руку.

— Осень наконец-то кончилась. Сегодня первый день зимы.

— Да. А какой Лондон зимой?

— Прекрасный. Как всегда. Хочешь посмотреть?

— Да. И поскорее.

Он целовал ее в первый раз, но не торопиво и порывисто, а медленно — впереди была вся зима.

— Это не обязательно должен быть Лондон. Выбирай любой город, только не тот, где меня нет.

Из офиса они вышли вместе. Он обхватил ее за талию. Мила, увидев эту картину, подмигнула подруге. Когда они скрылись из виду, она заметила, что из папки Валерия Соломоновича что-то выпало. Она подняла небольшой листок. Это была фотография: заплаканная Иза в окружении толпы перед машиной скорой помощи, на заднем фоне сверкала какая-то вывеска. На обороте была надпись: «1 ч 45 мин, итальянский ресторан «Vita». Мила оглянулась, никого не было. Быстро порвала фото, мелкие клочки швырнула в мусорное ведро. Она не знала, что это. Но не сомневалась — это не принадлежит какому-то конкретному человеку. Тем более уже наступила зима...

Оглавление

ФЕНИКС. РОМАН	11
РАССКАЗЫ	
Пианино будет играть	173
Снег на крыше	184
Зеленая комната	195
Поздняя осень	208

Литературно-художественное издание

Мансурова Мария

Феникс

р о м а н

Выпускающий редактор

Ю.Р. Камалова

Художественный редактор

Л.Г. Иванова

Оператор компьютерной верстки

А.Ю. Бирюков

Корректор

Е.В. Газарян

Подписано в печать 29.09.2008.

Формат 84x108/32.

Тираж 3000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»

107259 г. Москва,

Бухвостова 1-я ул., д. 12/11, стр. 17-18

Информация об издательстве в Интернете:

<http://www.vagriusplus.ru>

Отпечатано в ОАО ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

сверка 09.10.09